

Министерство образования и науки РФ
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет

ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Монография

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2015

УДК 316.356
ББК С561.5я43+У9(2Рос)
Ж 71

Рецензенты:

Н.И. Ловцова – д.соц.н., профессор Саратовского государственного технического университета;
Л.И. Савинов – д.соц.н., профессор Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

Научный редактор:

З.Х. Саралиева – д.и.н., профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Ж 71 **Жизненные миры современной российской семьи:** монография / **З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова** [и др.]. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

ISBN 978-5-91326-338-4

Семья рассматривается в многомерном социальном пространстве социально-структурного и социокультурного воспроизводства, социальной мобильности, системы образования и здравоохранения, экономико-хозяйственной сферы, системы социальной поддержки на базе интегрального концепта «жизненные миры семьи».

В основу работы авторского коллектива легли результаты социологических исследований, проведенных кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского по семейной тематике за последние 10 лет, а также материалы индивидуальных исследований авторов.

Книга адресована преподавателям, аспирантам, студентам, осуществляющим подготовку по направлениям «Социология» и «Социальная работа», специалистам учреждений социальной сферы, а также всем тем, кто интересуется состоянием, проблемами и перспективами современной российской семьи.

Печатается по решению Ученого совета ННГУ

ISBN 978-5-91326-338-4

ББК С561.5я43+У9(2Рос)

© З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова, А.В. Курамшев, А.В. Мигунова, Е.В. Митягина, И.Э. Петрова, М.В. Рябокоть, И.Л. Сизова, С.А. Судьин, 2015
© ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. Демографическая ситуация в современной России (<i>В.А. Блонин</i>)	9
Глава II. Мир внутрисемейного взаимодействия (<i>З.Х. Саралиева, Н.Ю. Егорова, А.В. Курамиев</i>)	20
Глава III. Российская семья и мир труда (<i>Е.В. Митягина, И.Л. Сизова</i>)	114
Глава IV. Государственная социальная поддержка семей, имеющих детей (<i>А.В. Мигунова</i>)	142
Глава V. Семья и система образования (<i>М.В. Рябоконт</i>)	157
Глава VI. Медико-социальные аспекты функционирования семьи (<i>С.А. Судьин</i>).....	178
Глава VII. Влияние религии на мир семьи (<i>И.Э. Петрова</i>)	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
ПРИЛОЖЕНИЯ	238
Приложение 1	238
Приложение 2	241
Приложение 3	243
Авторы	254

Семья как значимый структурный элемент любого общества всегда находилась в центре внимания исследователей. Серьезные преобразования этого, казалось бы, консервативного и очень инертного социального института, происходившие на протяжении последнего столетия, сделали его одним из основных объектов научного анализа в рамках различных гуманитарных дисциплин, в том числе и социологии, создав широкое поле для дискуссий по поводу проблем, интерпретации изменений и перспектив развития семьи и брака.

Не пытаясь поставить окончательную точку в ответе на эти серьезные и сложные вопросы, авторы данной работы делают попытку осмыслить роль современной российской семьи в контексте многомерного социального пространства, в связи с чем в качестве основного логического и теоретического конструкта используется интегральное понятие «жизненные миры семьи». Это позволяет подчеркнуть, с одной стороны, многогранность функционирования семьи, а с другой – тесную взаимосвязь и взаимовлияние семейных/брачных отношений и социального контекста, в котором они реализуются.

Многоаспектность анализа дает возможность по-разному взглянуть на это уникальное образование. В монографии семья рассматривается как институт, малая социальная группа, экономическая организация, ценность в системе базовых ценностей, субъект социально-психологической терапии, клиент и одновременно структурная часть системы социальной работы.

Принцип интегральности проявляется и в подходе к определению семьи. Семья анализируется в самом широком контексте отношений: учитываются как объективные параметры границ семьи (наличие супружества, родительства или родства), так и субъективное восприятие отношений как значимых, принцип самоидентификации и самоопределения группы (понятие партнерства, сожительства). Семья рассматривается как способ организации частной жизни людей, не обязательно мужчины и женщины, находящихся в том числе в гетеросексуальных отношениях, что позволяет расширить семейное пространство, включая в него новые, немногогамные, альтернативные модели семьи и брака, подчеркнуть вариативность семейной структуры, типов/форм семейной организации приватной жизни, конфигурации родительского ядра и, как

следствие, несхожесть ресурсного потенциала, специфичность жизненных проблем, различный уровень субъектности семьи.

Два основных параметра, определяющих теоретическую основу монографии (многогранность семьи и расширение границ ее определения), дают возможность описать семью в сфере демографических, экономических, политических и социокультурных отношений.

Монография начинается с анализа демографической ситуации в современной России (Глава I *«Демографическая ситуация современной России»*; к.и.н., доцент В.А. Блонин, декан факультета социальных наук ННГУ), сквозь призму которой оцениваются воспроизводственный потенциал российской семьи, ее жизнеспособность, структурные параметры, направления развития. В то же время подчеркивается, что никакие оценки современной ситуации и прогнозы демографического развития, предложения, касающиеся улучшения динамики населения, позитивных изменений в соотношении с коэффициентом рождаемости и смертности невозможны без анализа состояния российской семьи, ее демографического поведения. Семья всегда находится в центре демографических процессов, от нее зависит демографическое будущее России.

В главе II *«Мир внутрисемейного взаимодействия»* (д.и.н., профессор З.Х. Саралиева, к.с.н., доцент Н.Ю. Егорова, ассистент А.В. Курамшев) анализируются существующие подходы к определению семьи и интерпретации изменений этого базового института; описываются основные сферы семейных отношений, их характеристики, направления трансформационных процессов, делается попытка определить последствия и проблемы функционирования субинститутов супружества и родительства. В главе последовательно раскрываются основные смысловые сдвиги в системе «личность – семья – общество». Рассматриваются семья как ценность и семейные ценности; субинститут супружества (брачный статус, сожительство/партнерство, межличностное взаимодействие, семейные роли); родительско-детские отношения (основные модели взаимодействия; ценность детей; проблемность в осуществлении функций; типология современного родительства; монородительство; ответственное родительство; родительская самоидентификация). В рамках категории успешной семьи предлагается трактовка успешного родительства (некоторые из его характеристик – потребность в детях как терминальная ценность, обеспечение права ребенка на полную и полноценную семью, педагогическая и психологическая подготовленность, ориентация на самостоятельную жизнедеятельность семьи, ответственность перед социумом за свою семью и детей).

Начальные главы создают теоретическую основу для дальнейшего анализа семьи в контексте социального взаимодействия, подчеркивая разнообразие современных семейных отношений и процесс активного разделения сфер, составляющих основу семьи (супружества, родительства, родства), что определяет необходимость учета этих процессов при исследовании возможностей и проблем семьи в различных сферах социальной жизни.

Последующие главы характеризуют взаимодействие семьи с другими социальными институтами, подчеркивая переплетенность и взаимозависимость основных сфер социального пространства, необходимость рассмотрения семьи в рамках социального контекста. Так, в главе III *«Российская семья и мир труда»* (д.с.н., профессор И.Л. Сизова, д.с.н., доцент Е.В. Митягина) рассматривается проблема российской семьи в условиях возрастающего значения труда и занятости населения в рыночной экономике, оценивается потенциал семьи через совокупность ее социокультурных и структурных характеристик (уровень образования и квалификации родителей; профессиональная занятость и безработица; трудовые доходы; домашний труд; влияние ресурса семьи на трудовую деятельность молодых рабочих; их ценностные ориентации и профессиональные жизненные стратегии).

В главе IV *«Государственная социальная поддержка семей, имеющих детей»* (к.с.н., доцент А.В. Мигунова) семья описывается в контексте политических отношений, социальной политики, рассматриваются современные тенденции выстраивания работы с семьей в тесной взаимосвязи с основными процессами в семейно-брачной сфере. Особое внимание уделяется работе с семьями, имеющими детей, в учреждениях социального обслуживания как составляющей государственной системы семейной политики и социальной защиты населения России.

В главе V *«Семья и система образования»* (аспирант М.В. Рябоконт) проанализированы основные формы взаимодействия современной российской семьи с институтом образования на разных уровнях – от дошкольного образования и воспитания до среднего профессионального и высшего образования. Семья рассматривается как первичный образовательный институт, а образование – как ценность современной семьи.

В главе VI *«Медико-социальные аспекты функционирования семьи»* (к.с.н., доцент С.А. Судьин) семья рассматривается как значимый фактор, определяющий здоровье индивида на медико-генетическом, индивидуально-психологическом и социально-ролевом уровнях функционирования. Акцентируется внимание на семейных стратегиях здоро-

вьесбережения, профилактического поведения. Обобщаются материалы авторского эмпирического исследования о проблемах семей с психически больным родственником.

В заключительной седьмой главе *«Влияние религии на мир семьи»* (к.с.н., доцент И.Э. Петрова) определяются возможности реконструкции традиционных семейных ценностей в современных условиях, в связи с чем рассматривается взаимодействие религии и семьи на различных уровнях – институциональном, организационном и личностном. Анализируются статистические данные религиозности населения, основы социальных концепций конфессий, традиционные семейные устои и семейное взаимодействие различных конфессиональных групп, религиозный фактор рождаемости.

Авторы монографии опирались на исследования зарубежных и отечественных демографов и социологов семьи последних десятилетий.

Представленная монография имеет, на наш взгляд, ряд аспектов, которые отличают ее материалы от других публикаций.

1. Определение семьи, предложенное авторами, дает возможность включить в поле социологического осмысления современную семью с позиции ее поливариантных трактовок и оценок.

2. Категория успешной семьи, разработанная на кафедре общей социологии и социальной работы ННГУ, стала фундаментом Концепции семейной политики Нижегородской области, официально утвержденной в 2003 г.

3. В основе монографии лежат данные, полученные авторами в ходе проведения 22 социологических исследований (1999–2014 гг.), посвященных проблемам современной семьи, межпоколенным отношениям, ценности детей, молодой семье, родительству и детству и другим аспектам жизненных миров семьи (Приложение 1).

4. 23 международных научно-практические конференции и семинары (1999–2014 гг.), организаторами и активными участниками которых были преподаватели кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ, позволили авторам сверить полученные результаты с исследовательскими данными в широком диапазоне социологии семьи зарубежных и российских университетов (Приложение 2).

5. Постоянный интерес к проблемам и тенденциям изменений семейно-брачных отношений позволил в 1993–2015 гг. осуществить публикацию 108 работ, в том числе учебника, монографии, научных статей в рецензируемых отечественных и зарубежных изданиях (Приложение 3).

Анализ жизненных миров семьи охватывает всю полноту ее функционирования в современном обществе и открывает перспективы дальнейшего углубленного изучения трансформаций социального института семьи.

Междисциплинарность представленной темы может способствовать интеграции усилий ученых, менеджеров и практических деятелей по решению проблем семьи в современной России. Считаем важным совершенствовать меры семейной политики с учетом новейших достижений современной социальной науки и категорий, представленных в монографии. Надеемся, что результаты исследования помогут расширить спектр оказываемых социальных услуг семьям и повысить их эффективность.

Монография может быть полезной исследователям, преподавателям социальной работы и социологии, руководителям учреждений социальной сферы, социальным работникам, а также всем, кого интересуют проблемы современной семьи и семейной политики.

Авторы монографии выражают признательность:

– научному коллективу лонгитюдного исследования семьи в Германии «Анализ внутрисемейного взаимодействия и семейной динамики» («Panel Analysis of Intimate Relationships and Family Dynamics» – 2008) и в особенности профессору Бернару Науку (университет г. Хемница, Германия);

– коллективу исполнителей проекта «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье», реализованного в 2012–2013 гг. в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» под научным руководством профессора З.Х. Саралиевой.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматриваются основные черты и тенденции демографического развития современной России во взаимосвязи с динамикой российской семьи, представлены основные подходы в оценке современной демографической ситуации и современного этапа в развитии семейного института. Показана важность изучения современной семьи для анализа демографических процессов.

Ключевые слова: демографическое развитие и динамика российской семьи, современные тенденции, рождаемость, смертность, динамика численности населения, подходы к оценке демографической ситуации.

Состояние и развитие семьи во все времена теснейшим образом связаны с характером демографических процессов, динамикой населения, тенденциями изменения общей демографической ситуации. Семья и демографическое развитие всегда находятся в тесной диалектической взаимосвязи. Это в полной мере относится и к весьма драматическому этапу в демографическом развитии России на рубеже XX и XXI столетий.

Современное состояние населения России и перспективы демографического развития российского общества в последние годы стали предметом особого внимания общественности, ученых, политиков и государственных органов. Негативный характер демографических процессов в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. определялся как «демографический кризис», «депопуляция», «демографическая катастрофа». Вместе с тем эти оценки нередко обнаруживали и обнаруживают влияние политической конъюнктуры и очевидное непонимание закономерностей и факторов демографического развития. Сложность взаимовлияния и взаимодействия социально-экономических, социально-демографических, социально-политических и социокультурных процессов, происходящих в современном российском обществе, требует, в частности, взвешенного и детального анализа особенностей демографического развития в его взаимосвязи с социальными процессами, преодоления существующих в обществе упрощенных представлений о современной демографической ситуации, о ее истоках и факторах, оказывающих на нее определяющее воздействие, о перспективах развития российского населения, месте и

роли демографического фактора. Следует отметить, что по-разному оцениваются и определенные позитивные тенденции в демографических процессах последних лет первого десятилетия и начала второго десятилетия XXI века в контексте реализации «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года», а также демографические перспективы России на ближайшие десятилетия.

Конец XX века стал для российского общества временем глубоких и драматических перемен в социальной, экономической, политической, духовной сферах жизни. Глубокие изменения, происходившие в демографическом развитии этого времени, характеризовались явно выраженными негативными тенденциями: снижением рождаемости, значительным ростом уровня смертности, абсолютным сокращением численности населения, его относительным «старением». Связывать эти процессы напрямую и исключительно с радикальной социально-политической и социально-экономической трансформацией общества, по мнению ведущих отечественных специалистов [1], было бы очевидным упрощением.

Универсальный характер обозначенных процессов применительно к России сопровождается рядом очевидных особенностей ее демографического развития в XX веке, что, несомненно, повлияло на ту ситуацию, в которой оказалось население страны в конце столетия. В XX веке Россия прошла через череду демографических катастроф: две мировые войны, гражданскую войну, голод 1930-х гг. – с их колоссальными безвозвратными людскими потерями. Их последствия сказываются в так называемых «демографических волнах», то есть периодических колебаниях уровня рождаемости, связанных прежде всего со вступлением в наиболее интенсивный по уровню рождаемости возраст разных по численности контингентов мужчин и женщин.

В ходе этих демографических кризисов и катастроф более всего пострадали самые крепкие и активные группы, ухудшалось состояние здоровья населения (миллионы людей переболели инфекционными и желудочно-кишечными заболеваниями, были поражены дистрофией, а среди выживших увеличилась прослойка физически ослабленных людей), то есть их последствия связаны не только с количественными потерями, но и с необратимым качественным ущербом [2, с. 241].

Закономерный процесс снижения рождаемости в России, начавшийся с конца XIX века, завершился переходом к современному типу воспроизводства населения и устойчивой малодетности в 1960-е гг. С кон-

ца 1960-х гг. волнообразные колебания рождаемости были обусловлены как структурными факторами (уменьшением числа потенциальных матерей), так и мерами стимулирующей демографической политики. Резкое снижение уровня рождаемости в 1960-е гг. (с 23.2 промилле в 1960 г. до 14.2 промилле в 1969 г.) было в немалой степени связано с вступлением в брачный возраст уменьшенных контингентов мальчиков и девочек, родившихся в 1940-е гг. В 1970-е гг. этот показатель несколько возрос до уровня 15–16 промилле, а в начале 1980-х пошел вверх. Последнее обстоятельство во многом было обусловлено специальными мерами государства по поощрению рождаемости и новыми льготами по материнству и детству (1981 г.). Подобные меры, как правило, сказываются в первые несколько лет, так как реализуются так называемые отложенные намерения женщин, желающих иметь детей, но затем снова наступает спад. По мнению С.В. Захарова, такие действия можно расценить как недостаточно продуманное вмешательство государства в демографическую сферу, что вместе с демографическими последствиями антиалкогольной кампании середины 1980-х гг. привело к усилению волнообразности динамики рождаемости и смертности, а дестабилизация ритма формирования потомства у ряда поколений ускорила приближение отрицательного естественного прироста [3, с. 416].

Внешне благополучные показатели естественного прироста в 1980-е гг. скрывали то, что уже более четверти века режим воспроизводства населения не обеспечивал даже простого замещения поколений. До 1992 г. население продолжало расти лишь благодаря потенциалу роста, накопленному его возрастной структурой. Однако демографическое старение населения, обусловленное суженным воспроизводством поколений, вело к исчерпанию этого возрастного потенциала роста (в 1959–1989 гг. средний возраст населения вырос с 29.5 до 34.7 лет).

На уровень рождаемости в первую очередь влияют возрастная структура населения (особенно численность женщин в репродуктивном возрасте) и интенсивность деторождений в каждом возрасте. Первый из факторов можно оценить как инерционный (то есть определяемый предшествующей возрастной структурой населения), тогда как второй характеризует репродуктивное поведение женщин (их желание рожать или не рожать детей) и более подвержен воздействию социально-экономических условий [4, с. 60–71].

В итоге к концу 1980-х гг. Россия вышла внешне по коэффициенту естественного прироста на уровень, характерный для индустриально развитых государств. Однако незавершенность переходных демографи-

ческих процессов обеспечивает заметное демографическое отставание России от этих стран, особенно в отношении смертности и методов планирования семьи [3]. Таким образом, закономерные тенденции демографических изменений были усугублены болезненными факторами социального происхождения, которые явились катализаторами негативных процессов демографического развития.

Классифицируя современные подходы отечественных специалистов к исследованию и оценке социально-демографической ситуации в России и перспективам ее развития, можно выделить основные из них.

1. Согласно одной из позиций, основные причины, породившие современную демографическую ситуацию, носят долговременный эволюционный характер, они подчиняются общемировым закономерностям и в принципе необратимы [5; 6]. Наиболее ярко эта позиция выражена группой специалистов под руководством А.Г. Вишневого, возглавляющего ныне Институт демографии в Высшей школе экономики. При таком подходе главная задача заключается не в попытке «вернуть вспять колесо истории», поскольку закономерные тенденции не могут быть изменены на противоположные никакими мерами, а в том, чтобы приспособить общество и его институты к исторически новой ситуации. При осознании того, что население России вступило в период долговременного сокращения его численности и старения, необходимо, на взгляд этих исследователей, прежде всего задуматься над тем, как страна будет жить в таких условиях. Проведение целенаправленной социальной, и в частности семейной, политики является крайне важным, однако, по мнению этой группы специалистов, вряд ли следует питать излишние иллюзии по поводу возможностей ее воздействия на демографическую ситуацию, на повышение рождаемости. Большое значение они придают возможным мерам, направленным на снижение смертности, которое в нынешних условиях способно противостоять депопуляционным тенденциям в большей мере, чем повышение рождаемости. Ими обращается внимание и на такой ресурс противостояния депопуляции, как миграция, но отмечается, что это далеко не бесспорный ресурс, который способен породить множество различных проблем. Резюме этой позиции выражено пожеланием «отрешиться от примитивной веры в «преодоление депопуляции», в возврат к «добрым старым временам» и принять суровую реальность, всерьез задуматься над новыми экономическими и политическими концепциями, новыми управленческими схемами, без которых нельзя будет выжить в этом совершенно новом вре-

мени» [5, с. 157]. Такая оценка повторена и в результате анализа демографических процессов в России последних двух десятилетий [7].

2. Сторонники другого подхода, в значительно большей степени заостряющие проблему депопуляции и комплекса ее негативных последствий, на первое место выдвигают глобальный системный кризис семьи в условиях индустриально-рыночной цивилизации. По мнению одного из представителей этой позиции В.М. Медкова, депопуляция может быть обозначена как парадигма кризиса семьи в противоположность первой из обозначенных позиций, которая названа парадигмой модернизации [8, с. 375–376]. Концепция кризиса семьи исходит из признания глубоких пороков того варианта социальной организации рыночно-индустриального типа, который сложился в современном обществе в условиях таких социокультурных процессов, как ослабление социально-нормативной регуляции семейности, снижение ценности брака, семьи с детьми, единства всех семейных поколений [8; 9]. При таком подходе особое внимание обращается на негативные последствия депопуляции: демографические, экономические, социальные, политические и геополитические. В этих условиях, по мнению сторонников данной позиции, необходима целенаправленная демографическая политика, основными принципами которой являются принцип суверенности семьи, принцип общественного договора, принцип свободы выбора семьей любого образа жизни, принцип единства целей федеральной и региональной политики и принцип социального участия [8, с. 383].

С учетом заявленных позиций по-разному оценивается «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 г.» (Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г.). Одинаково признавая важность появления такой Концепции как символа осознания государственной властью и обществом важности современных демографических проблем, сторонники первой из позиций скептически оценивают заявленную цель «стабилизации численности населения и формирования предпосылок к последующему демографическому росту», тогда как представители второй положительно воспринимают поставленную цель, подчеркивая, что основой ее достижения является улучшение репродуктивного здоровья населения, создание предпосылок для повышения рождаемости, всестороннего укрепления института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности и решения ряда других задач [10].

Оценивая современные подходы к анализу современной демографической ситуации в России, обратим внимание на наиболее важные ее

составляющие, включая динамику численности населения, рождаемости, смертности. Для нас в данном случае важны не только и не столько общие характеристики основных параметров населения России, сколько понимание современных тенденций и перспектив демографического развития в их диалектической взаимосвязи с процессами развития российской семьи.

Численность и структура населения и их динамика

По данным текущего учета населения (сайт Росстата), численность населения России на начало 2014 г. составила 143.5 млн человек [12]. Это меньше, чем по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. (145.2 млн), но больше, чем по результатам переписи 2010 г. (142.9 млн). Соответственно, с 2011 г. наметилась тенденция к увеличению населения, которая обусловлена как сокращением естественной убыли населения (превышением числа умерших над числом родившихся), так и положительным сальдо миграции.

Первое связано с динамикой рождаемости и смертности, а также поло-возрастной структуры населения: в нулевые годы заметно выросло число женщин активного репродуктивного возраста благодаря всплеску рождаемости во второй половине 1980-х гг. Что же касается миграционного фактора, то, как отмечают специалисты, последнее в немалой степени связано с изменением правил учета миграции (с 2011 г. в статистический учет долгосрочной миграции были включены те, кто зарегистрировался по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, что заметно увеличило показатели миграционного прироста) [7, с. 34–35].

Нулевые годы дали и положительную динамику возрастной структуры, часто называемую «демографическим дивидендом» и имеющую важную социально-экономическую составляющую: в этот период выросла доля трудоспособного населения благодаря вступлению в этот возраст многочисленных поколений второй половины 1980-х годов и уходу на пенсию малочисленных поколений «детей войны» [7, с. 5]. Однако положительные тенденции трудно назвать устойчивыми, учитывая инерционность демографических процессов, неизбежное ухудшение возрастной структуры (значительное сокращение числа женщин репродуктивного возраста и заметное старение населения).

Характерно, что основные демографические прогнозы (более пессимистический ООН и более оптимистический Росстата) предполагают естественную убыль населения.

Таблица 1

**Прогнозная динамика численности населения России по прогнозу ООН,
2005–2050 гг. WPP-2004, все варианты (тысяч человек)**

Годы	Вариант прогноза			
	<i>Верхний</i>	<i>Средний</i>	<i>Нижний</i>	<i>С постоянной рождаемостью</i>
2005	143 202	143 202	143 202	143 202
2010	141 420	140 028	138 639	139 609
2015	140 132	136 696	133 243	135 487
2020	138 654	133 101	127 458	130 708
2025	136 611	129 230	121 721	125 635
2030	134 772	125 325	115 953	120 509
2035	133 858	121 679	110 156	115 270
2040	133 885	118 334	104 314	109 761
2045	134 282	115 098	98 371	103 999
2050	134 532	111 752	92 358	98 169
Изменения за 2005–2050 гг.	–8 670	–31 450	–50 844	–45 033

Источник: [11].

Таблица 2

**Средний вариант прогноза численности населения Росстата
(обновление 2014 г.)**

Годы	2015		2020		2025		2030	
	На начало года	В среднем за год	На начало года	В среднем за год	На начало года	В среднем за год	На начало года	В среднем за год
Численность населения (тыс.)	143704.7	143761.7	143892.6	143860.0	143252.1	143140.5	141916.6	141764.3

Источник: Официальный сайт Росстата [12].

Скорректированный в 2015 г. средний вариант прогноза Росстата (с учетом численности населения Крыма и Севастополя) выглядит более оптимистично (обновление от 06.02.2015), но все равно предполагает естественную убыль населения (-503.7 тыс. человек в 2030 г.) [12].

Динамика рождаемости

Можно констатировать увеличение рождаемости в последние годы: общий коэффициент рождаемости вырос с 8.7 родившихся на 1000 человек населения в 2000 г. до 13.2 родившихся в 2013 г.

Таблица 3

Родившиеся, умершие и естественный прирост населения

Го- ды	Всего, человек				На 1000 человек населения			Число умер- ших в возрасте до 1 года на 1000 родив- шихся живыми
	родив- шихся	умерших	из них умер- ших в воз- расте до 1 года	Есте- ствен- ный прирост	Родив- шихся	умер- ших	Есте- ствен- ный при- рост	
Все население								
1960	2782353	886090	102040	1896263	23.2	7.4	15.8	36.6
1970	1903713	1131183	43511	772530	14.6	8.7	5.9	23.0
1975	2106147	1309710	49806	796437	15.7	9.8	5.9	23.7
1980	2202779	1525755	48500	677024	15.9	11.0	4.9	22.1
1985	2375147	1625266	49381	749881	16.6	11.3	5.3	20.7
1990	1988858	1655993	35088	332865	13.4	11.2	2.2	17.4
1995	1363806	2203811	24840	-840005	9.3	15.0	-5.7	18.1
1996	1304638	2082249	22825	-777611	8.9	14.2	-5.3	17.4
1997	1259943	2015779	21735	-755836	8.6	13.7	-5.1	17.2
1998	1283292	1988744	21097	-705452	8.8	13.6	-4.8	16.5
1999	1214689	2144316	20731	-929627	8.3	14.7	-6.4	16.9
2000	1266800	2225332	19286	-958532	8.7	15.3	-6.6	15.3
2001	1311604	2254856	19104	-943252	9.0	15.6	-6.6	14.6
2002	1396967	2332272	18407	-935305	9.7	16.2	-6.5	13.3
2003	1477301	2365826	18142	-888525	10.2	16.4	-6.2	12.4
2004	1502477	2295402	17339	-792925	10.4	15.9	-5.5	11.6
2005	1457376	2303935	16073	-846559	10.2	16.1	-5.9	11.0
2006	1479637	2166703	15079	-687066	10.3	15.1	-4.8	10.2
2007	1610122	2080445	14858	-470323	11.3	14.6	-3.3	9.4
2008	1713947	2075954	14436	-362007	12.0	14.5	-2.5	8.5

2009	1761687	2010543	14271	-248856	12.3	14.1	-1.8	8.1
2010	1788948	2028516	13405	-239568	12.5	14.2	-1.7	7.5
2011	1796629	1925720	13168	-129091	12.6	13.5	-0.9	7.4
2012	1902084	1906335	16306	-4251	13.3	13.3	0.0	8.6
2013	1895822	1871809	15477	24013	13.2	13.0	0.2	8.2

Источник: [12].

Суммарный коэффициент рождаемости, позволяющий более точно оценить ее динамику в отличие от общего коэффициента (т.е. числа родившихся на 1000 населения), поднялся с 1.2 рождений на одну женщину условного поколения в 2000 г. до 1.7 в 2012 г. [13, с. 22].

К основным факторам такого роста можно отнести благоприятную возрастную структуру: заметно увеличилось число женщин основного детородного возраста (до 35 лет). Сказалась, несомненно, и активная пронаталистская демографическая политика, проводимая после 2007 г.

К позитивным изменениям можно отнести заметное уменьшение уровня младенческой смертности (с 15.3 умерших младенцев возрасте до одного года на 1000 родившихся в 2000 г. до 8.2 в 2013 г.) и снижение числа абортотв.

Таблица 4

Прерывание беременности (аборты)

	2005	2010	2011	2012	2013
Всего абортотв, тысяч	1675.7	1186.1	1124.9	1064.0	1012.4
на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	42.7	31.7	30.5	29.3	28.3
на 100 родов	117.4	66.6	63.0	56.2	53.7
– абортотв, в том числе мини, тысяч	405.5	316.1	308.8	293.9	286.2
на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	10.3	8.5	8.4	8.1	8.0
Число абортотв у первобеременных*, тыс.	161.5	98.7	86.4	80.8	72.2

* Данные приведены по учреждениям системы Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Источник: [12].

Вместе с тем к весьма важным тенденциям, характеризующим российскую рождаемость, относится несомненное «постарение» материнства, то есть увеличение среднего возраста женщин при первом рождении ребенка, а также увеличение среднего возраста матерей при рождении детей (с 25.8 лет в 2000 г. до 28.0 лет в 2013 г.) [13, с. 24–33].

Динамика смертности

Если российские показатели рождаемости в настоящее время весьма близки к аналогичным показателям развитых государств, то смертность в России, несмотря на некоторое улучшение ситуации в последние годы, заметно выше, и особенно это касается уровня смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, а также от внешних причин (травмы, ДТП, отравление и т.д.). По показателю ожидаемой продолжительности жизни (70.3 лет для обоих полов) Россия в 2012 г. существенно отстает не только от развитых стран (здесь показатель – 80 лет и выше), но и от соседей по Восточной Европе (75–79 лет) [7, с. 18–19]. Учитывая особенности возрастной структуры российского населения (вступление в старшие возраста заметно более многочисленных поколений родившихся в послевоенные годы в отличие от предыдущих поколений, родившихся в годы войны), можно прогнозировать рост абсолютного числа смертей в предстоящие годы как неустраимой причины нарастания естественной убыли населения [6, с. 523–524].

Таким образом, в целом, казалось бы, более или менее благополучные изменения в динамике воспроизводства и численности населения последних лет могут носить временный характер, о чем говорят и демографические прогнозы. Соответственно, никуда не уйдет вопрос о компенсации естественной убыли населения за счет внешней миграции, что является проблемой не только демографической, но и политической.

Все оценки современной ситуации и прогнозы демографического развития, характеризующиеся статистическими данными численности населения, коэффициентами рождаемости, смертности, динамики населения и т.д., а также предложения относительно улучшения всех этих показателей явно недостаточны без анализа состояния российской семьи. Так, например, простое повышение рождаемости не всегда можно оценить положительно. Следует задаться вопросами, в каких семьях рождены эти дети – благополучных или неблагополучных, оказались эти дети желанными и долгожданнами или стали обузой и дополнительной проблемой для родителей. От ответов на эти и другие проблемные вопросы будет зависеть и оценка, казалось, внешне абсолютно положительных показателей.

Многие нюансы в состоянии рождаемости, смертности и других демографических характеристик населения зависят от так называемого демографического поведения: разного рода установок (репродуктивных или прокреативных, брачных, жизнеохранительных и т.д.) и их реализации. Модели такого поведения закладываются извне (традициями, коллективными установками, обществом и государством в целом), однако реализуются они в основном через институт семьи, преломляясь и изменяясь на микроуровне, преобразуясь в уникальные, индивидуально-семейные траектории развития.

Таким образом, семья всегда остается в центре демографических процессов, и от семьи зависит во многом демографическое будущее России.

Список литературы

1. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: Изд-во ОГИ, 1998. 432 с.
2. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
3. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.
4. Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60–71.
5. Население России 2000. Ежегодный демографический доклад ЦДЭЧ / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2001. 176 с.
6. Население России 2010–2011. Восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2013. 525 с.
7. Вишневский А.Г. Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России. 2012. № 3. С. 3–40.
8. Медков В.М. Демография: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 448 с.
9. Антонов А.Н., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000. 416 с.
10. Вишневский А.Г. Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России. 2012. № 3. С. 3–40.
11. Медков В.М. Депопуляционные прогнозы численности населения России в 2005–2050 гг. // Демографические исследования. № 2. – URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=22&idArt=254
12. Официальный сайт Росстата. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
13. Тындик А.О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: Дело, 2015. 94 с.

МИР ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

§1. Что такое семья?

Анализируются основные социологические подходы к определению семьи и брака.

Ключевые слова: семья, брак, домохозяйство, семейные ценности.

В последние годы издается большое количество материалов научных исследований, учебников и лекционных курсов для вузов по социологии. Во многих этих публикациях есть раздел «Семья», однако в них, как правило, воспроизводятся сюжеты, обсуждавшиеся еще в середине 50-х гг. XX в. [1, с. 112].

На первый взгляд, семья кажется одной из простейших и часто используемых социологических категорий. Слово «семья» является разговорным и часто употребляемым, его применение почти никогда не вызывает затруднений, каждый имеет некоторый личный опыт семейной жизни и, как следствие, свое представление о том, что такое семья. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой семья определяется как группа живущих вместе близких родственников [2]. На наш взгляд, это очень аморфное определение, но в повседневной жизни большинству людей вряд ли придется столкнуться с необходимостью его уточнения.

На теоретическом уровне определить понятие «семья» не так просто. Одна из важных научных дискуссий, занимающих исследователей, изучающих семью, как раз связана с уточнением соответствующей дефиниции. Каким образом отличить семью от других видов жизненных укладов? Этот вопрос актуален для специалистов многих научных дисциплин, изучающих семью.

Как считает Т.А. Гурко, «сегодня, очевидно, более уместно говорить не о «семье», в определение которой уже трудно даже в рамках конкретной культуры вложить всевозможные вариации, а о семьях» [3, с. 96]. В исследованиях семьи, особенно при эмпирических исследованиях, ученые зачастую вместо семьи за единицу наблюдения принимают домохозяйство либо различные малые группы, например, социаль-

ные общности, где есть зависимые члены (несовершеннолетние, инвалиды или пожилые).

Сторонники структурно-функционального подхода рассматривают семью как социальный институт. Критерием определения любого социального института является функция – вклад в сохранение целого и его структуры.

Первичным элементом единения в социальных системах Т. Парсонс считал «домохозяйство во всех его вариациях» [4, с. 104]. В своей более ранней работе «Семья, социализация и интерактивный процесс» при исследовании института семьи он основное внимание сконцентрировал на анализе семейной социализации. Вполне в духе структурно-функционального подхода сформулированы определения семьи, предложенные Н. Смелзером («семья – основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей; члены семьи часто живут в одном доме» [5, с. 424]) и Дж.П. Мердоком («семья – социальная группа, характеризующаяся совместным проживанием, экономической кооперацией, совместным участием в биологическом и социальном воспроизводстве; включающая в себя взрослых индивидов обоих полов (как минимум двое из которых состоят в социально одобряемых сексуальных отношениях) и детей (собственных и/или приемных) взрослых членов семьи, поддерживающих между собой сексуальные отношения» [6, с. 19]). При данном подходе не будут считаться семьями такие типы укладов жизни, как неполные семьи (с одним родителем); сожительствующие пары, имеющие детей (или без них); лесбийские и гомосексуальные пары с детьми или без них; пожилые пары, чьи дети выросли и оставили дом.

С середины 60-х гг. XX в. парадигма структурно-функционального анализа стала доминирующей и в отечественной социологии семьи. Наиболее ярким ее представителем являлся А.Г. Харчев, который долгое время был «монополистом» в отечественной социологии семьи. Ему принадлежит дефиниция семьи, которая вошла почти во все отечественные справочные издания как общего, так и специального характера и до сих пор приводится во многих базовых отечественных учебниках социологии. А.Г. Харчев определял семью «как исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в кото-

рой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [7, с. 75].

В монографии «Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики» М.С. Мацковским проведен тщательный формальный системный анализ понятий, описывающих функционирование социального института и малой группы вообще (как компонентов социальной системы) в сопоставлении с понятиями, сложившимися в советской социологии семьи. Разработана фасетная классификация элементарных понятий социологии брака и семьи, построена единая система операционализации понятий, элементы которой соотносятся с понятиями как института, так и группы [8, с. 28–30, 59–63].

Схематически, по М.С. Мацковскому, это выглядит следующим образом:

Схема 1. Единая система операционных понятий семьи как социального института и малой группы, по М.С. Мацковскому

Возможность перехода между обозначенными уровнями М.С. Мацковский видел прежде всего в максимальной стандартизации системы переменных, в построении на языке этих переменных «широкого класса исследовательских гипотез и объяснительных моделей» [8, с. 86]. Другими словами, им было предложено построение теории путем агрегации имеющихся эмпирических закономерностей, тенденций, фактов и построения по некоторым правилам (четко не артикулированным) теоретической конструкции, призванной объяснить полученные факты, связать их в некую концептуализированную структуру «среднего уровня».

Наиболее последовательными сторонниками функционального подхода в современной отечественной социологии семьи являются А.И. Антонов и В.М. Медков. Отталкиваясь от функциональной концепции семьи А.Г. Харчева, они приходят к следующей формулировке: «Семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества–родительства–родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [9, с. 66]. А.А. Клецин оценивает данную дефиниция как этапную для отечественной социологии семьи, указывающую на переход от «сущностного» функционализма А.Г. Харчева к «деятельностному» функционализму А.И. Антонова [1, с. 63–64].

А.И. Антонов, неуклонно развивая идею и букву «главной функции», довел ее до логического завершения, констатируя, что семья без детей – это вовсе и не семья: «Из трех конституирующих саму семью отношений: супружества, родительства и родства родительство является стержневым, изъятие его из семьи превращает последнюю в нечто иное, чем семья» [10, с. 9].

Другое направление в определении семьи сложилось в рамках эволюционного подхода, при котором акцент делается на рассмотрении универсальности семьи и смены ее форм в исторической ретроспективе. Наиболее ярким представителем данного подхода в современной отечественной социологии семьи был С.И. Голод. Суть его концепции состоит в том, что основное внимание уделяется структуре и характеру внутрисемейных отношений, конституирующих семью, – свойства и кровного родства (порождения) в их исторической динамике. При этом, естественно, учитывается влияние исторических тенденций общественного развития в целом, с одной стороны, и исторического развития индивидуальности – с другой [11].

С.И. Голод считал, что процессы и явления, происходящие в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах и обнаруженные к середине XX столетия, уже не могут интерпретироваться однозначно как отклонения от нормы. Они должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов в самом институте семьи.

С.И. Голод определял семью, как «совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства» [12, с. 100]. Доминирование одного из названных отношений и его характер (от крайней формы половозраст-

ной зависимости до соответствующей автономии) могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии. С опорой на такое понимание семьи им были сконструированы следующие идеальные типы семейных отношений: патриархатный (или традиционный), детоцентристский (или современный), супружеский (или постсовременный). В настоящее время, согласно рассматриваемой концепции, все эти типы функционируют параллельно, образуя широкий спектр моделей [12, с. 90–187].

Несмотря на то что в описании патриархатной семьи отчетливо выделены основные типобразующие признаки («ведущее отношение – кровнородственное, явная зависимость жены от мужа, а детей от родителей» [12, с. 92]), системный анализ патриархатного типа семейных отношений С.И. Голодом не проведен. Как отмечает А.А. Клецин, им затронуты (часто иллюстративно) только некоторые характеристики традиционных отношений: сватовство; решение по поводу важнейших проблем жизнедеятельности семьи, принимаемое мужчиной; патрилокальность; патрилинейность; авторитарная система воспитания. И хотя в плане общей постановки вопроса приведенные данные об исторической динамике патриархатного типа семейных отношений и его современных «рудиментов» вполне убедительны, дело доведено лишь до констатации наличия модернизированного варианта классической традиционной семьи, а реальные и логически вероятные модели (формы) ее бытования практически не рассмотрены [1, с. 81–82].

Детоцентристская семья, по убеждению С.И. Голода, – явление индустриального общества. Детоцентристский тип – существенный шаг в трансформации моногамии, ибо повышается материальная и духовная забота о детях, поддерживается стремление ребенка к разностороннему развитию. Впрочем, лучшее доказательство этого тезиса – новые принципы межполовых и межпоколенных отношений [12, с. 120].

Зарождение избирательности в предбрачный период предопределило новую семейную стратегию. Признавая основой личности функцию выбора, С.И. Голод был убежден, что совместное проживание мужа и жены (родителей и детей) в условиях отсутствия раз и навсегда закрепленных ожиданий и ролей требует адаптации их индивидуальных планов и поведенческих стереотипов относительно друг друга. Под адаптацией исследователем понимается целостная система активных и направленных действий индивида, не только способствующих поддержанию динамического равновесия в конкретных социальных условиях, но и обеспечивающих возможность эволюции при их изменении [13].

С.И. Голод считал, что адаптация отражает внешний поведенческий слой отношений, более глубокий слой, по его мнению, – интимность. Он уточнил понятие «интимность» применительно к индивиду и супружеству: интимизация индивида характеризуется усложнением его внутреннего мира, самоконструированием, самоактуализацией. Иными словами, происходит индивидуализация человека, выделение его в качестве специфической единицы. Когда же речь идет об интимности как атрибуте супружества, подразумевается, что индивидуальность мужа и индивидуальность жены не только не противопоставляют их друг другу, а, наоборот, благодаря созвучию экзистенциальных принципов способствуют более тесному их сближению [11, с. 137–150].

Характер же межпоколенных отношений приоткрывает, по мнению социолога, возможность для дифференциации форм детоцентристской модели семьи, таких как авторитарная, амбивалентная и квазиавтономная [11, с. 150–158].

С.И. Голод расценивал движение от публичности к приватности как одно из фундаментальных, определяющих лицо современной цивилизации. По его мнению, сочетание двух эмансипаторских движений (освобождение детей от родителей и женщин от мужчин) содействовало возникновению постсовременного типа семьи. В этом типе семья стратегические отношения определяются не родством (как в патриархатном) и не порождением (как в детоцентристском), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; в супружеские отношения проник эротизм, акцентируемый как ключевой момент постсовременной семьи. Супружеская семья – своеобразная кооперация. Супружество – это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями. С.И. Голод подчеркивал неинституциональный характер связи, ее симметричность, с одной стороны, и асимметрию функций (мужа и жены) – с другой. Супружеская семья, как, впрочем, и любая иная, не сводима к отношениям свойства; остаются значимыми и отношения порождения. Но главная ее особенность заключается в том, что основополагающие семейные ценности формируются во взаимоотношениях мужа и жены и лишь впоследствии становятся естественной базой для отношения «родители–дети».

Тенденция интегративного понимания макро- и микроуровней социальной реальности стала ведущей в социологической теории с начала 80-х гг. XX в. Наиболее зримо этот процесс обозначился в попытках

конвергенции противостоящих друг другу на протяжении большей части XX в. социологических парадигм: структурных теорий и теорий социального действия. Сторонники интегративного подхода отвергают макроэкстремизм структурных функционалистов и структуралистов и микроэкстремизм бихевиористов, феноменологов, этнометодологов.

Одним из ярких представителей данного подхода является Э. Гидденс. В своих работах он дал несколько определений семьи, при этом главным критерием у него выступает принцип самоидентификации, самоопределения. Так, Э. Гидденс определяет семью и как ячейку общества, которая состоит из людей, поддерживающих друг друга одним или несколькими способами, например, социально, экономически или психологически (любовь, забота, привязанность), либо члены которой отождествляются друг с другом как поддерживающая ячейка [14, с. 162]; и как группу людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми [15, с. 362]. Как видно, первое определение допускает больше возможности для выбора. Под это определение может подпадать любая группа, которая считает себя семьей. Второе определение, на первый взгляд, кажется более «консервативным». Но если мы его попытаемся развернуть, то увидим, что разница двух дефиниций не столь уж и существенна. Исходя из определений Э. Гидденса, значительно расширяется сфера семейного, в нее включаются не только альтернативные типы семей, но и такие образования, как коллективные (коммуна, киббуц) и гомосексуальные семьи [15, с. 386–388].

Соотношение понятий «брак» и «семья» в социологии выглядит крайне запутанным. Эти понятия часто используются как синонимы, их смысловое содержание имеет большие вариации, что затрудняет их разделение, а часто они определяются друг через друга.

В отечественной литературе, как правило, дается узкое определение брака, например: «брак – семейный союз мужчины и женщины, порождающий права и обязанности по отношению друг к другу» [16, с. 33]; «брак – это санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению друг к другу и детям» [17, с. 28–29].

Одна из основных традиций интерпретации брака в отечественной социологии тоже связана с именем А.Г. Харчева. Рассуждая о соотношении брака и семьи, он высказывает убеждение, что брак является основой семьи: «То, что семья включает в себя хотя бы одну брачную пару, которая служит «ядром» семейной группы, не может вызывать сомнений. Семьи,

образованные группами братьев, сестер или других кровных родственников, а также матерями-одиночками и их детьми, являются следствием чрезвычайных, ненормальных обстоятельств» [7, с. 36].

Вместе с тем каждый из рассматриваемых институтов имеет свою специфику. А.Г. Харчев видит следующие различия между браком и семьей:

а) «исторические» («исторически семья появляется значительно позднее брака, и уже по одному этому она не может служить исходным пунктом при его определении»);

б) «количественные» («отличие брака как парного отношения, которое во многом эгоистично по своему характеру, от семьи как группового отношения, в котором личность должна в какой-то степени раствориться в общем»);

в) «качественные» («в то время как брак является только отношением, семья представляет собой еще и социально организованное объединение людей; главное отличие простого социального отношения от социальной организации (такой, как род, семья, государство, партия и т.д.) состоит в том, что последняя может выступать в качестве субъекта других общественных отношений и осуществлять определенную деятельность» [7, с. 38–39].

Социальное содержание брака, по мнению А.Г. Харчева, неоднородно: оно включает в себя как экономическую, так и психологическую стороны. Психологическая (в широком смысле, включающем и духовную жизнь) сторона рассматривается как первичная в «онтогенетическом» смысле, понимается как подчиненная социально-нравственной регуляции отношений между полами, имеющей объективный общественный характер. Именно такая регуляция описывается А.Г. Харчевым как исторически наиболее ранняя. Позже «с возникновением религии, а затем государства, нравственное регулирование половой жизни было дополнено религиозным и правовым регулированием» [7, с. 50]. Исходя из сказанного, А.Г. Харчев делает вывод: «брак можно определить как исторически изменяющуюся социальную форму отношений между женщиной и мужчиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их супружеские и родительские права и обязанности» [7, с. 66].

Семья же, по А.Г. Харчеву, как уже отмечалось, представляет собой более сложную, нежели брак, систему отношений, ибо объединяет не только супругов, но и их детей, а также других родственников или «просто близких супругам и необходимых им людей» [7, с. 66].

Предложенный способ разведения семьи и брака вряд ли можно считать исчерпывающим, к тому же он содержит логический парадокс, когда одно понятие определяется через другое [1, с. 59–62].

В западной современной социологии все чаще можно встретить более расширенное определение брака. Например, Э. Гидденс считает, что «брак – социально одобряемые сексуальные отношения между двумя индивидами. Почти всегда брак заключается между людьми противоположного пола, но в некоторых культурах весьма терпимы и к гомосексуальному браку. Обычно брак является основой для репродуктивной семьи, т.е. ожидается, что супружеская пара рождает и воспитывает детей» [15, с. 664].

Семейные отношения – это сложный феномен, который может быть рассмотрен как состояние принадлежности индивида некоторому надындивидуальному семейному целому. При этом можно отметить двойственность системы семейных взаимоотношений: во-первых, это некая система взаимодействия, контактов, связей; во-вторых – система, которая включает оценку субъектом самих этих взаимодействий и контактов, а также участвующих в них партнеров. Следовательно, объективация семейных отношений возможна через анализ как области эмоциональных отношений членов семьи друг к другу, так и области объективно существующих процессов развития семейных отношений на разных стадиях жизненного цикла семьи.

Остановимся на некоторых социальных и социально-психологических аспектах семейной жизни, в первую очередь обратив внимание на те процессы, которые определяют их современную трансформацию.

Семья как ценность и семейные ценности

Э. Гидденс, определяет ценности как «представления индивидов или групп людей о том, что желательно, приемлемо, хорошо или плохо. Различия в ценностях являются ключом к пониманию культур. На индивидуальные ценности сильное влияние оказывает специфика данной культуры» [15, с. 674].

Является ли семья социальной ценностью? Вряд ли можно получить на такой вопрос отрицательный ответ. И действительно, результаты многочисленных исследований ценностных ориентаций россиян уже в течение длительного времени свидетельствуют о высоком рейтинге семейно-брачных ценностей в общем ряду жизненных ценностей.

Семья и семейные ценности – один из базовых элементов любой культуры. Ценность семьи для большинства россиян не подлежит сомнению.

Вместе с тем современное состояние семьи характеризуется плюрализмом ее моделей, и уже поэтому вряд ли можно выделить некий универсальный набор семейных ценностей. То, что для одних людей ассоциируется с семьей и ее ценностями, для других может вообще не представлять никакого интереса. Семейные ценности столь же относительны и столь же разнообразны, как и социальные ценности в целом. Ценности семьи зависят от социокультурных условий, национальных и региональных обычаев и традиций, значимости родства и др. При этом нельзя забывать и о значимости субъективного фактора: супруги сами выбирают свои семейные ценности.

В более общем плане семейные ценности можно рассматривать как систему наряду с другими ценностными системами: личностной и общественной. Взаимодействие этих ценностных систем носит динамический характер. Так, при переходе от семьи традиционного типа к современному происходит сдвиг по всей цепочке «личность – семья – общество». Это выражается, в частности, в изменении образа жизни, ценностей, типа внутрисемейных отношений, социального статуса семьи, характера взаимодействия с обществом [18, с. 167].

Современные общества отличаются большим разнообразием элементов, обладающих относительной автономией, что позволяет говорить о множественности культур и, как следствие, о множественности ценностных систем, которые взаимодействуют друг с другом.

Тем не менее можно определить круг ценностей, наиболее часто ассоциируемых с семьей и семейной жизнью. В него входят прежде всего любовь, дети, родство, супружеские отношения.

В социологической литературе, с точки зрения семейных ценностей и ценностных ориентиров, предлагается несколько типологий семей. Так, Л.И. Савинов выделяет следующие типы:

- 1) семьи, в которых семейным ценностям отдается приоритет;
- 2) семьи, где личные ценностные ориентации имеют для супругов более высокую значимость по сравнению с ценностями семьи;
- 3) семьи, имеющие различные ценностные ориентации, когда один из супругов отдает предпочтение личным, а другой – семейным ценностям;
- 4) семьи, в которых определенное время сохраняется паритет семейных и личных ценностей;
- 5) семьи с «плавающими» ценностями, то есть с преобладанием в одни периоды ценностей семьи, а в другие – личных [19, с. 13–14].

Взаимодействие различных ценностных систем носит сложный характер, связанный порой с несовпадением и даже с противоположно-

стью интересов общества, личности и семьи. Так, например, К. Кирпатрик сформулировал 10 основных дилемм, отражающих борьбу ценностей в американских семьях [20; цит. по: 8, с. 65]:

- личная свобода или порядок и дисциплина в семье;
- достижения в работе или глубина отношений между супругами, родителями и детьми;
- самовыражение личности или самопожертвование ради детей;
- гибкое или жесткое воспитание;
- стремление к достижению детьми больших успехов или понимание возможностей детей;
- приверженность интересам семьи или интересам общества;
- широта внешних контактов семьи или их ограниченность;
- ранний брак или брак в зрелом возрасте;
- опыт в любви или верность в любви;
- свободное сексуальное поведение или сексуальная сдержанность.

Как видно, система личностных ценностей (индивидуализм, приоритет прав личности, независимость, индивидуальный успех, свобода, развлечения) вступает в конфликт с коллективистским характером семьи. О конфликтности семейных и общественных ценностей в современных российских условиях тоже не приходится сомневаться.

Изменение ценностных и социально-психологических основ семейной жизни, происходящих в современной России, можно представить как процесс перехода от традиционной семьи, где главными основами семейно-брачных отношений были кровное родство и общее хозяйство, к современной семье, базирующейся на партнерстве и интимности.

В центре ценностной ориентации семьи могут быть, однако, не только супружеские отношения, но и дети, родство и т.д.

Например, анализ характера межпоколенных отношений позволяет констатировать поливариантность детоцентристских моделей семьи. С.И. Голод выделил несколько базовых моделей [11, с. 150–158]:

- «авторитарная» (доминирование старшего поколения: ребенок часто выступает средством самоутверждения одного из родителей, как правило – матери;
- «амбивалентная» (на ребенка воздействует «отраженный свет» супружеских отношений: волны тепла чередуются с волнами холода);
- «квазиавтономная» (переходный этап от ярко выраженного детоцентризма – родители осуществляют преимущественно культурную инвестицию в детей – к новому типу семьи, в котором придается главенствующее значение автономному развитию ребенка).

Мотивы вступления в брак

Под брачной мотивацией понимается комплекс позитивных мотивов, побуждающих людей к созданию семьи, и негативных, удерживающих от этого шага.

Общим выражением отношения молодых людей к браку и семье являются мотивы вступления в брак. Например, С.И. Голод выделил пять групп мотивов вступления в брак:

- любовь;
- духовная близость;
- материальный расчет;
- психологическая адекватность;
- моральные соображения [21, с. 26].

При всем разнообразии мотивов их можно, в конечном счете, свести к двум: любовь и материальный расчет [22, с. 17].

Романтическая ориентация, связывающая создание семьи исключительно с большой любовью, является до сих пор одним из ведущих мотивов, особенно она характерна для не состоящих в браке.

Такой традиционный мотив – «семья необходима для рождения и воспитания детей» – наиболее часто встречается при опросах людей, состоящих в браке, а также незамужних женщин. Среди разведенных мужчин очень популярно суждение, что «семья необходима как наиболее целесообразная форма удовлетворения важнейших человеческих потребностей».

Однако не будем забывать об условности разделения по данному критерию, поскольку между любовью и расчетом нет жесткой границы.

Мотивы, удерживающие от создания семьи, имеют также сложную структуру, в значительной степени обусловленную полом и брачным состоянием. В частности, у мужчин наиболее значимым является стремление «встать на ноги», прежде чем обзавестись семьей, в то время как для женщин более актуальным представляется отсутствие в окружении достойного, по их мнению, человека. Однако все более распространенными и у мужчин, и у женщин становятся такие препятствия, как желание подольше «пожить для себя»; опасение, что брак помешает профессиональному росту и самореализации [23, с. 23–45]. Затянувшееся холостячество в современных условиях чаще всего не связано с воздержанием в интимных отношениях. В материально-бытовом плане осязаемых молодым человеком плюсов тоже немало (личная свобода, возможность самостоятельно распоряжаться доходами и т.д.). Разговоры о том, как плохо живет современному холостяку, часто бесплодны. Очевидно,

здесь нужно смещать акценты: сегодня холостяку не так уж и плохо, другое дело завтра – холостяки в среднем живут на 5–7 лет меньше женатых, да и с годами трудности привыкания к другому человеку растут [24, с. 26–27].

Критерии готовности к браку/семье мужчин и женщин

Анализ условий готовности к браку показывает, что представления людей об этой сфере жизнедеятельности достаточно сильно дифференцированы: к мужчинам и женщинам в нашем современном обществе предъявляются различные требования, причем они в значительной степени сохраняют традиционную окраску.

Вступление мужчины в брак связывается главным образом с его способностью обеспечить семье принятые в обществе материальные стандарты существования; для женщин ведущим критерием выступает любовь (наличие чувства становится нормативным критерием готовности к супружеству).

Люди с разным семейным опытом рассматривают брачно-семейные отношения с различных ценностных позиций. Чаще всего супружеские пары смотрят на эти проблемы сквозь призму собственных отношений, которые связаны с появлением новых ролевых функций – семейного человека (отличающихся от функций внесемейного), с возникновением новых прав и обязанностей как супруга, так и родителя, с включением в новую систему родственных отношений. Молодежь, вступающая в брак, ориентируется в этих вопросах лишь на свой добрачный опыт межличностных отношений и оценку брачно-семейного опыта людей из их непосредственного окружения.

Молодожены выше оценивают свою подготовленность к семейным ролям, чем люди, живущие в браке более 7 лет. Для мужей, имеющих стаж семейной жизни, показателями подготовленности являются такие умения, как «выполнять отцовские обязанности», «ухаживать за малышом», «поддерживать хорошие отношения с родителями жены», «выполнять хозяйственные работы по дому», «понимать и учитывать настроение и психологическое состояние жены». Для женихов наиболее значимыми оказались «умение быть хорошим сексуальным партнером», «умение организовать досуг и отдых семьи».

Надо отметить, что «умение быть хорошей хозяйкой» женщины традиционно считают для себя более значимым, чем для мужчин, а это приводит к тому, что женщины сами способствуют укоренению стереотипа, что они должны выполнять все хозяйственные обязанности.

Критерии выбора брачного партнера

Еще более многообразна палитра критериев, которые влияют на выбор брачного партнера. С одной стороны, современная детоцентристская семья базируется на личностном выборе супруги/супруга.

Широкое распространение практики брачных объявлений позволяет при их анализе получить интересную информацию по целому спектру вопросов, касающихся стереотипов поиска брачного партнера.

Например, россиянки, ищущие свою половину посредством брачных объявлений, в первую очередь выделяют материальную независимость партнера и отсутствие у него «вредных привычек» (особенно – приверженности к алкоголю), а из требований, предъявляемых к социальному поведению, чаще всего указывают порядочность. Российские мужчины более откровенно говорят о желаемой внешности партнерши, включая особенности фигуры вплоть до указания желаемых размеров.

С другой стороны, выбор брачных партнеров в значительной мере сужается под влиянием существующих в обществе стереотипов о «совместимости» в браке людей, принадлежащих к разным социально-культурным группам.

Рассмотрим некоторые из этих ограничивающих брак факторов более подробно.

Возрастное соответствие

Для современной России можно отметить несколько типов брачного поведения в зависимости от возраста вступающих в брак.

1. Традиционным, модальным, для России является брак, когда жених старше невесты на 2–3 года. Характерно, что стереотипные представления более свойственны рабочим [25, с. 19–20]. Однако в последнее время модели брачного поведения становятся все более разнообразными.

2. Браки сверстников. У них много «плюсов» (совместная учеба, работа, ожидания), но существуют специфические социально-психологические проблемы. Например, если брак создается по «женскому» варианту (молодоженам 21–22 года), то у мужа может сохраниться «синдром недогулявшего»; а если по «мужскому» (25–26 лет) – у жены может развиться чувство «засидевшейся». Браку сверстников, по оценке социологов, предшествует в среднем 7 лет знакомства: это позволяет молодоженам лучше узнать друг друга, но, с другой стороны, у них раньше наступает «усталость» от однообразия отношений. Еще один блок проблем связан с асимметрией сексуально-психологических потребностей. Половая активность мужчин и женщин развивается неравномерно, по-

этому супруги могут столкнуться с несколькими кризисными периодами, когда расхождение в активности будет наибольшим: около 35 лет, около 45 лет и после 55 лет.

3. Мужчина женится на женщине старше себя. Главный плюс – самостоятельность женщины, уже чего-то добившейся в жизни и даже помогающей супругу прочно стать на ноги; но «трагичность» данного брака – в возможной неблагодарности супруга, причем в момент, когда возможности жены изменить жизнь будут весьма ограничены.

4. Мужчина женится на женщине намного моложе себя. Основная проблема данного брака – усиление социально-бытового неравенства в положении женщины; ранний брак и рождение ребенка могут значительно затруднить для молодой женщины получение высшего образования, освоение профессии и реализацию своей профессиональной карьеры.

Уровень образования

Совпадению этой характеристики многие современные женихи и невесты придадут важное значение [25, с. 14–17]. Женщины обычно предпочитают, чтобы уровень образования и социальный статус предполагаемого мужа или его семьи был, по крайней мере, не ниже, чем ее собственный, особенно это относится к представительницам высокообразованных слоев. Подобные установки вступают в противоречие с реально сложившейся у нас ситуацией, когда численность женщин, имеющих высшее и среднее специальное образование, превышает количество мужчин, имеющих соответствующий уровень образования. Поэтому в последние десятилетия все более распространенными становятся браки, в которых жена образованнее мужа [26, с. 46–66].

Мужчины в своей оценке образования как критерия выбора брачного партнера не единодушны. Если для рабочих характерно индифферентное отношение, то мужчины с высшим образованием более склонны учитывать этот показатель, хотя и в несколько меньшей степени, чем женщины, относящиеся к соответствующей социальной группе.

Уровень образования тесно коррелирует с социальным статусом, что является также одним из важных критериев выбора брачного партнера.

Национальная принадлежность

Доля национально-смешанных семей в советском обществе непрерывно увеличивалась. Она составляла около 10% в 1959 г. и приблизилась 17% в 1989 г. Однако разные народы СССР принимали неодинаковое участие в процессе «всеобщего смешения». Примерно 2/3 национально-смешанных семей включали супругов только русской, украин-

ской или белорусской национальностей. Почти каждая третья пара объединяла представителей восточнославянских народов с лицами, принадлежавшими к другим национальностям (как «титულным», так и «нетитулным»). На браки между всеми другими национальностями приходилось не более 3–5% среди всех национально-смешанных брачных пар.

Доля лиц, состоявших в национально-смешанных браках, заметно различалась по национальностям. Наибольшей она была среди финно-угорских титульных этносов РСФСР, достигая иногда 45–50% (мордва, карелы, коми). Среди татар, чувашей, башкир, удмуртов их доля составляла 25–30%. Значительны были эти показатели и среди некоторых нетитульных этносов, например среди немцев (более 40%) и евреев (более 30%) [27, с. 221].

Ослабление влияния традиционных родственных и соседских связей как один из основных факторов роста межэтнической брачности отмечалось во многих работах. Так, В.И. Козлов считает, что «немаловажное значение для распространения таких браков в городах имели, очевидно, и автономизация брачных пар, ослабление их связей с кругом родственников» [28, с. 84].

Есть все основания полагать, что ослабление традиционных родственных и соседских связей ведет к росту численности национально-смешанных браков. В то же время у современных урбанизированных этносов функции родственных и соседских кругов в подборе брачного партнера могут переходить к другим видам внутриэтнических контактов, в частности к дружеским и производственным [29, с. 160].

В процессе урбанизации традиционные правила подбора брачного партнера теряют свое абсолютное значение, однако продолжают действовать как тенденция, и в межнациональные браки чаще вступают те, кто по различным причинам ослабил связи с традиционной мезоструктурой.

После распада СССР ситуация в области межнациональных отношений значительно изменилась, что не обошло стороной и межнациональные браки [30].

Отношение к межэтническим бракам во многом определяется такими характеристиками, как численность этноса, компактность его проживания, наличие государственности, религиозная принадлежность, социально-экономическое положение, уровень образования и т.д. В современной России представители любого этноса предпочитают выбирать брачного партнера своей национальности.

Фиксация брака

В соответствии с «Семейным кодексом Российской Федерации», государством «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния»: семья получает свое официально-правовое признание только при регистрации акта о заключении брака в государственных органах ЗАГС.

По сути, заключение брака начинается с подачи заявления на регистрацию брака (законом определяется месячный срок со дня подачи заявления до дня регистрации брака), но сама по себе подача заявления в ЗАГС никаких правовых отношений для лиц, подавших заявление на регистрацию брака, не устанавливает. Отказ от вступления в брак не влечет никаких правовых последствий. И как показывает практика, около 4% пар, подавших заявления на регистрацию, на нее не приходят.

В Семейном кодексе РФ закреплены нормы, которые регулируют отношения, вытекающие из брака и принадлежности к семье. Одной из таких норм является установление брачного возраста (18 лет). Однако в практике работы органов ЗАГС вступление в брак до 18 лет – не случайность. Основной причиной столь раннего и, как правило, спешного брака в современной России является беременность невесты или рождение ребенка.

В России все больше распространяются нерегистрируемые браки. Отход от традиционной модели брачности, зафиксированный официальной статистикой в 1990-е гг., предполагает, что внебрачные сожительства стали приемлемой социальной нормой. Это подтверждается опросами общественного мнения и результатами социологических исследований [31, с. 139–153].

Опыт западных стран говорит о том, что рост числа сожительства в очень большой степени компенсирует падение регистрируемой брачности, которое наблюдается почти повсеместно, так что доля людей, не состоящих ни в каком браке, меняется не слишком сильно.

С другой стороны, результаты социологических исследований фиксируют и силу традиций. Например, для трети молодежи важным является получение родительского согласия на брак. Эта норма особенно характерна для молодежи, проживающей в малых городах и сельской местности, и является более важным фактором для девушек [32, с. 170].

Однако однозначно интерпретировать подобного рода результаты социологического опроса, с нашей точки зрения, крайне опрометчиво.

Например, еще одной «новацией» является желание почти половины подростков заключать брак по религиозному обряду (45% юношей и

55% девушек) – и это при том, что верующими, соблюдающими религиозные обряды назвали себя всего 3% опрошенных, а религиозная принадлежность очень значима для 4% [32, с. 171]. Сопоставление этих показателей позволяет предположить, что желание совершить церковный обряд бракосочетания связано скорее с торжественностью и красочностью чина венчания, чем со значимостью религиозного освящения брака.

Сватовство

Как это ни парадоксально, но браки по сватовству для некоторых социальных групп (в частности, для семей с высоким уровнем материального благосостояния) становятся опять актуальными. Так, исследовательская группа кафедры социологии философско-социологического факультета Удмуртского госуниверситета в 1997 г., опросив 300 респондентов, зафиксировала, что для 75% опрошенных само самой разумеющимся оказалось, что в семьях с высоким уровнем материального благосостояния имеют место браки по сватовству. Подобный выбор партнеров в браке определяется следующими причинами: соображениями материальной выгоды; взвешенным подходом к выбору будущего супруга; заботой родителей о благе детей, об их счастье и даже желанием выгодно «отделаться» от детей [33, с. 134–135].

В роли сватов в современных условиях чаще всего выступают родители (преимущественно матери), но могут быть и другие близкие родственники, друзья, специальные службы, «профессиональные» свахи и т.д.

Брачный договор

Если сватовство для России – явление, имеющее глубокие корни, то брачный договор появился совсем недавно. Он представляет одну из новых форм регулирования имущественных прав и обязанностей супругов. Появление института брачного договора в семейном законодательстве РФ вряд ли можно отнести к случайностям. Из вопросов, которые могут быть урегулированы брачным договором, можно выделить вопросы, касающиеся изменения законного режима имущества супругов: содержание друг друга, способы участия в доходах и семейных расходах и т.д., а эти проблемы стали злободневными в современной практике семейных отношений.

При этом надо учесть, что закон предусматривает и ряд ограничений по содержанию брачного договора. Брачный контракт не регулирует личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей, а также не может ограничивать

право и дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав, включать положения, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятные обстоятельства или противоречат началам семейного законодательства РФ.

Институт брачного законодательства, безусловно, включает в себе большие возможности для регулирования имущественных отношений супругов. Однако в условиях низкой правовой грамотности населения пока очень сложно говорить о широком распространении этого правового института. По неофициальной статистике (официальная вовсе отсутствует), в России всего 3–7% пар заключают брачные договоры, при этом многие из них вступают в брак повторно [34, с. 109–110].

Семейные роли

Социальная роль – поведение, ожидаемое от индивида, занимающего определенную социальную позицию. В любом обществе индивид исполняет различные социальные роли, связанные с различными сферами его жизнедеятельности [15, с. 672].

Семья является одной из наиболее значимых сфер жизнедеятельности человека. Не удивительно, что проблеме семейных ролей социологи всегда уделяют особое внимание. Трансформация ролевых отношений в семье является важнейшей стороной современной перестройки внутрисемейных отношений. Неопределенность норм, регулирующих в настоящее время брачно-семейные отношения, ставит перед современной семьей ряд проблем.

Одной из наиболее важных среди них является проблема «выбора» каждой семьей способа ролевого взаимодействия из большого набора норм и правил, которые сейчас сосуществуют в нашем обществе. В этих условиях существование разнообразных норм и образцов ролевого поведения становление ролевой структуры семьи как социальной и психологической общности, адаптация супругов друг к другу, выработка стиля семейной жизни тесно переплетаются с межличностными отношениями супругов и их социальными установками.

Проблема выбора, принятия семьей того или иного ролевого образца неотделима от формирования отношения каждого из членов семьи к этому образцу, к своей роли в семье и к выполнению ролей другими членами семьи.

Семейные роли образуют сложный комплекс взаимодействующих и взаимопределяющих друг друга социальных ролей.

Существует несколько социологических концепций, в рамках которых осуществляются попытки объяснить процессы, происходящие в

семье, на основе анализа трансформационных процессов семейных ролей. Например, Т. Парсонс утверждал, что современная семья характеризуется общностью супружеских ролей, в то время как в прошлые времена роли супругов были разделены. Создание браков по любви и изменение общественных отношений должно было способствовать развитию равноправных отношений в семье [35, с. 612–613].

Однако доводы функционалистов предполагают, что для каждого партнера «разумно» выполнять те функции, которые определены биологическими различиями между мужчинами и женщинами. Т. Парсонс рассматривал роль женщин в семье как «выразительную», то есть связанную с воспитанием, тогда как роль мужчин была «инструментальной», то есть связанной с обеспечением жены и детей. Хотя он и признавал, что не все женщины были бы счастливы ограничиться этой ролью, он утверждал, что это разделение «разумно» и «функционально»: мужчины и женщины должны выполнять взаимодополняющие функции [35, с. 614–615].

Идеалом для сторонников данного подхода представлялась эгалитарная семья, к которой супруги двигались «шаг за шагом», устанавливая общую ответственность за принятие решений и проведение досуга (функционалистские теории иногда называют теориями «прогрессивных шагов»). Это положение легло в основу теории, объясняющей переход от традиционной семьи к современной как переход от патриархальной семьи, основанной на доминировании мужчины, к семье эгалитарной, члены которой равны и имеют одинаковые права.

В теорию «прогрессивных шагов» хорошо вписываются и результаты, полученные Э. Ботт ещё в ходе проведения исследования «Семья и социальная сфера» (1957 г.) [14, с. 185]. Она выделила два типа супружеских ролей: сегрегированный и совместный.

Сегрегированные супружеские роли существуют там, где муж и жена ведут относительно раздельную жизнь. Сегрегированные роли как внутри, так и вне дома строго разграничены (например: мужчины – кормильцы, но не покупатели, они починили бы детскую коляску, но не стали бы ее возить).

Совместные же роли были характерны там, где мужья и жены проводили больше времени вместе, имея, соответственно, больше общих интересов. Э. Ботт обнаружила, что совместные супружеские роли более характерны для семей из среднего класса, которые стали жить самостоятельно, в связи с чем мужья и жены должны больше полагаться на поддержку друг друга.

Другие английские исследователи – П. Уилмотт и М. Янг в работе «Симметричная семья» (1974), написанной по результатам эмпирического исследования, проведенного ими в Лондоне (опрос 1928 человек), утверждали, что сегрегированные роли «большой» семьи исчезают и возникает новый тип замкнутой семьи, сконцентрированной на доме, в которой муж и жена равноправны. Но они не рассматривали роли мужчин и женщин как взаимозаменяемые, а были уверены в том, что равноправия между мужем и женой можно достичь разделением работ на мужские и женские. П. Уилмотт и М. Янг видели в семье, в первую очередь, «убежище», в котором мужчины могли отдохнуть после скучной и тяжелой работы на предприятии и удовлетворить свои личные потребности в нерабочее время [14].

Теории о равенстве между мужчинами и женщинами в семье были подвергнуты критике с разных позиций, но, пожалуй, одной из самых конструктивных, оказалась феминистская критика, способствовавшая проведению большого количества эмпирических исследований, в ходе которых семейная жизнь и семейные отношения подверглись подробному и тщательному анализу. Основное внимание при этом уделялось таким темам, как:

- разделение домашнего труда;
- распределение денег и других ресурсов между членами семьи;
- процесс принятия решений;
- эксплуатация.

§ 2. Семья в цифрах

Анализируются основные социально-демографические характеристики российской семьи.

Ключевые слова: семья, брачность, разводимость.

На вопрос, сколько сейчас в России семей, вряд ли кто-либо сумеет дать точный ответ. Это связано со сложностями определения семьи при статистическом учете.

Сведения о семейном составе населения получают только по данным переписей населения, так как текущий учет изменений состава семей отсутствует. Данные о семейном составе населения в статистике поэтому всегда представляют собой поперечный срез совокупности семей,

находящихся на разных стадиях жизненного цикла, и характеризуют процесс изменения состава семей лишь косвенно.

Например, при переписях населения на территории СССР семьей считалась группа родственников, состоящих из 2 и более человек, проживающих совместно и имеющих общий бюджет, при этом одинокие рассматривались как особая категория; в то время как бюджетная статистика считает отдельной семьей и одиноко живущих членов общества. Частично эту путаницу снимает использование в качестве единицы учета такой категории, как «домохозяйство».

При Всероссийской переписи населения 2010 г. учет проводился по домохозяйствам (как и при переписи 2002 г.) [36]. В отличие от семьи домохозяйство может включать неродственников и состоять из одного человека. При переписях учитываются три категории домохозяйств: частные домохозяйства, домохозяйства бездомных и коллективные домохозяйства.

Частные домохозяйства – это домохозяйства, проживающие в индивидуальных домах, отдельных и коммунальных квартирах, общежитиях, гостиницах, традиционных жилищах (чумах, ярангах, юртах и т.п.) и других помещениях, приспособленных для жилья. В 2010 г. было зафиксировано 54.6 млн частных домохозяйств, в которых проживало 141.0 млн человек, или 99% всего населения России.

Помимо частных домохозяйств переписью были учтены коллективные домохозяйства (институциональное население) и домохозяйства бездомных.

В коллективных домохозяйствах учтено 1.8 млн человек (в 2002 г. – 2.3 млн человек). Это лица, проживающие в детских домах, школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стационарных учреждениях социального обслуживания, казармах, местах лишения свободы, монастырях и тому подобных специализированных учреждениях. Значительное сокращение численности институционального населения произошло за счет уменьшения на 47% численности детей и подростков, проживающих в домах ребенка, детских домах, школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В то же время на 3.6% увеличилась численность населения, проживающего в домах-интернатах для инвалидов и престарелых.

Домохозяйства бездомных – это домохозяйства, в которых члены домохозяйств не имеют крова, носят свои пожитки с собой, спят на улицах, в подъездах или других случайных местах. При переписи 2010 г. было зафиксировано 34 тыс. домохозяйств бездомных (в 2002 г.

– 68 тыс.), в которые входят почти 64 тыс. человек (в 2002 г. – 143 тыс. человек).

Данные о распределении частных домохозяйств (далее – домохозяйств) по размеру приведены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение частных домохозяйств по размеру, РФ

	Число домохозяйств		2010 г. в % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Всего домохозяйств, млн	52.7	54.6	103.5	100	100
в том числе домохозяйства, состоящие:					
из 1 человека	11.8	14.0	119.4	22.3	25.7
из 2 человек	14.5	15.6	107.1	27.6	28.5
из 3 человек	12.5	12.3	98.0	23.8	22.5
из 4 человек	9.0	7.9	88.4	17.0	14.5
из 5 человек	3.0	2.9	96.1	5.7	5.4
из 6 и более человек	1.9	1.9	97.4	3.6	3.4
Средний размер домохозяйства, человек	2.7	2.6			

Невысокий средний размер домохозяйства в целом по России обусловлен наличием большого числа домохозяйств, состоящих из одного и двух человек: такие домохозяйства составляют более половины всех частных домохозяйств.

Состав городских и сельских домохозяйств по размеру несколько различается: средний размер домохозяйства в сельской местности составил 2.8 человека, в городской местности – 2.5 человека. Как в городских, так и в сельских населенных пунктах увеличилось число домохозяйств, состоящих из одного человека, которые на 57% состоят из лиц в возрасте 55 лет и более (в 2002 г. – 59%), большинство из них (79%) – женщины. Среди городских домохозяйств доля одиноко проживающих в старших возрастах меньше (54%), чем в селе (68%), и больше молодежи в возрасте 15–29 лет (в городе – 17%, в селе – 5.8%), приехавшей в город на учебу и работу, а также молодежи, предпочитающей жить отдельно от родителей.

Увеличение числа домохозяйств в межпереписной период на 3.5% произошло за счет роста числа домохозяйств, состоящих из одного и двух человек (соответственно, на 19% и 7%), число остальных домохозяйств сократилось. Особенно значительно уменьшилось число домохозяйств, состоящих из 4 человек (на 1036 тыс.).

В домохозяйствах, состоящих из 2 и более человек, 23 млн домохозяйств, или 57%, состоят из одной супружеской пары (включая и домохозяйства, в состав которых входит один из родителей супругов). Остальные домохозяйства могут иметь в своем составе несколько брачных пар и/или включать матерей (или отцов) одиночек с детьми и/или других родственников и неродственников. В связи с этим при рассмотрении структуры домохозяйств в международной практике рекомендуется выделять из состава частных домохозяйств семейные ячейки. Данные о семейных ячейках дают точное число многодетных семей и семей, в которых дети воспитываются только одним из родителей.

Таблица 2

Распределение семейных ячеек по структуре и числу детей моложе 18 лет, РФ

	Всего семейных ячеек	На 1000 семейных ячеек, имеющих детей моложе 18 лет, приходится семейных ячеек				
		с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 и более детьми
Семейные ячейки, имеющие детей моложе 18 лет						
2002 г.	21004429	677	269	41	9	4
2010 г.	17285907	675	267	45	9	4
Супружеские пары с детьми						
2002 г.	14682542	626	310	48	11	5
2010 г.	11635272	611	317	55	12	5
Матери с детьми						
2002 г.	5637820	793	175	25	5	2
2010 г.	5002597	801	168	24	5	2
Отцы с детьми						
2002 г.	684067	822	150	21	5	2
2010 г.	648038	841	137	18	3	1

Изменение числа семейных ячеек и числа детей в них характеризуются данными, представленными в таблицах 2 и 3.

Таблица 3

Распределение семейных ячеек по структуре и числу детей моложе 18 лет, РФ 2010 г.

	Всего семейных ячеек	из них имеющие детей моложе 18 лет	в том числе				
			с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 и более детьми
Супружеские пары без детей	12416346						
Супружеские пары с детьми	17142199	11635272	7112171	3684784	643715	137325	57277
Матери с детьми	9780878	5002597	4007998	842352	119976	23615	8656
Отцы с детьми	1326156	648038	544568	88740	11781	2151	798
Всего	40665579	17285907	11664737	4615876	775472	163091	66731

Если рассматривать молодые семейные ячейки, где родители в возрасте до 35 лет, то 17% из них – это брачные пары без детей, 50% – брачные пары с детьми, 30% – одинокие матери с детьми и 3% – одинокие отцы с детьми (количественные данные представлены в таблице 4).

Среди молодых брачных пар, имеющих детей, 65% имеют 1 ребенка, 30% – 2 детей, 4% – 3 детей, 1% – 4 и более детей. Среди молодых одиноких матерей 80% имеют 1 ребенка, 17% – 2 детей, 3% – 3 и более детей. Среди одиноких отцов 87% имеют 1 ребенка, 12% – 2 детей, 1% – 3 и более детей.

Брачность – процесс образования брачных (супружеских) пар; включает вступление в первый и повторные браки. Это важнейший демографический фактор рождаемости, формирования семьи и изменения семейной структуры населения [37, с. 30–34].

Брачное состояние – это положение человека с точки зрения принятых норм общественного института брака. В России различают следующие категории брачного состояния: никогда не состоявшие в браке,

состоящие в браке, вдовы, разведенные и разошедшиеся (то есть те, чей брак прекратился, но его прекращение не оформлено в соответствии с российским законодательством). Во всех переписях, кроме переписи 1897 г., учитывавшей церковный брак, мужчины и женщины считались состоящими в браке независимо от того, зарегистрирован их брак официально или нет.

Таблица 4

Распределение семейных ячеек, состоящих из лиц в возрасте до 35 лет, по структуре и числу детей моложе 18 лет

	Семейные ячейки, где все лица моложе 35 лет	из них имеющие детей моложе 18 лет	в том числе				
			с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 и более детьми
Супружеские пары без детей	1519460						
Супружеские пары с детьми	4516795	4515962	2927875	1358787	186442	32843	10015
Матери с детьми	2760462	2757239	2221338	457636	63414	11309	3542
Отцы с детьми	272393	270580	235049	31472	3389	511	159
Всего	9069110	7543781	5384262	1847895	253245	44663	13716

При переписях населения 1926, 1979 и 1989 гг. выделялись четыре категории брачного состояния, при переписях 1939, 1959 и 1970 гг. – только две (состоящие и не состоящие в браке).

В нашей стране безбрачие не получило широкого распространения. Однако если, по данным переписи населения 1979 г., в возрасте 40–44 лет никогда не состояли в браке только 2% мужчин и 4% женщин [38, с. 22], то, по данным переписи 2010 г., доля никогда не состоявших в браке в том же возрасте составила 8.2% мужчин и 6.6%

женщин (подобные количественные данные представлены в таблице 5).

Таблица 5

Состояние в браке мужчин и женщин, РФ 2010 г. (на 1000 человек соответствующего пола и возраста, указавших состояние в браке)

	На 1000 человек в возрасте 16 лет и старше							
	Мужчины				Женщины			
	никогда не состоявшие в браке	состоявшие в браке	вдовы	разведенные и разошедшиеся	никогда не состоявшие в браке	состоявшие в браке	вдовы	разведенные и разошедшиеся
Все население в возрасте 16 лет и более	252	633	38	77	170	524	186	120
16–19 лет	982	17	0	1	922	75	0	3
20–24 лет	775	213	0	12	572	391	2	35
25–29 лет	403	544	1	52	263	639	7	91
30–34 лет	211	690	3	96	147	699	16	138
35–39 лет	130	745	5	120	96	702	29	173
40–44 лет	82	778	10	130	66	694	51	189
45–49 лет	61	799	17	123	51	685	81	183
50–54 лет	45	817	28	110	42	657	129	172
55–59 лет	34	826	44	96	40	597	203	160
60–64 лет	24	826	73	77	37	521	305	137
65–69 лет	18	802	119	61	32	418	440	110
70 лет и более	11	699	258	32	35	233	668	64

Данные о динамике брачного состояния в России с 1926 по 2010 гг. приведены в таблице 6.

Таблица 6

Динамика брачного состояния в России с 1926 по 2010 гг.

Годы	На 1000 человек в возрасте 16 лет и старше							
	Мужчины				Женщины			
	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	вдовы	разведенные и разошедшиеся	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	вдовы	разведенные и разошедшиеся
1926	291	659	41	5	234	583	168	12
1939		702				597		
1959		692				505		
1970		716				563		
1979	233	708	19	39	158	569	198	74
1989	196	718	25	57	132	598	182	85
2002	251	627	36	75	175	526	180	110
2010	244	613	36	75	165	508	180	117

Число супружеских пар, по данным переписи 2010 г., составило 33 млн (в 2002 г. – 34 млн). Кроме того, 1.8 тыс. человек в возрасте моложе 16 лет указали, что они состоят в браке, из них 1.1 тыс. человек – в незарегистрированном (в 2002 г. было соответственно 3.7 и 2.2 тыс. человек).

В 2010 г. по сравнению с 2002 г. на 0.5 процентных пункта сократилась доля лиц, никогда не состоявших в браке, и на 0.5 процентных пункта – число состоящих в браке. Доля разведенных официально и разошедшихся, напротив, возросла (на 0.6 процентных пункта) – так же, как и вдовых (на 0.4 процентных пункта) (подробные количественные данные представлены в таблице 7).

Таблица 7

Динамика брачного состояния в России с 2002 по 2010 гг.

	Тысяч человек				2010 г. в процентах к 2002 г.	
	2002 г.		2010 г.		муж- чины	жен- щины
	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины		
Население в возрасте 16 лет и более, указавшее состояние в браке	53537	64050	52452	63497	98	99
из них:						
никогда не состоявшие в браке	13602	11321	13234	10787	97	95
состоящие в браке	33916	33981	33207	33258	98	98
в том числе:						
зарегистрированном	30594	30676	28795	28860	94	94
незарегистрированном	3322	3305	4412	4398	133	133
вдовье	1930	11651	1967	11815	102	101
разведенные официально и разошедшиеся	4089	7097	4044	7637	99	108
из них:						
разведены официально (развод зарегистрирован)			3229	6443		
разошедшиеся			815	1194		

При переписях населения 2002 и 2010 гг. дополнительно была получена информация от лиц, состоящих в браке, зарегистрирован ли их брак органами ЗАГС. В 2002 г. почти каждый десятый брачный союз не был зарегистрирован в органах ЗАГС (3,3 млн, или 9,8%). По сравнению с предыдущей переписью число мужчин и женщин, состоящих в незарегистрированном браке, возросло практически на треть, и в 2010 г. уже 4,4 млн супружеских пар (13%) состояли в незарегистрированном браке.

В развитии брачности за последние несколько десятилетий можно выделить три периода:

- 1) 1970–80-е гг. – период стабилизации показателей интенсивности процесса брачности с некоторой тенденцией к снижению;
- 2) 1990-е гг. – стремительное падение показателя (до самого низкого значения за весь послевоенный период в 1998 г.);
- 3) 2000–2010-е гг. – период стабилизации показателей интенсивности процесса брачности с некоторой тенденцией к повышению.

Таблица 8

**Динамика абсолютных чисел браков в России,
1960–2012 гг., тысяч [39]**

Год	Браки	Год	Браки	Год	Браки
1960	1499.6	1978	1514.6	1996	866.7
1961	1354.5	1979	1535.5	1997	928.4
1962	1239.0	1980	1464.6	1998	848.7
1963	1132.4	1981	1472.6	1999	911.2
1964	1083.1	1982	1460.2	2000	897.3
1965	1097.6	1983	1479.1	2001	1001.6
1966	1146.9	1984	1367.8	2002	1019.8
1967	1164.8	1985	1389.4	2003	1091.8
1968	1168.4	1986	1417.5	2004	979.7
1969	1254.0	1987	1442.6	2005	1066.4
1970	1319.2	1988	1397.4	2006	1113.6
1971	1358.4	1989	1384.3	2007	1262.5
1972	1318.3	1990	1319.9	2008	1178.7
1973	1398.5	1991	1277.2	2009	1199.4
1974	1449.3	1992	1053.7	2010	1215.1
1975	1495.8	1993	1106.7	2011	1316.0
1976	1448.7	1994	1080.6	2012	1213.6
1977	1521.4	1995	1075.2		

Таблица 9

**Общие коэффициенты брачности в России,
1960–2012 гг., % [39]**

Год	Общий коэффициент брачности	Год	Общий коэффициент брачности	Год	Общий коэффициент брачности
1960	12.5	1978	11.1	1996	5.9
1961	11.1	1979	11.1	1997	6.3
1962	10.1	1980	10.6	1998	5.8
1963	9.1	1981	10.6	1999	6.3
1964	8.6	1982	10.4	2000	6.2
1965	8.7	1983	10.5	2001	6.9
1966	9.0	1984	9.6	2002	7.1
1967	9.1	1985	9.7	2003	7.6
1968	9.1	1986	9.8	2004	6.8
1969	9.7	1987	9.9	2005	7.5
1970	10.1	1988	9.5	2006	7.8
1971	10.4	1989	9.4	2007	8.9

1972	10.0	1990	8.9	2008	8.3
1973	10.6	1991	8.6	2009	8.5
1974	10.9	1992	7.1	2010	8.6
1975	11.1	1993	7.5	2011	9.2
1976	10.7	1994	7.4	2012	8.5
1977	11.2	1995	7.3		

Снижение брачности происходило во всех основных возрастных группах, наиболее заметным оно было в самых молодых. Но, несмотря на это, уровень брачности в России выше, чем в западных странах.

В 1960–80-е гг. возраст вступления в первый брак в России понижался. Это понижение прекратилось лишь в 1993 г., одновременно началось стремительное сокращение абсолютных и относительных показателей регистрируемой брачности, проходящее на фоне наметившегося роста вступления в первый брак.

Разводимость

Разводимость – процесс распада супружеских пар в поколении вследствие расторжения брака (развода) [40, с. 367–370].

На уровень разводимости влияют многие обстоятельства, среди которых ведущую роль играют социокультурные нормы, доминирующие в обществе; господствующие формы брака; положение женщины в семье; в целом образ жизни семьи. Большое значение имеет существующее законодательство, регулирующее брачно-семейные отношения, в том числе расторжение брака.

До начала XX в. в России вопросы расторжения брака находились в ведении церкви и развод был крайне затруднен, особенно для исповедовавших православие. В конце XIX в. общий коэффициент разводимости среди православных был 0.02%.

В современной России развод регламентируется статьями 16–26 Семейного кодекса РФ, принятого Государственной думой 8 декабря 1995 г. [41, с. 352–371].

Таблица 10

Динамика абсолютных чисел разводов в России, 1970–2010 гг., тысяч [39]

Год	Всего разводов	Год	Всего разводов
1970	396.6	1992	639.2
1971	399.3	1993	663.3
1972	405.0	1994	680.5
1973	418.5	1995	665.9

1974	461.1	1996	562.4
1975	483.8	1997	555.2
1976	533.2	1998	501.7
1977	558.4	1999	532.5
1978	568.5	2000	627.7
1979	593.9	2001	764.5
1980	580.7	2002	853.5
1981	577.5	2003	798.8
1982	557.6	2004	635.9
1983	583.0	2005	604.7
1984	573.7	2006	640.8
1985	574.0	2007	685.9
1986	579.4	2008	703.4
1987	580.1	2009	699.4
1988	573.9	2010	639.3
1989	582.5	2011	669.4
1990	559.9	2012	644.1
1991	597.9		

Таблица 11

**Общие коэффициенты рождаемости на 1000 населения,
Россия, 1970–2012 гг., % [39]**

Год	Общий коэффициент рождаемости	Год	Общий коэффициент рождаемости
1970	3.0	1992	4.3
1971	3.1	1993	4.5
1972	3.1	1994	4.6
1973	3.2	1995	4.5
1974	3.5	1996	3.8
1975	3.6	1997	3.8
1976	3.9	1998	3.4
1977	4.1	1999	3.7
1978	4.1	2000	4.3
1979	4.3	2001	5.3
1980	4.2	2002	6.0
1981	4.1	2003	5.6
1982	4.0	2004	4.4
1983	4.1	2005	4.2
1984	4.0	2006	4.5
1985	4.0	2007	4.8
1986	4.0	2008	5.0

1987	4.0	2009	4.9
1988	3.9	2010	4.5
1989	3.9	2011	4.7
1990	3.8	2012	4.5
1991	4.0		

Показатели разводимости в России высоки. Большая часть расторжений брака происходит по инициативе женщин.

Таким образом, особенностью современного брака является его нестабильность, о чем свидетельствуют высокие показатели разводимости, характерные для последних десятилетий.

Рождаемость является основным показателем, отражающим репродуктивные установки семьи. Рождаемость – процесс деторождения в совокупности людей, составляющих поколение, или в совокупности поколений – населении [42, с. 389–396].

Рождаемость

В настоящее время значительно усложнилась взаимозависимость брачного и репродуктивного поведения. Если при традиционном типе воспроизводства при высоком уровне рождаемости тесное сцепление брачного и репродуктивного поведения принимало достаточно простые формы [43, с. 114–118], то при низком уровне рождаемости, распространенности разводов и повторных браков их взаимосвязь не исчезает, но становится более сложной. Например, если раньше регистрация брака, как правило, предшествовала зачатию и рождению ребенка, то сейчас она часто следует за ними.

Таблица 12

Число детей, рожденных женщинами в возрасте 15 лет и старше (по материалам переписей населения)

	Миллионов человек		2010 г. в % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Все женщины в возрасте 15 лет и более, ответившие на вопрос о рождаемости	62.9	62.4	99.3	100	100
из них указали число рожденных детей:					
1	19.2	19.4	101.4	30.5	31.2
2	21.2	21.5	101.5	33.7	34.4

3	5.6	5.5	97.5	8.9	8.7
4	1.6	1.4	87.1	2.5	2.2
5 и более	1.7	1.2	72.3	2.7	2.0
не родили ни одного ребенка	13.6	13.4	98.4	21.7	21.5

Среднее число рожденных женщинами детей уменьшилось в расчете на 1000 женщин с 1513 в 2002 г. до 1469 в 2010 г. В городских населенных пунктах этот показатель составил 1328 детей (в 2002 г. – 1350), а в селе – 1876 (в 2002 г. – 1993).

Среди женщин, состоящих в браке, среднее число рожденных детей выше, чем у всех женщин, – 1682 ребенка на 1000 женщин (в 2002 г. – 1760). У занятых женщин этот показатель ниже, чем у всех женщин, – 1322 ребенка на 1000 женщин (в 2002 г. – 1422).

Таблица 13

Число детей, рожденных женщинами репродуктивного возраста с учетом принадлежности к возрастным группам, на 1000 женщин (по материалам переписей населения)

	Все население		Городское население		Сельское население	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Среднее число детей, рожденных женщинами в возрасте 15 лет и более	1513	1469	1350	1328	1993	1876
Женщины в возрасте, лет						
15–19	47	43	39	33	69	68
20–24	438	374	383	317	630	543
25–29	993	886	901	808	1301	1135
30–34	1386	1289	1263	1194	1771	1601
35–39	1668	1508	1524	1394	2087	1867
40–44	1827	1637	1685	1497	2259	2032
45–49	1878	1761	1733	1614	2351	2160

Среднее число детей, рожденных женщинами в возрасте 40–49 лет, т.е. подошедшими к концу репродуктивного периода, составило 1699 на

1000 женщин соответствующей возрастной группы, указавших число рожденных детей, против 1852 в 2002 г.

Впервые в 2010 г. была получена информация о возрасте женщин, в котором они родили первого ребенка. Из общей численности женщин в возрасте 15 лет и более, родивших детей, первого ребенка родили в возрасте 15–19 лет 19% женщин, в возрасте 20–24 лет – 54%, в возрасте 25–29 лет – 19%, в возрасте 30–34 лет – 5.3%, в возрасте 35 лет и более – 1.9% женщин.

Когортный анализ показывает, что с учетом фактической смертности ни одно поколение россиян, рожденных после первой мировой войны, не обеспечило себе равную по численности замену.

Формирование семьи во все более позднем возрасте – одна из ведущих тенденций в экономически развитых странах уже на протяжении последних двух-трех десятилетий. Россия, по-видимому, несмотря на значительную социокультурную и экономическую специфику, тоже приходит к схожей модели рождаемости, что, вероятно, можно связывать с общими закономерностями перехода от индустриального к постиндустриальному обществу.

Массовое распространение малодетности в нашей стране и возможность регулировать рождаемость приводит к стереотипу отказа от третьего и последующих детей. Современная молодая семья не мыслит себя без детей, но отдает предпочтение одно/двухдетной модели.

Идеал двухдетной семьи в России сохраняется уже на протяжении как минимум двух десятилетий, и данная ситуация практически не отличается от ситуации в других развитых странах.

А вот тенденция откладывания рождения первенцев – совершенно новый феномен. Никогда прежде в истории нашей страны сексуальное, брачное и репродуктивное поведение в молодом возрасте не разделялись в такой степени, как сейчас. Середина 1990-х гг. оказалась переломным этапом с точки зрения возрастной модели брака и рождения детей. Более раннее начало активной сексуальной жизни не сопровождается, как прежде, ростом «незапланированных» беременностей.

Россия пока не относится к числу стран с самой высокой долей внебрачных рождений, но уже обогнала в этом отношении многие европейские страны; доля внебрачных рождений у россиян и в городе, и на селе быстро растет. Сейчас она приближается к уровню послевоенного 1945 г., когда высокая доля таких рождений имела демографическое

объяснение: ее причины коренились в огромной нехватке мужчин молодых и средних возрастов.

До 1992 г. изменение числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака, носило в принципе тот же характер, что и изменение числа брачных рождений: периоды подъемов и спадов у этих двух категорий совпадали. В 1990-е гг. тенденции изменения брачных и внебрачных рождений в стране разошлись: брачные рождения продолжают свое снижение, начавшееся в 1989 г., а внебрачные (после 1993 г.) демонстрируют резкое увеличение.

Наибольшую распространенность внебрачные рождения имеют в самой молодой возрастной группе матерей (до 20 лет), а также в самых старших возрастных группах (после 35, а особенно – после 40). Хотя с середины 1990-х гг. наметилась тенденция к выравниванию рождений вне зарегистрированного брака среди всех возрастных групп женщин; и она приобретает характер всеобщего, статистически значимого социального феномена [44, с. 60–69].

Повышенная внебрачная рождаемость в самых младших возрастах, главным образом, есть следствие низкой контрацептивной культуры в начале сексуальной жизни. Дети, рожденные в возрасте до 20 лет, в подавляющем большинстве являются незапланированными и очень часто нежеланными.

Описанные статистические параметры, безусловно, будут определять как направления преобразования основных семейных структур (супружеской, родительской, родственной), их основные характеристики, так и поле новых проблемных аспектов жизнедеятельности / функционирования института современной семьи.

§ 3. Субинститут супружества в условиях трансформации

Выделены основные направления трансформационных процессов семейно-брачной сферы, обуславливающих преобразования супружеской подсистемы семейных отношений. На основании российских, и в частности нижегородских, исследований описываются типы современного супружества и их основные характеристики.

Ключевые слова: супружество, монородительские семьи, партнерство, сожительство, Годвин-брак / гостевой брак, повторный брак, эгалитаризация отношений.

Изменения супружеской сферы в контексте трансформации института семьи

Последние столетия характеризуются значительными трансформационными процессами в различных сферах общественной жизни. Во многом под воздействием данных изменений происходят сдвиги и в рамках института семьи. Отечественные исследователи семьи сегодня отмечают существенные преобразования в сфере семьи и брака в России [45; 46, с. 78–104], которые затрагивают как внешние характеристики, так и внутренний мир семейного межличностного взаимодействия, постепенно меняя ценностную систему [47; 48], определяющую суть и основы семейного поведения. Еще раз обратим на них внимание, выделив основные траектории изменений семейной и брачной сфер:

- уменьшение средней величины семьи (сегодня средний состав домохозяйств, состоящих из 2 и более человек, составляет 3.1 человека);
- нуклеаризация семьи (большинство семей в России имеет нуклеарную структуру, то есть состоит из супружеской пары с детьми или без них. Таких семей, по данным переписи 2010 г., 52%. К ним необходимо добавить нуклеарные неполные или монородительские семьи. Численность простых материнских и отцовских семей в России составляет 15.5%. Семей, имеющих расширенную структуру, в целом лишь 22.8% от общего числа семей);
- высокие показатели числа неполных (монородительских) семей (по результатам переписи 2010 г. доля различных вариантов домохозяйств с монородительской структурой несколько уменьшилась и составляет 21% против 21.6% в 2002 г. от общего числа домохозяйств, включающих 2 и более человек);
- увеличение доли незарегистрированных семейных союзов (эта информация, а также цифры, указанные в приведенных выше пунктах, являются результатами расчета по материалам переписи 2010 г.; исходные данные взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики [49]);
- изменение возраста вступления в брак (если во второй половине XX столетия большинство молодых людей вступало в брак в возрасте 18–24 года, то сегодня увеличивается доля людей, создавших семью после 25 лет, хотя процесс «старения» брачности в России протекает не столь интенсивно, как в западных странах, и начался, как минимум, на два десятилетия позже [50]);
- высокий уровень разводимости;
- относительно невысокие показатели регистрируемой брачности и рождаемости;

– увеличение числа повторных брачных союзов (между переписями населения 1989 и 2002 гг. доля таких союзов колебалась в пределах 25–28% от общего числа заключенных браков) [51, с. 5];

– высокие показатели внебрачной рождаемости (в последние годы данный показатель снизился в сравнении с началом XXI столетия (в 2005 г. он вплотную подобрался к отметке в 30%) и в 2014 г. составил 23% от общего числа рождений) [52].

Анализ динамики демографических показателей позволяет говорить об изменениях в структурных характеристиках семьи. Семейная группа становится меньше вследствие как минимум двух процессов: нуклеаризации и низкой рождаемости. Ее границы оказываются нестабильными, подвижными, плохо очерчиваемыми уже не в результате естественных процессов, составляющий суть семейной динамики (например, рождения детей, их отделения от родителей, распада семьи по причине смерти одного из супругов), а под влиянием распространения альтернативных траекторий семейного поведения (развод, повторное создание семьи и т.д.). Изменяется и нормативная стратегия выстраивания брачного поведения: совместное проживание партнеров без регистрации и только потом, возможно, официальное оформление союза.

Другим направлением трансформаций в рамках института семьи является процесс размывания системы поведенческих норм, регулирующих семейно-брачные отношения, представления о содержании семейных ролей. Свидетельство тому находим в целом ряде социологических исследований, которые позволяют сделать выводы о перестройке структуры внутрисемейных отношений, в конечном итоге затрагивающей все семейные подсистемы взаимодействия: супружескую, родительско-детскую, родственную. Общая тенденция может рассматриваться как движение к эгалитаризации отношений по всем направлениям: справедливое/симметричное распределение власти, родительских и домашних обязанностей в семье, стремление к установлению партнерских/демократических отношений с детьми, учитывающих потребности и направленность их интересов. На деле трансформация межличностных отношений происходит сложнее и медленнее, очень неравномерно и с разной силой касаясь отдельных аспектов взаимодействия супругов, родителей, детей [53, с. 115–118].

Отмеченные изменения не могли не привести к многообразию семейных (супружеских, родительских) практик. Действительно, ряд тенденций сказывается на изменении структуры семьи, предопределяя одновременное сосуществование нуклеарных / расширенных, полных / неполных, первобрачных / повторных, зарегистрированных / незареги-

стрированных, бездетных / малолетних / многодетных и др. семей. Изменение структуры внутрисемейных отношений привносит свой элемент вариативности, основанный на разнообразии семей по степени свободы супругов, приводя к появлению, например, открытого брака, Годвин-брака, регулярно-раздельного брака и др.

С.И. Голод, описывая суть и черты трансформации института российской семьи, подчеркивал именно плюрализм семейных и брачных моделей как особенность её современного состояния. «Многообразие организации семейной жизни современного человека – один из элементов сегодняшней семейной системы... 20-й век обнаружил уникальный ландшафт: зафиксированы «следы» патриархального типа (состояние коего и дает, по-видимому, основание для дискуссий вокруг кризиса семьи), пик детоцентристского (по крайней мере, в России) и становление супружеского (минимально унифицированного, открывающего перспективу для личностного самовыражения – по-разному обозначаемому в различных странах – и наиболее уязвимого). Вместе с тем вскрыто многообразие действующих моделей в границах того или иного типа семьи... Высветились основания для утверждения, что альтернативные модели... не случайны и, вероятно, еще не до конца себя раскрыли» [11, с. 240–241].

Еще одним следствием постоянного действия ряда тенденций (распространения сожительства, внебрачной рождаемости, разводов) становится разделение трех основных сфер, еще недавно составлявших суть семьи и семейных отношений в России: брачности, сексуальности и прокреации [11], что приводит к формированию как минимум двух относительно самостоятельных субинститутов семьи: супружества и родительства – и, соответственно, отделяет брак (в широком социальном, не юридическом контексте) от семьи. Становится очевидным, что данные сферы можно и нужно анализировать отдельно (безусловно, не забывая об их взаимном влиянии).

Переходя к анализу супружеской подсистемы взаимодействия, стоит отметить, что наращивание описанных выше тенденций позволяет уже сейчас уловить некоторые аспекты формирования и реализации новой стратегии брачного поведения.

Во-первых, создание семьи, формирование устойчивых супружеских (брачных) отношений переносится на более поздний срок. Кроме того, современное супружество не всегда можно рассматривать в контексте исключительно зарегистрированных отношений. Еще в конце XX в. С.И. Голод определил супружество как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое»

мое имманентными ему ценностями» [54, с. 85], подчеркивая неинституциональный характер связи и симметричность прав и ответственности обоих супругов. Это дает основание включить в категорию супружеских не только брачные (зарегистрированные) отношения, но и незарегистрированные союзы (сожительства). Более того, границы супружества могут быть расширены до отношений, не связанных с совместным проживанием и ведением хозяйства (правда, С.И. Голод все же не был готов считать семейными добрачные и внебрачные сексуальные отношения, а также гомосексуальные партнерства [11]).

В зарубежной же социологии вполне допустимо понимание семьи/супружества как максимально широкого круга отношений. Данная группа, например, может быть описана как «состоящая из людей, которые связаны друг с другом либо кровным родством, либо основными, интимными, сексуальными отношениями» [14, с. 160]. То есть критерии регистрации, совместного проживания и ведения хозяйства постепенно утрачивают свое значение. При выделении пары важными становятся сексуальная основа союза и степень переживаемой общности жизни, исключительной значимости присутствия другого. Сегодня для определения таких отношений в зарубежной и отечественной социологии используется новый термин – «партнерство» [45].

Еще одним моментом, характеризующим супружескую сферу взаимодействия, становится возможность разрыва отношений, что было недопустимо, по крайней мере в рамках социокультурных норм, вплоть до второй половины XX столетия. Развод постепенно становится нормой современной семейной системы. Рост числа разводов, как считает С.И. Голод, «не в последнюю очередь предопределен переходом от «сватовства» как способа заключения брака к индивидуальной избирательности, или в более широком плане – к принципиально иному типу семейных отношений. Свобода выбора партнера имплицитно подразумевает и свободу расторжения супружества, если оно складывается неудачно» [54, с. 75].

Вплоть до середины XX столетия в России наиболее распространенным вариантом семейных отношений была семья, основанная на первом браке, и до сих пор этот тип считается нормативным. В то же время, учитывая рост разводов, стоит предположить, что количество семей, основанных на повторном браке, а также количество детей, воспитывающихся в подобных семьях, растет. К сожалению, российская статистика не дает нам возможности точно говорить о количестве повторных союзов.

Таким образом, для российской семьи конца XX – начала XXI столетий характерны серьезные преобразования, связанные с изменениями ее внешней и внутренней структур. Эти трансформации приводят к многообразию форм семьи и формированию новых типов семейных отношений, которые С.И. Голод обозначил как «супружеские», при этом подчеркнув, что «они функционируют в двух модификациях – моногамной и последовательно полигамной» [55, с. 106–119] или безразводного пожизненного супружества и повторного брака. Более того, изменения отношений супружества в таком контексте рассматриваются в качестве основы для становления нового, постсовременного типа моногамной семьи и зарубежными, и рядом отечественных исследователей [55]. Этот формирующийся тип семейных отношений может носить разные названия («семья-клуб» во Франции, «брак между добрыми друзьями» в Великобритании, «супружеская семья» в России и т.д.) и иметь свои национальные специфические особенности, «но в целом речь идет, без сомнения, о становлении постмодерной, подверженной многочисленным рискам, форме семьи – «брачной» [55, с. 112]. В такой семье отношения концентрируются вокруг супружеской пары, создавая нормативное поле для становления и функционирования всех остальных сфер жизнедеятельности: родительской, родительско-детской, родственной и т.д.

Формы супружеских отношений

Как было отмечено, основной чертой современной семьи в целом и супружества в частности является вариативность. Исходя из возможности включения в сферу супружества как можно большего числа вариантов отношений, будем использовать максимально широкую категорию, охватывающую все многообразие межличностных гетеросексуальных значимых взаимодействий. Термин «партнерство» предполагает, что основными критериями выделения пары становятся сексуальная основа союза и степень переживаемой общности жизни, исключительной значимости присутствия другого.

Партнерства, соответственно, могут существовать в нескольких формах: неформальное партнерство без совместного проживания (основной критерий здесь – самоопределение отношений как значимых); сожительство (совместное проживание партнеров без регистрации отношений); брак (первый или повторный) с совместным проживанием; брак при раздельном проживании (Годвин-брак, гостевой брак, регулярно-раздельный брак). Отечественная статистика и социологические исследования уже дают нам некоторые представления о степени рас-

пространности отдельных моделей партнерств и их основных характеристиках.

Согласно результатам российского социолого-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» 2004 г. [45], устойчивые партнерские отношения складываются с возрастом, причем у женщин раньше, чем у мужчин: к 20 годам имеют партнера 32% мужчин и 48% женщин, к 25 годам, соответственно, 61% и 71%, к 30 годам – 76% и 88%. Однако в средних и старших возрастах тенденции для мужчин и женщин расходятся: доля женщин, имеющих партнера, сначала медленно, а затем ускоренно снижается, в то время как для мужчин характерно продолжение увеличения доли состоящих в партнерстве вплоть до 50 лет, когда она достигает 94%. Затем эти высокие показатели поддерживаются примерно на одном и том же уровне, и только в возрастах старше 60 лет медленно возрастает доля мужчин, не имеющих партнера. Среди мужчин гораздо реже можно встретить одиноких, чем среди женщин. Так, среди 35–50-летних одинокий мужчина – достаточно редкий феномен (таковых менее 10%). Среди женщин эта пропорция, как минимум, в два раза выше. К 50 годам каждая четвертая женщина не имеет спутника жизни, а к 60 годам доля одиноких женщин достигает 50%.

Результаты нижегородского исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» 2013 года¹ также говорят о постепенном формировании значимых отношений. Из таблицы 14 видно, что партнерские отношения начинают складываться уже в самом молодом возрасте. Актуальные партнеры есть у трети опрошенных в возрастной группе 17–21-летних. В то же время большинство респондентов этой группы пока могут считаться одинокими: для них семейная

¹ Исследование «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» было выполнено в рамках мероприятия 1.2.1 Федеральной целевой программы «Научные и научно-исследовательские кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. в 2013 г. Руководитель проекта – З.Х. Саралиева. Выборка включала респондентов трех возрастных групп (17–21 год, 23–30 лет и 33–40 лет, в равных пропорциях), находящиеся на разных этапах семейного цикла: на этапе формирования представлений о семейных отношениях и принятия решения о выработке собственной семейной стратегии; на этапе реализации планов создания семьи и формирования супружеских отношений, принятия решений о рождении детей; на этапе уже реализованного брачного статуса и наличия детей. Общее число опрошенных – 621 человек, 45% – мужчины, 55% – женщины. Всем трем возрастным группам респондентов предъявлялась одна и та же анкета.

жизнь – это чаще дело будущего, они только начинают выстраивать свои семейные стратегии, ориентируясь на собственные представления. В старших же группах, подавляющее большинство имеет значимого в жизни человека (74% в группе 23–30 лет и 83% в группе 33–40 лет).

Таблица 14

Наличие актуальных партнерских отношений у респондентов, %

Наличие партнерских отношений	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Есть партнерские отношения	34	74	83
Нет партнерских отношений	66	26	17

Судя по результатам того же исследования, наличие устойчивых значимых отношений не всегда означает совместное проживание партнеров. Для младшей группы характерно территориально разделенное партнерство: только каждая 9-я пара живет совместно. Иначе обстоит дело в старших возрастных группах. Там разделенное партнерство – редкое явление, и уже 7 из 10 пар в средней группе и 9 из 10 в старшей живут вместе. По мере увеличения возраста совместное проживание с партнером становится преобладающей нормой (см. табл. 15).

Но последнее далеко не всегда означает регистрацию отношений, то есть наличие формального зарегистрированного союза. Все более распространенной становится модель неформального партнерства с совместным проживанием, т.е. сожительство (в материалах официальной статистики – незарегистрированный брак).

Таблица 15

**Количество совместно проживающих партнеров
в общем числе партнерств, %**

17–21 год	12
23–30 лет	72
33–40 лет	90

Из таблицы 16 видно, что первобрачные отношения являются наиболее распространенным типом партнерства и, безусловно, нормативным пока вариантом отношений, по крайней мере в возрастных группах брачного возраста (44.4% в группе 23–30 лет и 67.5% в группе 33–40 лет). Но очевидно, что формы супружества разнообразны, новые модели постепенно становятся статистически значимой

альтернативой брачному союзу. Лидирующее место среди них занимает неформальный союз (доля таких партнерств в общем числе супружеств варьируется в зависимости от принадлежности к той или иной возрастной группе и достигает максимального значения 21% в группе 23–30 лет).

Таблица 16

Брачный статус респондентов, состоящих в партнерских отношениях, %

Брачный статус	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Холост / не замужем	88	28	3
Женат / замужем	2	44	67
Женат / замужем в повторном браке	–	3	11
Живу с партнером / партнершей без регистрации	10	21	14
Разведен(а) или партнерство аннулировано	–	4	4
Вдовец / вдова или оставшийся после смерти партнера	–	–	1

Если обратиться к общероссийским данным (как сплошным, так и выборочным опросам), можно увидеть, что аналогичная ситуация наблюдается не только в Нижегородской области: она характерна для России в целом. Все большее число пар по разным причинам откладывают визит в ЗАГС и предпочитают, видимо, сначала проверить отношения и понять, насколько они подходят друг другу. Показатели демографической статистики и результаты социологических исследований фиксируют рост числа супружеских союзов, отношения в которых не зарегистрированы, подтверждая постепенный уход от традиционной модели брачности, зафиксированный официальной статистикой в 1990-е гг.

По данным микропереписи 1994 г., доля сожительства в общем числе супружеских союзов составляла 7%. К 2002 г. она увеличилась до 10%, в 2010 г. – достигла 13% (см. табл. 17). Наиболее интенсивно незарегистрированные союзы формируются в молодых возрастах, затем их доля в общем числе супружеских союзов снижается, тем не менее оставаясь достаточно высокой в старших возрастных категориях, что, скорее всего, свидетельствует о долговременной распространенности в России данного феномена и лояльности общественного мнения.

Таблица 17

**Доля женщин, состоящих в отношениях сожителства,
Россия [47]**

Возраст, лет	Россия, 1994 г.		Россия, 2002 г., все население	Россия, 2010 г., все население
	село	город		
16–17				59.4
18–19	17.5*	13.6*	35.9*	44.5
20–24	6.7	6.7	19.0	26.0
25–29	6.1	5.8	14.2	17.4
30–34	6.9	5.4	11.8	16.2
35–39	8.2	5.4	9.2	15.2
40–44	9.5	5.4	8.0	13.5
45–49	10.9	5.7	7.6	11.4
50–54	10.1	5.9	7.2	9.9
55–59	9.9	5.8	6.6	8.6
60–64	9.3	5.3	6.2	7.3
Все возрастные группы	8.8	5.9	9.7	13.2

*данные приведены в целом по возрастной группе 16–19 лет

Выборочные социологические исследования фиксируют еще большую степень распространенности неформальных союзов. Так, исследование «Семья и рождаемость», проведенное Росстатом в 2009 г., показало, что количество пар такого типа составляет 15%, причем чаще сожителство характерно для мужчин и женщин, отношения которых являются повторными [56]. Интересны данные, полученные в результате «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» (проводимого национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН), согласно которым большинство респондентов старше 18 лет имеют брачный статус, официально подтверждающий наличие супружеских отношений – 52% (см. таблицу 18). Остальные же формально считаются одинокими, не имея штампа в паспорте о создании семьи. На деле же каждый пятый из них живет вместе с партнером/партнершей, при этом либо считая себя мужем и женой (19%), либо нет (2.9%). В общем числе супружеских союзов

доля незарегистрированных составляет уже 17.5% (рассчитано Н.Ю. Егоровой по результатам мониторинга 2012 г. (21-я волна, репрезентативная выборка «индивиды»)) [57].

Таблица 18

Официальный брачный статус респондентов старше 18 лет, %

Никогда не состоял/а в браке	21
Состоит в первом зарегистрированном браке	44
Состоит в повторном зарегистрированном браке	7
Разведен/а	13
Вдовец/вдова	14
Состою в браке, но вместе с супругом/ой не живу	1

До недавнего времени в России сожителство считалось чем-то скандальным, но со второй половины 80-х гг. XX в. исследователи стали констатировать либерализацию общественного мнения по данной проблеме. При этом чем моложе респонденты и чем выше уровень их образования, тем с большей степенью толерантности они относятся к сожителству.

Сегодня сожителство занимает прочные позиции и в качестве пробного брака, и в качестве альтернативы зарегистрированной семье.

Так, по данным того же исследования Росстата, до 1990-х гг. доля браков, начавшихся с регистрации, среди женщин составляла 72%, среди мужчин – 78%. У респондентов, заключивших брак в 2005–2009 гг., в половине случаев семейная жизнь началась с сожителства. Что касается повторных браков, то у 75% женщин, ставших замужними в последние годы, регистрации предшествовало сожителство.

Семейная (супружеская) жизнь все чаще начинается именно с сожителства. Молодые люди демонстрируют достаточно высокую готовность к возможности для себя создания такой формы отношений. Так, например, в ходе опроса студентов, проводившегося Н.Ю. Егоровой еще в 2004 г., при ответе на вопрос «Как Вы считаете, чтобы Ваша семья была благополучной, лучше...» большинство респондентов (как юношей, так и девушек) говорило о необходимости пожить вместе, затем зарегистрировать отношения – 70% [58, с. 157–158]. По данным же исследования Росстата, 38% женщин и 41% мужчин, ориентированных на регистрацию отношений, заявили, что все же «сначала надо пожить вместе год-два, а затем зарегистрировать отношения». Если же речь шла о повторном браке, то уже большинство и мужчин, и женщин (52% и 53% соответственно) придерживалось позиции необходимости совместного проживания до регистрации отношений.

Согласно уже упоминавшемуся исследованию Н.Ю. Егоровой, для большинства молодых людей сожитительство – это возможность лучше узнать друг друга (26%), проверить свои чувства (11%), быть более свободным и независимым (21%) и в случае неудачи спокойно разойтись (28%). При выяснении возможных причин нерегистрации отношений «нежелание терять свою свободу» стоит на первом месте как у мужчин, так и у женщин – 71% и 75% соответственно.

Помимо увеличения доли браков, регистрация которых откладывается на какое-то время после фактического начала супружеских отношений, удлиняется интервал между вступлением в брак и его регистрацией. У тех, кто вступил в первый брак до 1990 г., этот интервал в среднем составлял меньше года, если же первый брак начался позже, продолжительность сожитительства превышала двухлетний период [56].

Надо также отметить, что не для всех молодых людей регистрация является логичным завершением начавшихся серьезных отношений. По данным исследования Росстата, пока свыше 60% респондентов считают регистрацию брака (по крайней мере первого) обязательной, примерно треть – желательной. Отношение к регистрации брака зачастую зависит от наличия беременности и ребенка. Только 11% состоящих в незарегистрированном браке женщин собираются обязательно зарегистрировать брак при отсутствии беременности, и уже 29% женщин собираются это сделать в случае принятия решения о рождении ребенка. Однако каждая пятая в такой ситуации не собирается этого делать. И даже в случае рождения ребенка менее половины (44%) женщин обязательно собирается регистрировать свой брак, а 16% не намереваются этого делать вообще.

Результаты других социологических исследований показывают, что часть детей уже воспитывается в рамках сожительств. Например, по результатам исследования «Ценность детей. Межпоколенные отношения», проведенного в Нижегородской области в 2006 г. в рамках одноименного международного проекта, среди женщин, участвовавших в опросе, 10% матерей с маленькими детьми и 11% матерей с детьми-подростками отнесли себя к категории «не замужем, совместно проживаю (незарегистрированный брак)». Более того, среди участвовавших в опросе женщин половина жила совместно с партнером более 10 лет, 25% – 5–9 лет, и лишь четверть имела непродолжительный стаж супружеских незарегистрированных отношений – менее 4 лет.

Почти все женщины в незарегистрированных союзах, по данным исследования, воспитывали родного ребенка (за исключением одной, для

которой ребенок являлся усыновленным). Что касается кровных отношений между детьми и партнером женщины, то здесь можно выделить, по меньшей мере, два варианта. В большинстве случаев (58%, или 36 пар) партнер был биологическим отцом ребенка, в остальных – хотя бы один из детей не был ему родным.

Статус супружества (официальный или нет), судя по результатам исследования, является важным фактором, определяющим возможности реализации репродуктивных установок (см. табл. 19).

Таблица 19

Количество детей в брачных и незарегистрированных союзах, %

Число детей	В двух подвыборках		Мать+Ребенок		Мать+Подросток	
	брак	сожительство	брак	сожительство	брак	сожительство
Один	51	65	71	76	34*	57*
Двое	43	32	25	24	58*	38*
Трое и более	6	3	4	–	8	5

* Разница статистически значима с использованием h-квadrat критерия при $p < 0.05$.

Большинство мам в незарегистрированных союзах как первой (Мать + Ребенок), так и второй (Мать + Подросток) групп имеют одного ребенка – 76% и 56.8% соответственно. Четверть мам младшей и треть мам старшей возрастных групп имеют двоих детей. В рамках же брачных отношений подобное распределение характерно только для младшей возрастной группы. В состав большинства брачных семей группы входят двое и более детей – 51%. Разница в количестве детей наиболее ярко проявляется при сравнении матерей старшей возрастной группы. Двоих и более детей в рамках брачных союзов имеют 66% матерей, тогда как в сожительствах таких оказывается менее 43%.

Если число детей, воспитывающихся в зарегистрированных и незарегистрированных парах имеет статистически значимые различия (что подтверждается и другим уже упоминавшимся нижегородским исследованием «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» – 2013 г.), то идеальное и желаемое количество детей мало чем отличается (см. табл. 20). Таким образом, брак остается наиболее желательной и приемлемой формой партнерства для рождения и воспитания детей, но пока нет оснований говорить, что репродуктивные установки, потребности состоящих в незарегистрированных отношениях ниже.

**Реальное, желаемое и идеальное количество детей
в семьях различного типа, %**

Количество детей		ни од-ного	один	двое	трое и больше
реальное	брак (первый или повторный)	14*	54*	27*	5
	сожитительство	59*	28*	12*	1
желаемое	брак (первый или повторный)	1	15	59	25
	сожитительство	0	13	62	25
идеальное	брак (первый или повторный)	0	7	59	34
	сожитительство	2	6	52	40

* Отмечены статистически значимые различия с использованием h-квadrat критерия при $p < 0.001$.

Распространение незарегистрированных сожительств объясняет не только сокращение числа официальных браков, но и увеличение среднего возраста вступления в брак, который находится в определенной связи с возрастом начала половой жизни. Социологические исследования, касающиеся вопросов сексуальной жизни молодежи, фиксируют снижение возраста сексуального дебюта в России. В России изменения в нормах сексуального поведения начались позднее, чем на Западе, но, по-видимому, ускорились, особенно в крупных городах, в связи с изменениями, переживаемыми российским обществом на протяжении последних десятилетий. Первоначально это ведет к ранней регистрации браков, а со временем, по мере накопления социального опыта и привыкания общества к меняющимся нормам сексуального поведения, отодвигает регистрацию брака на несколько лет, хотя фактический брак может при этом существовать. В России, как и в большинстве индустриально развитых стран, формируется брак, который американским антропологом М. Мид (1970) был назван двухступенчатым [59, с. 28]. Первая ступень – так называемый «индивидуальный брак», в который вступают с целью сексуального сожитительства без рождения детей (этот брак часто не регистрируют). Вторая ступень – «родительский брак», который заключается обычно с целью рождения детей. «Родительский» брак более прочный; «индивидуальный» может служить подготовкой ко второй ступени.

Как уже было отмечено, рост разводов увеличивает на брачном рынке численность и мужчин, и женщин, уже имеющих опыт семейной жизни, что приводит к распространению повторных союзов. Некоторое представление о распространении повторных семей дают нам выборочные социологические исследования. Результаты уже упоминавшегося обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» показали, что не более 30% россиян имеют в течение жизни более одного устойчивого партнерского союза. Доля тех, кто в течение жизни заключал более одного брака, будет еще ниже. В целом приблизительно 5–7% мужчин и 7–8% женщин к 50 годам так и не зарегистрировали ни одного брака, около 12% мужчин и 15% женщин зарегистрировали к тому же возрасту 2 и более браков, а остальные 80% – ограничились единственным опытом официального союза. Аналогичные данные были получены и в рамках нижегородского исследования 2013 года (см. табл. 21).

Таблица 21

Брачный статус респондентов, живущих вместе с партнером, %

Первый брак	67
Повторный брак	9
Сожительство	22
Холост / не замужем	2

Итак, первобрачные отношения являются наиболее распространенным типом партнерства и нормативным вариантом отношений (67%), однако новые формы супружества уже имеют статистически значимые показатели, предопределяя разнообразие способов организации приватного пространства личности. Наиболее привлекательным становится неформальный союз (22%), который может быть первым и повторным, что увеличивает число респондентов, которые придерживаются принципа «последовательной полигамии», выстраивая и реализуя свои семейные стратегии. Кроме того, очевидно, что далеко не всегда партнеры, живущие вместе, оценивают себя не только как семейную пару, но и как пару вообще (не случайно 2% респондентов сказали, что они никогда не были женаты / замужем). В общую выборку также попали пары, которые были зарегистрированы, но жили (вынужденно или осознанно) раздельно (их оказалось 5 человек – 1%). Этот нестандартный тип отношений не изучается в рамках отечественной социологии, его даже трудно зафиксировать обычной методикой проведения соцопросов. Также надо иметь в виду, что вариативность супружеских практик не

исчерпывается моногамным гетеросексуальным опытом, что увеличивает палитру существующих в России моделей отношений.

Основные параметры межличностного взаимодействия в супружествах

Помимо структурных характеристик супружеских отношений стоит обратить внимание и на некоторые содержательные аспекты межличностного взаимодействия так называемых семейных партнерств, то есть совместно проживающих пар с регистрацией брака или без нее.

Глава семьи

В условиях признания равенства мужчины и женщины, обоих родителей категория «глава семьи» утрачивает свое бывшее значение, когда «глава семьи» рассматривался как «главный кормилец», «глава домохозяйства», наделенный особыми правами в семье и несший ответственность за нее и ее членов [60, с. 82].

Эта категория еще продолжает применяться в статистике населения, хотя и здесь ООН не рекомендует ее использовать. Предлагаются другие способы определения и записи семейного состояния членов семьи, например, по отношению к взрослому члену семьи, записанному первым в переписном листе [61, с. 28–29, 54].

Однако до сих пор одной из наиболее часто используемых типологий семьи является типология по критерию распределения власти. При этом может происходить крайне упрощенное деление семей на патриархальные, матриархальные и эгалитарные либо использоваться более дифференцированный подход, с вычленением различного рода переходных или смешанных типов распределения властных полномочий в семье: партнерская, коллегиальная, автономная, нетрадиционная и т.д. [62, с. 71–72]. При этом границы между различными типами оказываются очень расплывчатыми и аморфными; кроме того, многие авторы используют одни и те же термины для обозначения различных по сути типов семей, что затрудняет их изучение.

В целом в социологии семьи в настоящее время вопрос о главе семьи чаще всего рассматривается в двух аспектах: с точки зрения принятия семейных решений и с точки зрения распределения семейной власти.

Принятие решений

Традиционные представления о ролях мужа и жены в семье предполагают главенство мужа вне зависимости от личностных особенностей супругов. Прерогатива мужчин в принятии решений широко признана в современном российском обществе. Шутки о «мужьях-подкаблучниках», «пилящих женах» свидетельствуют, что господство мужчин в

принятии решений рассматривается как обычный порядок вещей. Так, Л. Косыгина при анализе анекдотов по семейной тематике выделила следующие устойчивые стереотипные образы мужчин и женщин, вступивших или собирающихся вступить в брак. Женские образы: жена – хорошая хозяйка, послушна мужу, верная; мужские образы: муж – глава семьи [63, с. 149–160].

В прошлом доминирующее положение в браке за мужчинами закреплялись посредством разнообразных по происхождению и силе обязательности норм (например, государственными законами, народными традициями, религиозными заповедями).

Вопрос о главе семьи в современных семьях представляется крайне запутанным.

Большинство современных россиянок придерживается позиции, что «главы семьи не должно быть, супруги все вопросы должны решать совместно» (на практике, это часто означает главенство жены «де-факто»). У российских мужчин такого согласия нет. Мужчины со средним (или более низким) уровнем образования чаще считают, что глава семьи – это муж, в то время как у мужчин с высшим образованием доминирует эгалитарная модель (опять-таки на словах). Однако при всем этом лишь очень небольшое число мужчин и женщин придерживается того мнения, что главой семьи должна быть жена [26, с. 56–61].

Вместе с тем многие исследователи указывают на наличие дисбаланса власти между мужьями и женами в современной российской семье. Наиболее значимые решения (а к ним, наверное, можно отнести переезд на новое место жительства, покупку дома) принимаются мужчиной (по крайней мере, его голос, особенно в случае подкрепления реальными финансовыми ресурсами, имеет решающее значение). При этом в повседневных делах приоритет остается за женщиной. К области компромиссных (или совместных) решений исследователи относят в основном вопросы образования детей или проведения отпусков.

При переходе к супружеской семье [11, с. 177–187] (постсовременной) все труднее определить «главу семьи». Индивидуализация мужчин (расширение избирательности, рост интегральной ответственности и автономии от социальных общностей) и распространение этих качеств на женщин, на общем фоне экономической и гражданской эмансипации, приводит к автономизации членов семьи. «Современный, даже вполне социализированный человек, – автономен. В техногенном мире большинство людей не действуют по тотально заданным шаблонам, всегда остается место для вариаций и самостоятельных решений... Чем выше

уровень цивилизационно-культурного развития общества, тем полнее член такого социума сознает себя как индивидуальность. Тем, в принципе, насущнее его потребность в обособлении» [11, с. 180].

Процессы индивидуализации на уровне семьи приводят к изменению ее ценностной структуры, на лидирующие позиции выходит ценность супружеской автономии. «Автономия выражается в том, что интересы мужа и жены разнообразнее семейных, а потребности и круг общения каждого из супругов выходят за рамки брака. Их эмоциональные устремления регулируются не столько обычаями и традициями, сколько психофизиологическими особенностями, нравственными принципами и эстетическим идеалом» [11, с. 181].

Распределение денежных ресурсов

Что касается вопроса распределения совокупного семейного дохода, то есть принятия решений о том, как потратить деньги, то в современной российской семье главная ответственность за семейный бюджет падает на женщин. Например В.А. Бобров зафиксировал, что в г. Пензе ответственность за распоряжение деньгами лежит на жене в 50% семей, на обоих супругах – в 43.2%, а на муже лишь в 4.8% [64].

От того, насколько рационально распределяется бюджет семьи, существенно зависит общая жизнедеятельность домохозяйства. Значение этой функции особенно велико в условиях нестабильной экономики, поскольку, в частности, оно связано с дополнительными расходами времени и сил на поиск дешевых оптовых рынков, отказом от услуг службы быта и т.д. Порой женщине выдается сумма на содержание «домашнего хозяйства» и предоставляется полная «самостоятельность» в ее реализации, а за мужчиной остается право на «финансовый контроль».

При этом в ходе социологических исследований выявлено, что в браках, где мужчины контролируют все финансы, женщины в наивысшей степени не удовлетворены браком [14].

Из других особенностей, вытекающих из специфики распределения семейных финансов, отметим, что отцы склонны больше тратить деньги на сыновей, матери же тратят, как правило, больше денег на здоровье и образование дочерей. Чем больше денег в руках женщины, тем больше расходы на еду, здоровье и образование. Сосредоточение семейного дохода в руках женщин обеспечивает лучшее образование и здоровье детей, независимо от уровня благосостояния семьи.

Распределение семейных ролей в сфере домашней работы

«Кормилец» – одна из важнейших семейных ролей. «Кормилец» – это, прежде всего, главный добытчик; «человек, который содержит на

иживении кого-нибудь, а также вообще человек, который кормит, дает пропитание кому-нибудь» [2].

Идеальные представления, как правило, отражают нормы традиционного уклада. Муж должен выступать добытчиком и кормильцем, сильно помогающим супруге в ведении домашнего хозяйства [65]. Эта норма даже зафиксирована во втором простонародном значении слова «кормилец» – «ласковое обращение к мужчине» [2].

В современном обществе эта роль перестала быть исключительно мужской. Особенно это характерно для кризисного периода, когда основным поставщиком в семейный бюджет нередко оказывается женщина. Так, например, по результатам социологического исследования «Гендерные различия стратегий занятости в условиях переходной экономики в России», проведенного в апреле–мае 1998 г. под руководством С. Ашвин, 36% опрошенных женщин заявили, что они имеют наибольший доход в своих домохозяйствах [66, с. 84–85].

В целом определение статуса «кормильца» может быть детерминировано двумя группами факторов. В одном случае определение связано с характеристиками реального экономического поведения индивидов в домохозяйстве. Во втором случае оно соотносится с влиянием, заложенным в процессе социализации традиционными представлениями о предназначении, роли и обязанностях мужчин и женщин в семье.

Наличие статуса «кормильца» у одного из членов семьи, по мнению И.М. Козиной, в большей степени обусловлено выполнением основных экономических функций в домохозяйстве, нежели представлениями о гендерном распределении семейных ролей [66, с. 84–85]. Если «кормильцем» определяет себя мужчина, то единственным основанием для этого служит доход выше, чем у жены. В то время как женщины, идентифицирующие себя как «кормильцев», не только больше зарабатывают, чем их мужья, но и осуществляют функцию распределения совокупного семейного дохода. Вероятность того, что женщина назовет себя «кормильцем», повышается при наличии у нее более высокого, чем у мужа, уровня образования.

Статистика свидетельствует, что начиная с 1960-х гг. и практически вплоть до настоящего времени женщины преобладали в общей численности занятых в общественном секторе производства России, да и сейчас их доля остается очень высокой по всем отраслям экономики (в 2012 г. – 49%). В ряде отраслей, особенно «бюджетных», их доля значительно выше: в таких отраслях, как здравоохранение и предоставление социальных услуг – 79.9%, в образовании – 81.5% [49].

Характерный для России исключительно высокий уровень женской занятости сочетается с более высоким образовательным потенциалом работающих женщин по сравнению с работающими мужчинами. Так, по данным Госкомстата РФ на 2012 г., в общей численности работающих мужчин высшее образование имели 26.7%, а среди работающих женщин – 34.2%; среднее специальное и среднее общее образование имели соответственно 44.1% работников-мужчин и 48.1% работниц-женщин [49].

Вместе с тем разница в размере доходов женщин и мужчин имеет довольно ощутимую асимметрию в пользу последних, и наметившаяся с начала 1990-х гг. тенденция к большей полярности носит устойчивый характер.

Одним из наиболее болезненных вопросов современной семьи становится распределение хозяйственно-бытовых обязанностей между супругами. Декларируемый паритет и реальное доминирование в домашнем хозяйстве женщин, которые больше не удовлетворены таким положением дел, пожалуй, один из основных лейтмотивов, характеризующих положение в этой сфере.

По данным социологического исследования поведения в домашнем хозяйстве членов городских семей, лишь 57% респондентов считали, что ответственность за ведение домашнего хозяйства в их семьях разделена (но вовсе не является паритетной!), в то время как в 41% семей ответственность полностью возложена на жену и лишь в 1% случаев на мужа [64, с. 213–215].

Анализ ролевых ожиданий в отношении распределения хозяйственно-бытовых обязанностей в различных типах семей, проведенный в 1989 г. в г. Москве Т.А. Гурко [26], показал, что наибольшее расхождение в ролевых ожиданиях наблюдается в семьях, где жена и муж имеют разное образование (особенно если жена имеет высшее образование, а муж нет). Это выражается в том, что мужья в таких семьях значительно «традиционнее», чем жены. Вместе с тем можно отметить, что в целом ожидания жен в различных типах семей дифференцированы крайне слабо, в то время как среди высказываний мужчин из различных типов семей разброс мнений велик – от «традиционного» до «эгалитарно-альтруистического» (основную часть домашней работы должен выполнять муж, если его социальный статус или доход ниже, чем у жены).

В целом распределение домашних обязанностей является, пожалуй, наиболее консервативной областью семейных отношений. В большинстве случаев действует жесткая патриархальная модель, определяющая

разделение домашней работы на «мужскую» и «женскую», причем львиная доля реальной работы по дому выпадает женщине.

«Новый тип мужчин», которые делят работу по дому поровну, пока остается для большинства семей идеалом. Однако такая асимметрия не является российской спецификой.

Итак, несмотря на общую тенденцию к эгалитаризации отношений, сфера выстраивания межгендерного взаимодействия в семье настолько инертна, что большинство семейных партнерств придерживается традиционного способа распределения домашних обязанностей с четким выделением «мужского» и «женского» труда². Ежедневная рутинная работа, связанная с работой по дому и заботой о детях, в основном ложится на плечи женщин (в 67% и 54% случаев соответственно), тогда как 85% мужчин занимаются ремонтными работами (табл. 22).

Таблица 22

Распределение домашних обязанностей, %

Вид домашних обязанностей	в основном женщина	примерно поровну	в основном мужчина
Работа по дому (стирка, приготовление пищи, уборка)	67	25	8
Покупки	25	57	18
Ремонт дома, квартиры, авто	3	12	85
Решение финансовых вопросов, хождение по инстанциям	19	40	42
Присмотр и уход за ребенком	54	36	11

В некоторых случаях можно выявить постепенное формирование семей, ориентированных на партнерские, демократические, эгалитарные отношения, предполагающие равное распределение обязанностей в домашней неоплачиваемой деятельности, хотя для большинства пар это все еще остается малодостижимым идеалом. Наиболее приемлемыми для пар сферами эгалитарного распределения обязанностей становятся покупки, решение финансовых вопросов. В сфере воспитания 36% семей ориентированы на совместное выполнение родительских обязанно-

² Анализируемая подвыборка в рамках исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» включает респондентов двух возрастных групп: 23–30 лет и 33–40 лет, проживающих вместе со своим партнером/партнершей. Всего было опрошено 269 человек. Из них 24% (65 человек) не были зарегистрированы, 76% (204 человека) состояли в браке.

стей, еще четверть пар поровну делит такие обязанности, как уборка, приготовление пищи и стирка. Судя по результатам исследования, большая редкость, когда все семейные обязанности ложатся на плечи мужа.

А.А. Клецин, суммируя результаты американских и отечественных исследований конца 1990-х гг., отмечает наличие разницы в параметрах, определяющих возможности распределения домашнего труда в США и в России. Так, например, в американских семьях снижение разрыва в заработках мужей и жен способствует более равномерному распределению работ по дому; высокий уровень образования мужей также ведет к активизации их участия в неоплачиваемом домашнем труде. В России же эти характеристики мало влияют на ситуацию, как правило, не способствуя перераспределению обязанностей [67, с. 121–122]. Аналогичные результаты были получены и в рамках нижегородского исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье». Социокультурные нормы в России, регулирующие семейные отношения, видимо, остаются настолько инертными, что внешние условия (занятость, уровень образования партнеров, доход, наличие детей) мало влияют на ситуацию [68, с. 97–102]. Наметившаяся тенденция к эгалитаризации семейных отношений проявляется крайне неравномерно, затрагивая пока только отдельные срезы семейной жизни и периферийные типы партнерства, каковыми, как правило, являются сверхзанятые и бездетные сожительствующие взрослые с высокими доходами.

Как следствие, женщины гораздо чаще ощущают несправедливость при распределении домашних обязанностей (см. табл. 23), возможно, становясь мотором развития конфликтов во внутрисемейных отношениях.

Таблица 23

Справедливость распределения обязанностей между партнерами, %

	мой вклад больше	справедливо	мой вклад меньше
Мужчины	14	77	9
Женщины	29	67	4

Конфликты

Результаты уже упоминавшегося российского исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г.) показали, что именно разногласия по поводу распределения домашних обязанностей, быта, воспитания подрастающего поколения чаще всего становятся неотъемлемой частью ежедневной жизни 35–40% семей с деть-

ми. Финансовые проблемы являются причинами конфликтных ситуаций у трети домохозяйств. Еще для 25% семей характерны ссоры по поводу организации досуга, определения круга общения, взаимоотношений с родителями. В 35% случаев причиной серьезного конфликта может стать употребление алкоголя. В пятой части домохозяйств супруги не могут прийти к компромиссу по поводу рождения ребенка. В результате 41% семей фактически находится в перманентной конфликтной ситуации по различным причинам, 20% из них (или 8% семей с детьми в целом) живут в условиях жестких конфликтов, имеющих под собой множество оснований. Вероятность попадания в последнюю группу часто определяется доходом, жилищной обеспеченностью, уровнем образования, профессиональным статусом и квалификацией респондентов. Недостаток этих ресурсов усиливает напряженность в сфере межличностного взаимодействия, обостряя отношения в семье [69, с. 185–204].

Таблица 24

Уровень конфликтности и причины конфликтных ситуаций, %

Причины разногласий	Уровень конфликтности в семье			
	средний балл*	низкий	средний	высокий
Организация свободного времени	2.6	49	28	24
Распределение обязанностей	2.4	59	23	18
Вопросы отношений с партнером (ревность, справедливость, забота)	2.4	57	26	16
Вопросы воспитания детей или обращение с детьми	2.3	60	24	16
Решение финансовых вопросов	2.2	65	21	15
Возможность уделять силы и время работе, учебе для Вас и Вашего партнера	2.2	60	30	10

* Уровень конфликтности оценивался с учетом частоты возникновения конфликтных ситуаций по пятибалльной шкале, где 1 – «почти никогда или никогда» и 5 – «очень часто».

Результаты нижегородского исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» также демонстрируют разнообразие палитры причин конфликтных ситуаций между супругами. Частыми источниками разногласий становятся вопросы, связанные с организацией

свободного времени и распределением обязанностей в семье, качеством отношений между партнерами, воспитанием детей (см. табл. 24).

Судя по данным опроса, конфликтность согласуется с преобладающим типом занятости, в некоторых случаях – с уровнем образования партнеров (см. табл. 25). Чаще конфликтные ситуации встречаются в семьях с нестандартными вариантами занятости (с низкой или высокой загруженностью). Именно в семьях, где неравным образом распределены нагрузки, выше конфликтность при принятии решений относительно организации свободного времени, распределения обязанностей, воспитания ребенка, распределения материальных ресурсов. При наличии высшего образования труднее становится договориться относительно возможных временных затрат на работу, учебу.

Таблица 25

**Влияние социально-экономических причин
на уровень конфликтности в семье, %***

Причины разногласий	Тип занятости		
	<35ч	35–40ч	>40ч
Организация свободного времени	57	45	53
Распределение обязанностей	53	44	35
Вопросы воспитания детей или обращение с детьми	50	34	39
Решение финансовых вопросов	44	43	28
	Наличие высшего образования		
	нет	есть	
Возможность уделять силы и время работе, учебе для Вас и Вашего партнера	30	43	

* В таблице представлены только данные, по которым существует статистически значимая разница значений при уровне конфликтности выше 3 баллов (средний балл и выше).

При этом далеко не все семьи могут похвастаться умением разрешать конфликтные ситуации мирным путем, что еще больше обостряет существующие противоречия, переводя проблемы в статус хронических. Как отмечает А.И. Пишняк, чуть более половины опрошенных утверждают, что способны спокойно обсуждать проблемы с партнерами, респонденты же 20% домохозяйств признаются, что в ходе выяснения отношений могут дойти до рукоприкладства [69, с. 203].

Пока сложно ответить на вопрос, определяются ли причины конфликтных ситуаций и способы их разрешения типом партнерства/супружества. В то же время анализ результатов нижегородского исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» позволил выделить некоторые другие особенности, касающиеся качества отношений семейных партнерств двух основных типов (зарегистрированных и незарегистрированных). Косвенно о прочности, устойчивости отношений говорит распределение ответов на вопросы о наличии затруднительных, сложных моментов в отношениях, которые могут спровоцировать разрыв. Сожители гораздо чаще задумываются о возможности разрыва и даже предлагают партнеру расстаться (см. табл. 26). Физическое насилие чаще сопровождает отношения в незарегистрированных парах.

Таблица 26

Доля утвердительных ответов на вопросы о разрыве отношений, %

Содержание вопроса	брак (первый или повторный)	сожитительство
Думали ли Вы за последний год о том, что Ваши отношения с партнером/партнершей находятся в затруднительном положении?	13**	28**
Задумывались ли Вы за последний год серьезно о том, чтобы расстаться или развестись?	9***	27***
В течение последнего года предлагали ли серьезно Вы Вашему партнеру/партнерше расстаться или развестись?	9***	32***
Имело ли место в ваших отношениях с партнером/партнершей за последний год физическое насилие?	3*	10*

Отмечены статистически значимые различия с использованием h-квадрат критерия: * – при $p < 0.05$; ** – при $p < 0.01$; *** – при $p < 0.000$.

Полученные результаты требуют более глубокого и тщательного анализа качества отношений в партнерствах различных типов, учета различных факторов, определяющих ответы респондентов.

Сексуальные отношения в семье

Одно из событий, радикально повлиявшие на изменение качества семейных отношений, – это автономизация брачности, сексуальности и прокреции.

При этом существует высокая корреляционная зависимость между брачной и сексуальной удовлетворенностью. Максимально удовлетворительному браку соответствует наибольший удельный вес супругов, получающих удовольствие от сексуальной близости, удовлетворительному браку – удовлетворение, неудовлетворительному – неудовлетворение [70, с. 158–165].

Актуальное сексуальное поведение изменяется под влиянием обще-социальных перемен периода позднего модернизма и становится полифункциональным.

С.И. Голод предложил использовать релятивистский подход (континуум: уровень духовно-эмоциональной вовлеченности) для типологии сексуальных отношений и на его основе выделил пять базовых сексуальных стандартов [31, с. 139–153].

Любовный – сексуальные отношения вне брачного союза оправдываются; побудительный мотив – любовь; в качестве партнера предпочитается «близкий друг» (boy-friend) или жених, близкая подруга (girl-friend) или невеста.

Гедонистический – возможности нелегитимных связей поровну оправдываются или неопределенно оцениваются. Ведущий мотив вступления в общение – сексуальное влечение, реже – любовь. В качестве партнера/партнерши предпочтение отдается «boy-friend»/«girl-friend», подчас эта роль отводится жениху/невесте.

Рекреационный/репродуктивный – сексуальные отношения до вступления в легитимный союз чаще оправдываются, реже – расцениваются неопределенно; мотивами в равной мере являются сексуальное влечение и любопытство; характерен качественно иной, чем в предыдущих случаях, партнер – мужчина/женщина значительно старше по возрасту, зачастую состоящий/состоящая в браке.

Познавательный – здесь, как правило, отсутствует однозначная (позитивная или негативная) оценка возможности сексуальных отношений вне границ брака; ведущий мотив – любопытство, а партнер – по преимуществу друг/подруга одной возрастной когорты. Такого рода связи присущи в большей степени 14–19-летним.

Релаксационный – находится практически на том же эмоционально-нравственном уровне (максимально отчужденном), что и проституция (которую отличает, в первую очередь, предваряющее условие – купля-продажа тела).

В конструировании сексуальности, автономной от института репродукции, большую роль сыграли экспрессивная эмансипация женщин и

эластичность нравственных ценностей молодого поколения, его толерантность.

В целом для современной России характерно многообразие сексуальных сценариев поведения. При этом если молодежь высказывается в пользу равных возможностей партнеров проявить себя в интимной сфере, то в старших возрастных группах значительно представительство сторонников патриархального (двойного по сути) стандарта [71].

Итак, трансформационные процессы в сфере семьи в течение XX–XXI столетий породили вариативность отношений, существенно расширив границы современного супружества, которое уже не укладывается в устаревшие параметры зарегистрированного брака с совместным проживанием партнеров. Множественность изменений, связанных с организацией личностью своего приватного пространства, заставляет исследователей по-новому анализировать суть, особенности, формы супружества в современном контексте семейных отношений. Сегодня уже более или менее понятны основные формы, в рамках которых выстраиваются значимые/близкие гетеросексуальные отношения современного человека. Менее очевидны функциональные возможности различных типов партнерств, особенности, характер, проблемное поле межличностных взаимодействий в рамках отдельно взятых типов супружества, основные аспекты новой формирующейся нормативной стратегии выстраивания семейного пути и факторов, ее определяющих.

§4. Родительско-детские отношения: основные модели взаимодействия

Описываются некоторые институциональные характеристики современного родительства, а именно репродуктивное поведение и репродуктивные потребности современной российской семьи. На основании нижегородских исследований анализируются положительные и отрицательные мотивы рождения детей, выделяются методы и стили общения современных родителей и детей.

Ключевые слова: родительство, репродуктивное поведение, репродуктивные потребности, конструктивные и неконструктивные стили родительско-детского взаимодействия.

Понятие родительства. Основные направления изменений

«Родительство» определяется И.С. Коном как система взаимосвязанных явлений: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям; б) специфические социальные роли и нормативные предписания куль-

туры; в) обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания и т.д. [72, с. 39–64].

В современной России происходит размывание нормативов родительства на уровне представлений. По мнению Т.А. Гурко, предпосылкой этого процесса служит многообразие практик родительства и их артикуляция, в том числе в СМИ, отсутствие действенных механизмов идеологического конструирования «правильной» модели семьи и личной жизни людей со стороны государства и других институтов [73, с. 90–97].

Стереотипы в сфере родительства, вероятно, относятся к числу наиболее устойчивых.

Социология современного родительства [74, с. 119–127; 75, с. 103–110; 76, с. 7–20] призвана помочь преодолению стереотипов мышления, касающихся семейного взаимодействия: идеологических, ценностных, межпоколенных, этнических, конфессиональных, гендерных, социокультурных.

Субинститут родительства как предмет социологического осмысления предполагает анализ тенденций изменений в сфере родительства, исторических и современных типов, репродуктивных установок и репродуктивного поведения, проблем родительско-детских отношений, родичества в контексте функций семьи и семейного взаимодействия.

Социологические подходы к изучению родительства как системы взаимосвязанных явлений на макро- и микроуровнях позволяют выявить проблемы семейной социализации, ролевых смещений в родительской сфере, родительства и детства как объектов социальной политики.

От типа и качества родительства зависит жизнь семьи в пространстве субъект-субъектной парадигмы межпоколенных отношений, формирование у детей базовых социальных нормативных ценностей; успешность/неуспешность процесса адаптации, идентификации, социализации; возможность участия детей в реализации функций семьи в соответствии с возрастом и ресурсным потенциалом (в данном случае учитываются все функции, кроме прокреационной); степень осознанности и ответственности при принятии семейных ролей, семейного образа жизни; полноценность/неполноценность участия во внутрисемейном взаимодействии; возможность приобретения позитивных навыков в предотвращении и разрешении семейных конфликтов; подготовка к реализации в будущем родительских ролей.

Что даётся с трудом в осуществлении родительских функций:

- саморазвитие/самообучение родительским навыкам, умениям, накапливание родительских компетенций;
- ответственность за сохранение и развитие семьи и каждого ее члена;
- стратегическое планирование развития семьи и детей;
- ориентация на потребности и желания детей так, как они их понимают;
- преодоление девиации в настроении и поведении детей;
- умение слышать и уважать детей;
- умение у них учиться;
- умение справляться с проблемами;
- умение гасить конфликты в отношениях с детьми и между собой;
- превращение семьи биологической в сильную команду родственников по чувствам/духу, интересам, в семейную крепость на основе доверия;
- принятие новых членов семьи детей;
- сохранение любви и уважения детей на всю жизнь;
- совмещение семейных ролей, обогащение ролевого репертуара (мама-бабушка, мама-теща, мама-свекровь, мама-мачеха);
- ранняя диагностика поведенческих проблем детей;
- ограждение детей от депривации, состояния неблагополучия и одиночества как самоощущения в отношениях в семье и с внешним миром;
- преодоление противоречия между идеалом семьи и возможностью его реализовать.

В качестве примера приведем некоторые результаты нашего исследования десятилетней давности – опроса 255 многодетных матерей в 22 районах Нижегородской области: только половина из них мечтала при замужестве завести троих и более детей; только 40% ответили, что все родившиеся дети были запланированными; лишь 18% положительно ответили на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы у Ваших детей были многодетные семьи?».

Полноценное родительство, успешное родительство в полных семьях не утрачивает своих позиций в ценностных ориентациях россиян, с ним связывают жизненный успех 57% молодежи, 67% представителей среднего поколения, 62% – старшего. Однако отметим, что в исследованиях о типах жизненных притязаний молодежи к «семейному типу» (в сравнении с другими типами: «труженики», «предприимчивые», «карьеристы» и др.) отнесено только 13% молодых людей, каждый пятый из которых по достатку относится к группе бедных.

Сегодня исследования семьи и родительства предлагают серьёзный и объёмный эмпирический материал и анализ происходящих изменений в семейных отношениях. Например, Л.А. Грицай предлагает пять социокультурных моделей современного российского родительства: сохраняющее остатки традиционности; «расколотое» родительство (в результате либо развода, либо изначально одинокого материнства); девиантное родительство; «индивидуалистическое» родительство (слабое детско-родительское взаимодействие); созидательное родительство (осознанное, ответственное отношение к детям в традициях ценностей национальной культуры, религиозных (христианских) нравственных смыслов). Единственный выход из ситуации кризиса семьи автор видит в возвращении к сложившимся веками идеалам родительского поведения [77].

Нашу озабоченность вызывает непоследовательность авторской позиции. С одной стороны, автор, опираясь на данные проведенного им опроса, утверждает, что семей, относящихся к пятой, созидательной модели, мало и они лишь отчасти могут влиять на общую картину современного российского родительства, да и действительно верующих сегодня 10–15% от всего населения страны. С другой стороны, имеет место наивное упование именно на эту модель как на социальную панацею. Поспорим и с утверждением, что религиозно ориентированные семьи более прочны и многодетны, потому что более или менее масштабных исследований о корреляции религиозности и успешности родительства, к сожалению, пока не проводилось.

Свое толкование трансформации семьи и родительства, родительского потенциала, репродуктивных установок, моделей родительства дает О.Н. Безрукова [78], типологизируя их следующим образом: традиционное родительство, модель солидарного родительства, делегирующая и неопределенная (ситуативная) модель.

Мы предложили следующую типологизацию родительства: формальное, безответственное, нарушенное, вынужденное, замещающее, нежеланное, нерезидентное, разделенное, суррогатное, успешное [79]. В Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2014 г.) речь идет о добросовестных родителях [80].

«Разделённое», «нерезидентное», «параллельное», «спорадическое» родительство практикуется и в полных, неразделенных семьях (причем по инициативе как отцов, так и матерей). Оно может выражаться в территориальной разделённости места жительства родителей (в одном го-

роде, разных городах, странах); места жительства и учебы или спортивного контракта детей; в функциональной разделённости (как правило, это или отказ от некоторых функций, или их реализация в упрощённом/деформированном варианте); может принимать форму «передышки в отношениях», «скрытого развода», «конкубината», «адюльтера»; может быть следствием девиации, агрессии, насилия.

Во всех случаях последствия для детско-родительских отношений, как минимум, проблемны, а чаще негативны, так как подрываются семейная интеграция, жизненное семейное пространство, гаснет синергия полного родительства, его институциональности.

«Маргинальное родительство», которое определим через категории «самореализация в родительстве» и «родительская самоидентификация», есть пренебрежение статусом родителя, неспособность ему соответствовать, что чаще всего является следствием малой родительской ресурсности, неразвитости родительского потенциала.

Противоречия современного родительства подразделим на две подгруппы:

- родительство – социум;
- «внутриродительские».

Противоречия родительство – социум проявляются в несовпадающих, а иногда радикально расходящихся ожиданиях, установках и нормах государственной демографической и семейной политики и интересов и потребностей семьи.

Второе противоречие питается разными взглядами супругов на детность вообще, на количество детей и интергенетический интервал, на воспитание детей. Конфликт интересов уже в самом подходе к рождению ребенка может быть преодолён или прогрессировать. Безусловно желанный для одного из родителей ребёнок вне зависимости от материального положения, карьеры и даже состояния здоровья может быть нежеланным для другого. Для одного родителя основным мотивом рождения ребёнка является продолжение рода, удовлетворение родительских амбиций (что часто сопрягается с завышенными требованиями к детям, со стремлением презентации своего ребёнка по всем кругам внешней среды). Для другого это потребность *par excellence*. Здесь уместно использовать смысловое несовпадение референтности родительства и его ценности/самоценности. У одного из супругов референтность может быть утрачена, что обесценивает родительство как субинститут для конкретной семьи.

Межродительские противоречия могут быть объяснены разной степенью идентификации с социальной ролью родителя, привлекательности родительской идентификации [81, с. 74–84], её утратой.

Социально-смешанные браки («неравные браки») часто бывают полем столкновения разной личностной ресурсности, жизненного опыта, взглядов на распределение родительских ролей.

Родители в конфессионально и этнически смешанных семьях могут испытывать трудности и не совпадать, в силу ориентации на разные социокультурные жизненные уклады, во взглядах на воспитание дочерей и сыновей.

Родительское взаимодействие может основываться на органичной интеграции культур, норм, обычаев, традиций или на формальном признании социокультурных отличий с явными или неявными попытками доминирования одной из форм семейного жизнеустройства.

Противоречия в родительском ядре могут перетекать в сферу детско-родительских отношений. Доминирующая сегодня нуклеарная семья объективно повышает роль родительства, так как нет прародителей и других родственников. Возрастают требования к родителям. А современная жизнь, профессиональная занятость родителей (не всегда вынужденная) сокращают время их непосредственного общения с детьми. Не всякой семье удаётся преодолеть это противоречие.

Противоречия в малодетных, особенно однопородных, семьях проявляются в том, что в воспитании детей родители лишены возможности работать над ошибками: их родительский опыт поневоле ограничен.

Современные исследования в значительной мере посвящены проблемам одинокого родительства.

Нам кажется искусственным явно выраженный гендерный подход к характеристике одинокого родительства, что особенно проявляется в работах, посвященных одинокому отцовству [82, с. 112–119]. Причины, проявления, проблемы и трудности одинокого родительства во многом совпадают или тождественны как для одиноких матерей, так и для одиноких отцов. Систематизируем их:

- биологический ребёнок воспитывается без второго родителя;
- в подавляющем большинстве монородительство (за исключением сознательного внебрачного рождения ребенка женщиной «для себя») является незапланированным и, если так можно выразиться, принудительным, в связи с чем носит стрессогенный характер, осложняя эмоциональное состояние человека;

- воспитывается усыновленный, опекаемый или приёмный ребенок без второго родителя [83];
- воспитывается ребёнок второго родителя;
- происходит совмещение роли родителя и профессиональной карьеры;
- имеют место материальные трудности;
- имеет место стигматизация социумом (в последние десятилетия проблема теряет остроту);
- возникают психолого-эмоциональные проблемы взаимодействия с детьми;
- существует стремление к полной семье (в браке или сожительстве), т.к. монородительство рассматривается как преходящий этап жизненного цикла;
- нередко неполные родительские семьи бывают расширенными; в этом случае, с одной стороны, облегчается осуществление воспитательной функции и заботы о детях, с другой стороны, возможно проявление эмоционально-психологических проблем во взаимодействии, обостряющихся, как минимум, в трёх случаях: если в воспитании участвуют родственники со стороны отсутствующего супруга; если возникает межпоколенный конфликт по поводу методов воспитания детей; если в семье появляется отчим или мачеха;
- одинокое родительство утрачивает прежнее содержание и избавляется от многих трудностей в родительско-детских отношениях при вступлении в новый брак или соительство;
- одинокое родительство, как и родительство вообще, может носить черты проблемности, частичной функциональности или функциональной деструкции, неблагополучия, кризисности, асоциальности, криминогенности и др.;
- возможны блокировка перетекания человеческого, физического семейного капитала в социальный капитал детей [84, с. 67] или значительное сокращение ресурсного потенциала.

В чём отличия отцовского монородительства от материнского? Назовём главные из них.

1. Социум свыкся с одиноким материнством, пройдя путь от его осуждения до, по нашему мнению, социальной гиперопеки.
2. Одинокое отцовство – сравнительно новое явление, его доля по отношению к одинокому материнству в 2012 г. была меньше одной десятой.
3. В отношении одиноких отцов общество проявляет большее сочувствие и бóльшую готовностью помочь.

4. По аналогии с понятием «бракоподобные отношения» [85, с. 105] одинокое отцовство можно назвать «родителеподобным отношением», так как нередко внимание отцов здесь сосредоточено на внешних сторонах взаимодействия с ребёнком (одеть – обусть – накормить – проследить за школьной успеваемостью) при явном дефиците совместно проживаемых эмоций, тесного психологически насыщенного общения, заинтересованного участия в когнитивном развитии ребёнка. Во многом это объясняется тем, что отцы и в полных семьях привыкли играть роли второго плана, дистанцируясь от воспитательно-социализационных функций, что подтверждается нашим исследованием «Ролевая ресурсность современных российских мужчин». Респондентам предлагалось определить по пятибалльной шкале значимость для социума почти 40 ролей (столбец А), объединённых в 3 блока («Человек экономический», «Человек общественный», «Человек семейный»), и определить успешность исполнения ими этих ролей (столбец Б). Выявилось значимое несовпадение по всем блокам. По семейному блоку это выглядит так: «муж» (А – 74%, Б – 50%), «отец» (А – 78%, Б – 55%), «глава семьи» (А – 78%, Б – 56%), основа семейного бюджета (А – 76%, Б – 56%) [86, с. 91];

5. В силу естественной большей привязанности детей к матери им требуется и большее время на эмоционально-психологическую адаптацию к новой ситуации, особенно в отсутствие тесных контактов с родственниками старшего поколения. Это обстоятельство осложняет, особенно в первое время (которое может растянуться), положение одиноких отцов и часто требует вмешательства профессиональных помощников – психологов, социальных работников или организаций самопомощи. Детско-родительские отношения усугубляются в этом случае тем, что отцы с упорством, достойным лучшего применения, и ложно понимаемым чувством мужского достоинства предпочитают не обращаться к государственным институтам и социальным службам.

Положение и функции отца в современной семье вообще часто воспринимаются через отрицательные суждения:

- рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье;
- незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими;
- педагогическая некомпетентность, неумелость отцов;
- незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми [72, с. 231].

Однако имеются и позитивные тенденции, свидетельствующие о смягчении жестких гендерных норм: мужчины потихоньку перестают бояться проявлять любовь, участие и заботу (традиционно «женские» качества в гендерной системе ценностей) к своим детям; шагом вперед может быть признано введение в новый Семейный кодекс РФ (1995 г.) понятия «отцовство» как социально-правового института, которое употребляется наравне с «материнством».

Современные требования к отцовской роли значительно трансформировались [87, с. 138–168; 88, 238–248]: от отца ожидают эмоциональность, теплоту в отношениях с ребенком, большую вовлеченность в его жизнь, что вступает в противоречие с традиционными стереотипами мужского поведения. Размытость и противоречивость ролевых ожиданий приводит к проблемам и конфликтам при реализации отцовской роли. Нормативная модель современного отцовства предполагает гибкое сочетание роли кормильца (добытчика) и роли чуткого, компетентного наставника и друга ребенка.

В наших публикациях мы настаивали на замещении наивного термина «осознанное родительство», как минимум, термином «осознаваемое родительство», но в пределе – «ответственное родительство». По поводу ответственности хорошо заметил О.П. Табаков: «ответственность можно только взять на себя, а никак не возложить» [89, с. 118]. Но сегодня это уже не может удовлетворять ни социум, ни самих родителей, ни их детей. Закон позитивного, успешного осуществления родительства и с точки зрения детей, и как самоощущение родителей, и в оценке внешнего мира, то есть и как Umwelt/Mitwelt, и как Eigenwelt – это синхронность семейного взаимодействия, усилий и в горе, и в радости, ощущаемая как семейное счастье. Как оно достигается? В разных вариантах, в течение всей жизни семьи. Наиболее предпочтительный вариант таков: в браке встречаются люди не просто с близкими, а с конгруэнтными взглядами на жизнь, семью, воспитание детей, взаимодействие в социуме. Другой (наиболее часто встречающийся) вариант – это длительный процесс, нелинейный, идущий под влиянием критических ситуаций, трудностей, преодолеваемых конфликтов, прародителей или старших детей, новых членов семьи, третьих лиц, семейного окружения, требующих в определенных ситуациях и помощи специалистов по социально-психологическому, правовому консультированию, наращиваемого семейного самоконтроля.

Можно ли научить или принудить к ответственному родительству? Научить (в смысле показать, как развить в себе ответственность роди-

тельства), очевидно, можно, как и искусству любви (Э. Фромм). Принудить нельзя: «насильно мил не будешь», самое трудное притворство – доброта, а доброте не научишь, а быть добрым не заставишь. Но социум может и должен требовать исполнения родительского минимума ответственности перед детьми.

По итогам исследования «Семья и родительство в современной России», проведенного в 2009 г. Институтом социологии РАН (руководитель – доктор социологических наук, заведующий сектором прикладных оперативных исследований М.Ф. Черныш), в научном отчете была предложена «концепция ответственного родительства» [90].

Авторы предлагают ключевые измерения ответственного родительства: коммуникативное, эмоциональное, нормативное, экономическое, охранительное, духовное. Понимая условность, относительность любой классификации, можем согласиться с этим перечнем, но не всегда с разъяснениями к этим ключевым словам. Например, в аннотации к духовному измерению, где упор сделан на базовых ценностях, нам не хватило требований к реализации ответственными родителями социокультурной, когнитивной функции, актуальность которой для современного поколения детей возрастает. Удивило отсутствие необходимого, на наш взгляд, комментария исследователей к мнению рядовых респондентов, которые склонны считать, что ответственность родителей за детей уменьшается по мере взросления ребенка (в частности, цитируется утверждение, что по достижении ребенком 10 лет трудно говорить об ответственности родителей). Кажется, что здесь перепутаны понятия ответственности и опеки. Если принять эту точку зрения, невозможно предположить, что в один прекрасный день родитель может отказаться от ответственности. Только из ответственных родителей вырастают ответственные прародители.

В основу Концепции семейной политики Нижегородской области (2003 г.), в разработке которой участвовали преподаватели Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, была положена *категория успешной семьи* и сопряженная с ней категория *успешного родительства*. Концепция содействует социальному конструированию успешной семьи и успешного родительства.

Что такое успешное родительство? Легко ли быть успешным родителем? Попробуем определить соответствующее понятие через перечисление признаков:

– потребность в детях, не инструментальный, а преимущественно терминальный подход к её реализации и в общении, и в самоактуализации, и в самореализации, и в самосовершенствовании;

– готовность к родительству (к сожалению, многих исследователей сегодня преимущественно интересует, хотят ли вступать в брак, иметь детей и сколько, то есть фактически изучают лишь демографический аспект родительства);

– самореализация в родительстве обоих родителей, то есть обеспечение права ребёнка на полную и полноценную семью как его жизненное пространство;

– труд, служение;

– ответственное отношение к родительским функциям, при необходимости – их коррекция, постоянное обогащение репертуара родительских ролей (защитник, воспитатель, друг, компетентный педагог, духовный наставник и др.);

– основанное на доверии, заботе, любви, уважении повседневное участие в жизни ребёнка, вовлечённость во все сферы жизнедеятельности детей; эмпатия и социальная эмпатия одновременно, потому что эмпатия – не только способность понять, войти в положение, разделить боль, страх, неуверенность, но и способность внушить позитивное настроение, вдохнуть силы и во внутрисемейное взаимодействие, и в социальное пространство детей (школа, друзья, спорт, досуговые увлечения и др.), вовлечённость и заинтересованность как реализация потребности участия в развитии детей;

– образованность;

– здоровый образ жизни (в структуре жизненных ценностей студентов 15 нижегородских вузов верхние строчки 10 лет назад занимали (по убывающей в рамках 94–89%) здоровье, интересная работа, любовь, интеллект, хорошее образование, материальное благополучие, семья, профессионализм, уважение окружающих; к сожалению, в критериях приверженности правилам здорового образа жизни забота о будущем материнстве («сверяют свое поведение с тем, будет ли это полезно или вредно для здоровья будущего ребенка») отмечена лишь в 31% ответов и женской, и мужской части студентов; 37% набрала другая реакция: «Веду здоровый образ жизни «для себя», не задумываюсь пока о материнстве» [91]);

– педагогическая и психологическая подготовленность;

– креативность;

- способность к саморефлексии, самостоятельность мышления, родительская социальная субъектность;
- ориентация на самостоятельную жизнедеятельность семьи, воспитание в детях трудолюбия, порядочности, достоинства, самоконтроля, тяги к знаниям, обучение семейным ролям и семейному образу жизни, фамилистически ориентированное воспитание;
- принятие основных норм и правовых основ регулирования жизни социума, ответственность перед ним за свою семью и детей;
- не примеривание внешнего рисунка роли родителя, а осознанная, неповерхностная, укоренённая идентификация с данной социальной ролью.

Последнее требование к успешному родительству следует, на наш взгляд, более подробно прокомментировать. Исследование современной семьи и родительско-детских отношений показывает, что родительская идентичность отличается от других видов индивидуальной и социальной идентичности, так как «замешена» на эмоциях, любви, а не только на нормах и принципах жизни социума в конкретной хронологической, территориальной или социокультурной ситуации. Прослеживается чёткая зависимость зрелости этой идентичности от взаимодействия и взаимоотношений родителей. При этом следует понимать, что это в семье это не одно и то же: в некоторых религиозных или этнических традициях заботу о доме и детях целиком перекладывают на жену-мать. Это – норма, поэтому взаимоотношения хорошие, а родительского взаимодействия может и не быть. Разная степень идентификации отцов и матерей (особенно в молодых семьях), в свою очередь, может осложнить родительское взаимодействие, подорвать потенциал родительского ядра. Возможна утрата, сброс идентичности одним из родителей.

Обратим внимание и на зависимость категорий родительской идентичности и родительской функциональности. Функциональная дефицитарность тоже может негативно влиять на идентичность. В качестве примера укажем на две достаточно разные, но по-своему скрепляющие семью функции.

Первая – повседневная организация общности быта, что для многих родителей небеспроблемно. Плотное, буквально каждый день, бытование может и содействовать прочности отношений, и разрушать их. Высказывание В. Маяковского «Лодка разбилась о быт», с наших позиций понимания родительской и семейной идентичности, означает, что это и не любовь, и не дружба, и не лодка, а углый челн со случайными гребцами.

Вторая функция – функция когнитивно-эмоционального воспитания детей. Здесь важно, как родители осуществляют эту функцию – непосредственно и вместе (харизматическое воздействие своим интеллектом и эрудицией, приобщение и привитие вкуса к самостоятельному мыслительному процессу, участие в развивающих играх, рассказы о своей профессии, работе и др.) или опосредованно (привлечение репетиторов, гувернеров, обеспечение современной видео- и компьютерной техникой и др.). Второе легче, по этому пути идут даже не очень обеспеченные семьи и родители со средним образованием, так как слишком высок престиж высшей школы.

Успешное родительство несовместимо (как, по А.С. Пушкину, гений и злодейство) с инфантилизмом, личной незрелостью, эгоизмом, ленностью, эмоционально-психологической неустойчивостью, синдромом выгорания, эмоциональной фригидностью, подражательностью, манипулируемостью, необразованностью, косностью мышления, религиозным или этническим фанатизмом.

Нуждаются в изучении дисфункциональное родительство; незрелое (инфантильное); многопроблемное родительство (девиации, инвалидность, насилие, приёмные дети, неродные дети); родители несовершеннолетних матерей; несовершеннолетнее родительство; родители, лишённые родительских прав или ограниченные в родительских правах; двоступенчатое родительство; замещающее родительство; прародительство; депривированное прародительство; родительство в мезальянсных семьях; «позднее»/отложенное родительство.

Несмотря на серьёзные трансформационные процессы в сфере семьи и брака и в целом низкие показатели рождаемости последних двух десятилетий, дети в России по-прежнему остаются значимой ценностью [92, с. 81–87].

По данным уже упоминавшегося исследования «Семья и рождаемость», и мужчины, и женщины в системе основных жизненных ориентиров отмечают желание «воспитать ребенка». Свыше половины респондентов (58% женщин и 51% мужчин) при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а немногим более четверти (25% женщин и 26% мужчин) – троих, и лишь 0.5–0.6% не связывают свою жизнь с детьми.

Однако параллельно стоит отметить, что отношение к родительству как обязательному компоненту успешности и полноценной реализации личности в современном обществе меняется. Исследования (например, Т.А. Гурко) свидетельствуют, что среди современного молодого поко-

ления (и женщин, и мужчин) в сравнении с «советским» гораздо реже встречаются такие стереотипы, как «долг каждой женщины быть матерью, а мужчины – отцом», «дети должны непременно жить с матерью после развода», а также реже встречается осуждение супругов, которые могут, но не хотят иметь детей [73, с. 90–97]. Более того, опросы в ЗАГСсах, проведенные под руководством Т.А. Гурко, выявили, что 6% женихов и 3% невест в 2000 г. были ориентированы на бездетный брак, тогда как в 1991 г. никто из опрошенных не высказал желания остаться без детей [93]. В то же время надо подчеркнуть, что пока четко идентифицировать группу сознательно бездетных в общей массе населения проблематично.

Чуть более подробно ценность родительства можно проследить на основании результатов нижегородского исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье». Для респондентов всех исследуемых возрастных когорт (17–21 год, 23–30 лет, 33–40 лет) дети все же остаются необходимой составляющей счастья. 85% опрошенных считают чрезвычайно важным «иметь детей», и только 5% не рассматривают детей в качестве основной жизненной цели.

Репродуктивное поведение определяется реальным количеством детей в семье, репродуктивные установки, планы выражаются в идеальном и желаемом количестве детей (см. табл. 27).

Таблица 27

Идеальное и желаемое количество детей в семье, %

Идеальное количество детей	всего	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Ни одного	1	2	1	2
Один	12	13	9	12
Двое	56	56	58	54
Трое и больше	31	29	32	32
Желаемое количество детей	всего	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Ни одного	1	2	1	1
Один	16	16	18	16
Двое	43	35	43	43
Трое и больше	17	12	20	18
Пропущенные значения, в том числе не думал(а) об этом, не уверен(а)	23	35	18	22

По мнению большинства респондентов всех возрастных когорт, идеальная семья должна иметь, как минимум, двоих детей; каждый третий считает, что она должна быть многодетной. Лишь 1% опрошенных уверен, что семья может быть вполне успешной и без детей. В своих собственных семьях респонденты меньше ориентированы на многодетность: лишь каждый шестой готов воспитать троих детей, 43% – двоих детей, а шестая часть согласна остановиться на одном. Причем наименее перспективной, с точки зрения репродуктивных планов, оказывается самая младшая группа: здесь только треть видит свою семью с двумя детьми и лишь десятая часть допускает для себя возможность стать многодетным родителем. В то же время в этой группе самая высокая доля неопределившихся молодых людей: видимо, рождение детей для них пока еще слишком далекая перспектива.

Причины, по которым опрошенные не хотят иметь детей вообще или не хотят иметь больше детей, разнообразны (см. табл. 28). Наиболее распространенной причиной является «страх за будущее детей» (38% назвали ее одной из основных). Несмотря на относительную стабилизацию, наступившую в стране после сложных 90-х гг. XX в., неуверенность в завтрашнем дне сохраняется, существенно влияя прежде всего на принятие решения о рождении вторых/третьих детей. Финансовые трудности, низкие доходы (25%), чрезмерная нагрузка при рождении ребенка (12%) также заставляют людей ограничивать свои репродуктивные потребности. Стоит подчеркнуть, что возникающая конкуренция между семейной и профессиональной сферами приводит к значимости в перечне отрицательных мотивов несовместимости рождения ребенка с профессиональными планами респондентов (15%).

Таблица 28

Причины нежелания иметь детей / больше детей, %

У меня вызывает большую заботу мысль о том, какое будущее ждет моих детей	38
У меня уже есть столько детей, сколько я хочу	30
Я бы мог себе позволить меньше с финансовой точки зрения	25
Мне не позволяет мое здоровье	22
Я живу одна, и у меня нет постоянного партнера	18
Я не смогу сочетать рождение детей с моими профессиональными планами	15
Мой партнер против	13
Ребенок (последующий) стал бы для меня чрезмерно большой нагрузкой	12

Это привело бы к ограничению моей личной свободы	10
Наши взаимоотношения с партнером складываются не так, как бы мне этого хотелось	10
Я / мой партнер слишком стар	10
Мне пришлось бы отказаться от привычного для меня способа проведения свободного времени	9
Я бы не смог больше наслаждаться моей жизнью, как раньше	5

С рождением детей родители всегда связывают определенные ожидания. Сегодня это в первую очередь теплые эмоциональные отношения, проявление любви, заботы, дружеского участия (см. табл. 29). Во всех возрастных когортах, видимо, эмоционально-психологический мотив рождения детей рассматривается как основной – 4.2 балла (здесь и далее средний показатель рассчитан по пятибалльной шкале, где 1 – «низкий показатель» и 5 – «высокий»). Рассчитывают родители и на необходимую помощь взрослых детей, воспринимая их как основную опору и поддержку в старости (4.1 балла). В гораздо меньшей степени респонденты ожидают, что рождение детей может как-то повлиять на их позицию в глазах окружающих или продлить молодость (2.6 балла).

Таблица 29

Ожидания и опасения, связанные с детьми

Насколько сильно Вы ожидаете...	всего	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Что Вас и Ваших детей должны связывать особые эмоциональные отношения?	4.2	4.3	4.3	4.2
Что взрослые дети придут Вам на помощь в критической ситуации?	4.1	4.0	4.0	4.2
Что Вы от своих взрослых детей будете постоянно получать новые импульсы?	3.8	3.9	3.8	3.8
Что за счет детей улучшатся взаимоотношения с Вашим окружением?	2.6	3.0*	2.5*	2.6*
Что благодаря детям Вы дольше сохраните молодость?	2.6	2.7	2.4	2.7
Насколько сильно вы опасаетесь...				
Что из-за детей Вы сможете позволять себе гораздо меньше?	2.5	2.8*	2.6*	2.2*

Что дети станут для Вас большой нервной нагрузкой?	2.3	2.7*	2.4*	2.0*
Что дети будут ограничивать Вашу личную свободу?	2.1	2.3*	2.2*	2.0*
Что дети станут помехой в достижении Ваших профессиональных целей?	2.0	2.5*	2.1*	1.7*
Что из-за детей Вы будете негативно восприниматься со стороны общественности	1.3	1.4	1.3	1.2
Другие суждения				
Большинство моих друзей считает, что я должна/должен родить ребенка / следующего ребенка	2.4	2.3*	2.5*	2.2*
Мои родители считают, что я должна / должен родить ребенка / следующего ребенка	2.3	3.0*	3.1*	2.3*

В таблице представлен средний балл суждений, рассчитанный по пяти-балльной шкале, где 1 – «вовсе нет» и 5 – «очень сильно». Знаком * отмечена существенная разница значений при $p < 0.05$.

Согласно концептуальному подходу, сформулированному немецкими исследователями [94, с. 407–435], дети способствуют удовлетворению трех родительских потребностей: в комфорте, уважении/престиже и положительных эмоциях (что отражает их «полезность») – и одновременно являются причиной расходов, определяя стоимость рождения каждого ребенка. Если дети рассматриваются исключительно как источник положительных эмоций, то детей много рожать не нужно. Даже один ребенок, максимум – два могут удовлетворить эмоциональные потребности родителей. Сколько детей необходимо иметь, чтобы обеспечить родителям максимально высокий статус и уважение, очень зависит от соответствующих норм социального окружения. Если наибольший вес имеет утилитарный, экономический подход к детям, в этом случае детей нужно много, так как выгода растет с каждым новым ребенком. Наконец, высокие расходы на ребенка негативно влияют на число желаемых детей. В России при высоких показателях эмоциональной составляющей значимость имеют и экономические мотивы, но, видимо, серьезные финансовые трудности, которые связываются с рождением каждого последующего ребенка, сильно перекрывают все возможные выгоды и заставляют ограничивать число детей до минимума.

Серьезная разница заметна во мнениях респондентов различных возрастных групп по поводу опасений, связанных с детьми. Во всех случаях самая молодая группа демонстрирует более высокий уровень опасе-

ний, чаще считая, что дети могут сильно ограничить их возможности в основных жизненных сферах (личной, профессиональной).

Мнение окружающих (друзей и родственников) при принятии решения о рождении ребенка оказывается наиболее значимым для средней группы (2.5 против 2.4 и 3.1 против 2.3) – скорее потому, что они находятся в возрасте реализации репродуктивных планов и социально-нормативный мотив может оказать хотя и не самое сильное, но все же серьезное влияние, возможно заставив реально посмотреть на перспективу увеличения семьи.

Самым значимым условием, необходимым для принятия решения о рождении ребенка, является возможность его финансово обеспечить (4.7 балла); кроме того, во многом учитывается внутренняя готовность к реализации этого важного в жизни шага (4.6 балла), что неплохо, так как показывает ответственность будущих родителей и ориентацию на планирование, рождение желанных детей (см. табл. 30). Не менее важными оказываются моменты, связанные с согласованием мнений партнеров по вопросам разделению обязанностей в семье и присмотра за ребенком (3.9 балла). Самые низкие баллы набирают условия, предполагающие успешное сочетание профессиональной и досуговой деятельности партнеров с выполнением обязанностей по воспитанию ребенка (3.1 и 2.8 балла соответственно). При этом самыми требовательными к ситуации рождения ребенка оказываются самые молодые.

Таблица 30

Условия, необходимые для принятия решения о рождении ребенка

Перечень условий	всего	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Я должен(а) финансово обеспечить (последующего) ребенка	4.7	4.8	4.7	4.6
Мы с моим(ей) партнером(шей) должны быть внутренне готовы к рождению (последующего) ребенка	4.6	4.6	4.5	4.3
Мы должны с моим(ей) партнером(шей) прийти к единому мнению по вопросам разделения домашних обязанностей и присмотра за ребенком (детьми)	3.9	4.2*	3.8*	3.7*
У меня должны существовать гибкие возможности по организации присмотра за (последующим) ребенком	3.9	3.9	3.9	3.8
(Последующий) ребенок должен вписываться в мои долгосрочные жизненные планы	3.7	4.0*	3.7*	3.5*

Мой(я) партнер(ша) должен(а) суметь согласовать (последующего) ребенка со своей сегодняшней профессиональной деятельностью	3.2	3.8*	3.2*	3.0*
Я должен(а) суметь согласовать (последующего) ребенка с моей сегодняшней профессиональной деятельностью	3.1	3.6*	3.2*	2.8*
Я должен(а) суметь согласовать (последующего) ребенка с проведением досуга	2.8	3.1*	3.0*	2.4*

В таблице представлен средний балл суждений, рассчитанный по пятибалльной шкале, где 1 – «вовсе не важно» и 5 – «очень важно». Знаком * отмечена существенная разница значений при $p < 0.05$.

Из таблицы 31 видно, что респонденты не намерены сильно ограничивать свои учебные и профессиональные планы при рождении ребенка, а также близкие отношения с партнером (2.7 и 2.3 балла соответственно). Сферы, которые, видимо, могут быть повергнуты более серьезным изменениям, – это досуг, хобби (3.1 балла), встречи с друзьями (2.9 балла). Стоит отметить, что самые молодые и наиболее перспективные с точки зрения репродуктивных возможностей респонденты значительно меньше готовы себя ограничивать, особенно в профессиональной сфере. Две сферы, родительство и профессия, становятся конкурирующими, а поиск баланса между трудовыми и семейными обязанностями в непростых социально-экономических условиях – новым вызовом для российской семьи.

Таблица 31

Средний балл ответов на вопрос «Насколько сильно Вы готовы себя ограничить в следующих сферах в случае рождения ребенка?»

Ограничения	всего	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Реализация досуга, моих хобби и интересов	3.1	2.8	3.1	3.1
Поддержание контактов с друзьями, знакомыми или иными лицами	2.9	2.7	2.9	3.0
Реализация моих учебных или профессиональных интересов	2.7	2.3*	2.8*	2.9*
Близкие отношения с партнером	2.3	2.4	2.3	2.3

В таблице представлен средний балл суждений, рассчитанный по пятибалльной шкале, где 1 – «вовсе нет» и 5 – «очень сильно». Знаком * отмечена существенная разница значений при $p < 0.05$.

В результате представители старшей возрастной группы в целом реализовали свои репродуктивные планы, хотя 15% еще не успели или не смогли стать родителями, а 6% взрослых этого возраста сформировали многодетные семьи (табл. 32). Абсолютное большинство младшей возрастной когорты не имеет детей. Российская семья продолжает ориентироваться на рождение одного ребенка. Тенденция к снижению рождаемости, ярко проявившая себя в конце XX в., остается неизменной.

Таблица 32

Наличие детей у респондентов, %

Количество детей	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Нет детей	99	64	15
Один	1	32	47
Двое	–	5	32
Трое и больше	–	–	6

В 64% дети растут в первобрачной и соответственно полной семье. Почти пятая часть респондентов воспитывает ребенка без партнеров. Судя по имеющимся данным (см. табл. 33), наиболее распространенной причиной формирования монородительской семьи является развод (13%), в 6 раз реже ребенок живет в семье одинокого родителя, в 11 раз реже – в семье вдовца/вдовы. Каждый 11-й опрошенный растит ребенка в повторном союзе, каждый 10-й – в незарегистрированном. Вариативность форм семейных отношений ведет к разнообразию родительства, предопределяя появление и распространение одинокого, незарегистрированного, небиеологического, незарегистрированного типов.

Таблица 33

Брачный статус родителей, %

Брачный статус	Всего	17–21 год	23–30 лет	33–40 лет
Холост / не замужем	2	–	4	2
Женат / замужем	64	–	70	61
Женат / замужем в повторном браке	9	–	5	11
Живу с партнером / партнершей без регистрации	10	100	6	11
Разведен(а) или партнерство аннулировано	13	–	15	13
Вдовец / вдова или оставшийся после смерти партнера	2	–	–	2

Итак, трансформации современной семьи затрагивают все подсистемы семейного взаимодействия, включая субинститут родительства. Для России пока нормативным и оптимальным типом семьи для рождения и воспитания детей остается брачная семья. Тем не менее, учитывая разнообразие супружеских практик, ребенок часто воспитывается в монородительских, незарегистрированных, повторных семьях. Российская семья продолжает пока ориентироваться на однодетную модель рождаемости. Анализ репродуктивных установок представителей разных возрастных групп, а также положительных и отрицательных мотивов рождения детей не позволяет говорить о скором изменении тенденции к снижению рождаемости. Как и в большинстве развитых стран, в России дети рассматриваются как объект любви и заботы, что предопределяет низкие показатели рождаемости. Кроме того, ситуация усугубляется, с одной стороны, пока еще сложной для большинства семей экономической ситуацией, а с другой стороны, возрастающей конкуренцией между семейной и профессиональной сферами.

Отношения с детьми и стили родительно-детского взаимодействия

Как уже упоминалось, направления семейных преобразований затрагивают не только структурные характеристики семьи. Они все активнее проникают в зону межличностного взаимодействия, в том числе в процесс выстраивания отношений родителей и детей. Основное направление тенденции – эгалитаризация отношений, рост независимости детей, а в рамках родительства – поощрение самостоятельности, инициативности, учет потребностей, наклонностей, способностей ребенка при принятии решений.

Формирование нового (современного) типа моногамной семьи в условиях становления индустриального общества серьезно видоизменяет сферу родительно-детского взаимодействия. С точки зрения С.И. Голода [11, с. 271], складывается так называемый детоцентристский тип, предусматривающий повышение материальной и духовной заботы о детях, а также рассмотрение ребенка в качестве одной из основных жизненных ценностей. Анализ межпоколенных отношений такой семьи позволяет автору констатировать поливариативность детоцентристских моделей семьи. С.И. Голод выделяет авторитарный, амбивалентный и квазиавтономный варианты. Первый еще предполагает доминирование старшего поколения; ребенок здесь может выступать как средство самоутверждения родителей. Последний же вариант является переходным к новому типу общения, возможному лишь в рамках

постсовременной супружеской семьи, где главенствующее значение приобретает автономное развитие ребенка.

Вариативность как основная характеристика родительской сферы, как видим, затрагивает и воспитательные характеристики современной семьи. В российских условиях родители могут демонстрировать разное восприятие родительских ролей, методы и стили воспитания.

Дальнейшие исследования сферы родительско-детского взаимодействия подтверждают идею вариативности отношений родителей и детей. Так, Т.А. Гурко [95], а затем и О.Ю. Петрова [96], основываясь на классификации стилей семейного воспитания Д. Олсона, выделили пять типов родительско-детского общения, используемого в российских семьях при взаимодействии с подростками: авторитарный, демократический, попустительский, отвергающий и невовлеченный. С одной стороны, результаты проведенных исследований (в 1995 и 2011 гг.) позволяют говорить об уменьшении числа матерей, использующих авторитарный стиль общения и об увеличении числа родителей, предпочитающих оптимальный демократический стиль. С другой стороны, все еще более половины и отцов, и матерей используют так называемые «неправильные» стили взаимодействия.

Результаты нижегородских исследований также подтверждают вариативность родительских практик, акцентируя внимание на некоторых тревожных аспектах отношений родителей и детей. Для анализа характеристик воспитания в рамках исследования «Родительство, воспитание и детство в современной российской семье» была сформирована дополнительная база данных, в которую были включены только респонденты, ответившие на вопросы анкеты по воспитанию. Общее число наблюдений составило 231. В анализируемую выборку были отобраны респонденты, имеющие несовершеннолетних детей – 218 человек. В результате доля родителей младшей возрастной когорты (23–30 лет) составила 33%, старшей (33–40 лет) – 67%. Большинство наблюдаемых родителей (64%) – женщины, 36% – мужчины. Чаще родители имели только одного ребенка (в 64.5% случаев), у 29.9% – детей было двое, у 5.4% – трое и больше. Для изучения вопросов, касающихся характера выполнения родительских функций, был применен факторный анализ. В результате были определены факторы, объясняющие самочувствие респондентов в роли родителя и восприятие ребенка; методы воздействия, применяемые родителями в процессе воспитания; стили/типы родительского взаимодействия с ребенком.

В таблице 34 представлены результаты факторного анализа «Самочувствие в роли родителя и восприятие ребенка». Анализу были подвергнуты 10 суждений, описывающих субъективные ощущения респондентов в роли родителя.

Таблица 34

Самочувствие в роли родителя и восприятие ребенка

Суждения	Средний балл
1. Родительство / ребенок – источник удовольствия и положительных эмоций	4.5
Я рад(а) быть вместе с моим ребенком, проводить с ним время	4.7
Я готов(а) все бросить, чтобы помочь своему ребенку, поддержать его	4.5
Я готов(а) все выдержать ради блага моего ребенка	4.5
Если я нахожусь вместе с моим ребенком, то для меня нет ничего более желанного	4,4
Обычно я готов(а) пожертвовать своими интересами ради моего ребенка	4.4
2. Родительство / ребенок – источник раздражения	2.7
Если ребенок меня не слушается и делает то, что запрещено, это меня просто злит	3.2
Я бы хотел(а), чтобы я не чувствовал(а) себя как в капкане из-за необходимости выполнять мои родительские обязанности	2.4
У меня возникает такое чувство, что воспитание и уход за моим ребенком поглощают меня полностью, все мое время (я сам(а) не располагаю своим временем)	2.4
3. Ребенок – виновный	2.1
Я думаю, если мой ребенок ведет себя неправильно, он делает это намеренно	2.2
Если есть проблемы в воспитании, это зависит от моего ребенка	1.9

Первый фактор «Родительство / ребенок – источник удовольствия и положительных эмоций» отражает детоцентристскую родительскую позицию, предполагающую полную концентрацию на потребностях ребенка, даже в ущерб собственным интересам. Данная ситуация воспринимается как нормативная и сопровождается положительными эмоциями по отношению к ребенку. Родитель получает удовольствие от вовлеченности в воспитательный процесс и процесс общения с ребенком. Второй фактор «Родительство / ребенок – источник раздраже-

ния», наоборот, характеризует негативную позицию, где родитель рассматривает себя загнанным в угол, вынужденным тратить все свое время на ребенка, пренебрегая собственными интересами и потребностями. Третий фактор «Ребенок – виновный» отражает не критичную к себе родительскую позицию, при которой вся вина за проблемы, возникающие в процессе воспитания, ложится на плечи ребенка. Факторы отражают разные, зачастую противоположные взгляды современного родителя на ребенка. Как видим, взрослые далеко не всегда ощущают себя комфортно, ответственно и адекватно в роли родителя, зачастую воспринимая своих детей как источник раздражения, сваливая на них вину за собственные промахи в воспитательном процессе. Для опрошенных родителей в большей степени характерна детоцентристская позиция (средний балл – 4.5), наиболее редкий вариант – не критичная позиция (средний балл – 2.1). Негативная реакция встречается также довольно часто (средний показатель по фактору выше логического среднего и составляет 2.7 балла), что во многом подчеркивает сложность реализации родительской функции в современных условиях.

Таблица 35 отражает результаты анализа, касающегося методов воздействия на ребенка.

Таблица 35

Методы воспитания

Суждения	Средний балл
1. Жесткие / неконструктивные методы воздействия	2.2
Вы расстроены и разочарованы, если ребенок себя плохо ведет	3.1
Вы критикуете Вашего ребенка	2.5
Вы кричите на Вашего ребенка, если он что-то делает не так	2.4
Вы некоторое время не разговариваете с ребенком, если он что-то натворил	1.9
Вы считаете ребенка неблагодарным, если он Вас не слушается	1.7
Вы обзываете Вашего ребенка, если Вы на него злитесь	1.5
2. Мягкие / конструктивные методы воздействия	4.3
Вы утешаете Вашего ребенка, если он расстроен	4.3
Вы хвалите Вашего ребенка	4.3
Вы показываете ребенку на словах или с помощью жестов, что Вы ее/его любите?	4.3

Жесткие / неконструктивные методы воздействия допускают крик, критику, оскорбления, прекращение общения. Родитель часто недово-

лен, расстроен, разочарован поведением ребенка, злится на него. *Мягкие / конструктивные методы воздействия* предполагают принятие ребенка, эмоционально-психологическую поддержку в неприятных для ребенка ситуациях. Судя по результатам опроса, респонденты гораздо чаще проявляют себя как мягкие родители, ориентированные скорее на «пряник» (средний балл – 4.3), чем на «кнул» (средний балл – 1.9). В то же время психологические способы давления на ребенка (крик, критика) не могут считаться редким явлением в процессе выстраивания основной линии родительского поведения.

В таблице 36 представлены факторы, характеризующие стиль / тип родительского общения.

Таблица 36

Стиль / тип родительского общения

Суждения	Средний балл
1. Вовлеченный родитель	4.0
Когда Ваш ребенок не дома, Вы всегда точно знаете, где он	4.4
Если Ваш ребенок откуда-то пришел, Вы спрашиваете его, что он делал и пережил	4.2
Ваш ребенок рассказывает Вам о том, что его интересует	4.0
Ваш ребенок делится с Вами своими чувствами и мыслями	3.8
Если у Вашего ребенка появляются новые друзья или подруги, Вы разговариваете с ним о них	3.7
Если у Вашего ребенка появляются новые друзья и подруги, Вы тоже вскоре знакомитесь с ними	3.6
2. Конфликтный родитель	2.4
Когда Вы не можете договориться, Ваш ребенок добивается, чтобы Вы сделали в соответствии с его мнением / желанием	2.7
Вы и Ваш ребенок бываете разъяренными или рассерженными друг на друга	2.3
Вы и Ваш ребенок часто расходитесь во мнениях и ссоритесь по этому поводу	2.3
3. Скоцентрированный на ребенке родитель	4.0
Вы цените то, что делает Ваш ребенок	4.5
Вы часто показываете Вашему ребенку, что любите его, что он дорог Вам	4.4
Ваш ребенок часто заставляет Вас подстраиваться под него	3.2
4. Строгий родитель	3.1
Вы даете понять Вашему ребенку, что он не должен противиться	3.4

Ваши указания и решения	
Бывают дни, в которые Вы более строги, чем обычно	2.7
5. Непоследовательный родитель	2.8
Вы смягчаете наказание или преждевременно его отменяете	3.2
Вы угрожаете Вашему ребенку наказанием, но потом его все-таки не наказываете	2.6
Вам тяжело быть последовательными в процессе воспитания	2.6
6. Жесткий / авторитарный родитель	2.8
Вы не позволяете себе отступать от Ваших правил и запретов	2.9
Вы скорее строги	2.9
Если Ваш ребенок делает что-то против Вашей воли, Вы его наказываете	2.6

Вовлеченный тип родительского общения предполагает, что ребенок и родитель делятся друг с другом происходящим, родитель старается всегда быть в курсе дел ребенка. При реализации типа «*конфликтный антагонистичный родитель*» родитель и ребенок часто рассержены друг на друга, расходятся во мнениях, ссорятся. *Сконцентрированный на ребенке родитель* показывает принятие ребенка и высокую концентрацию на его интересах. Если используется *четвертый тип общения*, родитель строг с ребенком, заставляет его следовать своим указаниям и решениям. *Непоследовательный родитель* склонен часто менять решения, отменять наказания. *Жесткий / авторитарный родитель* выбирает строгую родительскую позицию, предполагающую наказания за проступки, не позволяет отступать от правил и запретов. Из вышеназванных позиций только одна может удовлетворять правилам конструктивного родительского взаимодействия, остальные представляют палитру скорее «неправильных» стилей / типов родительского общения.

Средние показатели по суждениям и в целом по типам родительско-детского общения показывают, что родители в той или иной мере используют все разнообразие способов взаимодействия с ребенком, в том числе и те, которые принято считать неконструктивными, что, к сожалению, дает основания констатировать не всегда высокий воспитательный потенциал современного взрослого. Наиболее распространенными являются два варианта: первый («вовлеченный») и четвертый («сконцентрированный на ребенке») типы. Они имеют одинаковые средние показатели – 4.0. Но если первый представляет в целом конструктивную родительскую позицию, то второй вариант предполагает перегибы в распределении власти между ребенком и взрослым, причем не в пользу последнего. Высокие показатели двух названных типов еще раз подчер-

квивают «детоцентричность» современной российской семьи. За ними идут четвертый («строгий» – 3.1 балла), пятый («непоследовательный») и шестой («жесткий») типы родительского общения (показатели двух последних – 2.8 балла). Представлен в родительских практиках и второй («конфликтный») тип родителя (2.4 балла).

Таким образом, вариативность современных родительских практик сегодня очевидна. Взрослые могут по-разному воспринимать себя в качестве родителя, выбирая неодинаковые, часто диаметрально противоположные способы воздействия на ребенка, не всегда демонстрируя высокие воспитательные возможности, свою подкованность в вопросах грамотного, «правильного» влияния на ребенка. При этом не до конца пока выяснены факторы, определяющие выбор родителя в пользу того или иного стиля общения, не ясно, связано ли это с типом супружества и, как следствие, родительства.

Список литературы

1. Клецин А.А. Очерк истории социологии семьи в России (конец XIX–XX вв.). СПб.: Петрополис, 2000. 112 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 3-е изд., стереотипное. М.: АЗБ, 1996. 944 с.
3. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.
4. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122.
5. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 686 с.
6. Мердок Дж.П. Социальная структура / Пер. с англ. А.В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
7. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979. 367 с.
8. Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 116 с.
9. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. 304 с.
10. Антонов А.И. Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи: Сборник. М.: Институт социологии АН СССР, 1992. С. 11–27.
11. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.

12. Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 99–108.
13. Анохин П.К. Философские аспекты функциональной системы // Философские проблемы биологии. М.: Наука, 1973. 399 с.
14. Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология: Вводный курс / Пер. с англ. М.: АСТ; Львов: Инициатива, 1998. 496 с.
15. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
16. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор Г.В. Осипов. М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1998. 488 с.
17. Пантелеева И.В. Брак // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.
18. Любимова А.Б. Статус семьи: проблемы эволюции. Социально-философский аспект. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 251 с.
19. Савинов Л.И. Семейведение: Учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 196 с.
20. Kirkpatrick C. The family as process and institution. NY, 1963.
21. Голод С.И. Стабильность семьи. Л.: Наука, 1984. 136 с.
22. Чистякова Т.С., Курамшев А.В. Стратегии добрых практик современной молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 3 (19). С. 43–49.
23. Копытянская К.Р., Осетрова Н.В. Мотивы создания семьи и отказа от вступления в брак // Семья в представлении современного человека. М.: Институт социологии АН СССР, 1990. С. 23–45.
24. Вишневский Ю.Р. Современная брачная ситуация // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Семья в России: теория и реальность». Тверь, 29–30 октября 1999 г. Тверь, 1999. С. 26–27.
25. Заикина Г.А. Возрастная и социокультурная гомогенность как критерий выбора брачного партнера // Семья в представлении современного человека. М.: Институт социологии АН СССР, 1990. С. 12–23.
26. Гурко Т.А. Роль ожидания молодых супругов в различных типах семей // Семья в представлении современного человека. М.: Институт социологии АН СССР, 1990. С. 56–66.
27. Сусоколов А.А. Межэтнические браки // Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.
28. Козлов В.И. Национальности СССР. Этнографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 304 с.
29. Социально-культурный облик советских наций (по материалам социологических исследований). М.: Наука, 1986. 453 с.
30. Бурханова Ф.Б. Современный брак в Башкортостане. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 325 с.

31. Голод С.И. Российские сексуальные стандарты и их трансформация (вторая половина XX столетия) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 2. С. 139–153.

32. Беляева Г.Ф., Денисова Д.Е. Семнадцатилетние россияне: брачно-семейные установки // Молодежь 97: надежды и разочарования. Книга 1. М., 1997. С. 169–173.

33. Пичугина Т.А. Браки по сватовству в семьях с высоким уровнем материального благосостояния: общественная иллюзия или реальность? (Опыт одного телефонного опроса) // Семья в новых социально-экономических условиях: Материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2–10 октября 1997 г. В 2 т. / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. Т. I. С. 134–135.

34. Фандрова О.И., Владимиров И.А. Брачный договор в России: сущность и проблемы применения // Юридические науки: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. Пермь, март 2012 г. Пермь: Меркурий, 2012. С. 109–110.

35. Парсонс Т. Новый аналитический подход к теории социальной стратификации // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

36. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: Статистика России, 2012. 183 с.

37. Дарский Л.Е. Брачность // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 30–34.

38. Женщины и мужчины России: Крат. стат. сб. М.: Госкомстат России, 1997. 110 с.

39. Демографический ежегодник России 2005. Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: www.gks.ru

40. Тольц М.С., Харьковская Т.Л. Разводимость // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 367–370.

41. Семейный кодекс РФ // Сборник кодексов РФ. Приложение к журналу «Юридический бюллетень предпринимателя». М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. 584 с.

42. Дарский Л.Е. Рождаемость // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 389–396.

43. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.

44. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 175 с.

45. Захаров С. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения 31.01.2014).
46. Ловцова Н.И., Ярская-Смирнова Е.Р. Демографическая проблема: кто виноват и что делать? // Мир России. 2005. Т. 14. № 4. С. 78–104.
47. Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСЦ, 2009. С. 139–162.
48. Попова Д.О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСЦ, 2009. С. 163–184.
49. Федеральная служба государственной статистики. – URL: www.gks.ru. (дата обращения 29.01.2014).
50. Российский статистический ежегодник, 2012. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-26.htm дата обращения 29.01.2014).
51. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: КРОС, 2003. 48 с.
52. Российский статистический ежегодник, 2014. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/04-22.htm дата обращения 07.04.2015).
53. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 115–118.
54. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 9. С. 74–88.
55. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 106–119.
56. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость». – URL: www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm дата обращения 31.01.2014).
57. <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms>; <http://www.hse.ru/rfms> (дата обращения 29.01.2014).
58. Егорова Н.Ю. Новые аспекты формирования современной семьи // Организация в фокусе социологических исследований: Материалы междунар. научно-практ. конф. В 2-х т. Т. 2. Н. Новгород, НИСОЦ, 2005. С. 157–158.
59. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 74 с.
60. Волков А.Г. Глава семьи // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 115.
61. Всесоюзная перепись населения 1989 года. М.: Финансы и статистика, 1987. 73 с.

62. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
63. Косыгина Л. Мужчина и женщина в таблицах и анекдотах // Потолок пола: Сб. научных и публицистических статей / Под ред. Т.В. Барчуновой. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1998. С. 149–160.
64. Бобров В.А. Человек в домашнем хозяйстве: результаты социологического исследования // Семья в новых социально-экономических условиях: Материалы Междунар. научно-практ. конф. Н. Новгород, 2–10 октября 1997 г. В 2 т. / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. Т. I. С. 213–215.
65. Баскакова М.Е. Проблемы и права работников с семейными обязанностями // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. В 2 т. Т. 1. М.: МЦГИ, 1998. С. 235–258.
66. Козина И.М. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 83–89.
67. Клецин А.А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 121–122.
68. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной // Социологические исследования. 2014. № 4 (360). С. 97–102.
69. Пишняк А.И. Внутрисемейные конфликты: основания, концентрация, детерминанты // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009. С. 185–204.
70. Голод С.И. Адюльтер: тенденции и нормы // Рубеж. 1994. № 5. С. 158–165.
71. Анурин В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 88–95.
72. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988. 270 с.
73. Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97.
74. Савинов Л.И. Социология родительства // Вестник Мордовского университета. 2007. № 2. С. 119–127.
75. Багирова А.П., Шубат О.М. Образ родительства и его развитие в концепции родительского труда // Социологические исследования. 2014. № 14. С. 103–110.
76. Галиндабаева В.В. Идеология расширенного материнства: забота о детях сельских мигранток в Бурятии // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 13. С. 7–20.
77. Грицай Л.А. Социальное измерение современного российского родительства // Вестник Института социологии. 2011. № 2. С. 188–201.

78. Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85–96.

79. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 2 (34) 2014. С. 118–123.

80. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014. № 1618-р. «Об утверждении концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.». – URL: www.consultant.ru/low/hotdocs/36787.html (дата обращения 16.10.2014).

81. Шеффер Б., Шледер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Иностранная психология. 1993. Т. I. № 1. С. 74–84.

82. Масленцева С.Б. Одинокий отец как объект социальной работы // Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. 2012. № 4. С. 112–119.

83. Козлова Т.З. Социальное сиротство в современной России: истоки и предотвращение, судьбы родителей детей-сирот / Под ред. Т.З. Козловой. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010. 196 с.

84. Саралиева З.Х. Инновационные социальные макро- и микротехнологии // Инновационная экономика XXI века. В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 64–68.

85. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СОР АН, 2012. 165 с.

86. Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Кузьмина Л.М. Социальные роли современных российских мужчин // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 86–93.

87. Чернова Ж.В. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.

88. Курамшев А.В. Трансформация института отцовства // Медиэвистика и социальная работа / Под ред. Е.А. Молева. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 238–248.

89. Табаков О.П. Моя настоящая жизнь. В 2 т. Т. 2. М.: ЭКСМО-Пресс, 2012. 496 с.

90. Семья и родительство в современной России: Отчет о результатах исследования [Электронный ресурс]. – URL: www.fond-detyam.ru (дата обращения 23.01.2014).

91. Нижегородское студенчество на рубеже веков (По материалам социологического исследования): Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 189 с.

92. Кутявина Е.Е., Курамшев А.В., Мифтахова А.Г. Ответственное деторождение в репродуктивных установках современных российских женщин // Вест-

ник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 81–87.

93. Гурко Т.А. Тенденции развития института родительства // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 121–141.

94. Nauck B. Value of children: Eine spezielle Handlungstheorie des generativen Verhaltens und von Generationenbeziehungen im interkulturellen Vergleich // Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2001. № 53. S. 407–435.

95. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.

96. Петрова О.Ю. Влияние родительских практик на благополучие детей // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Уфа, 23–25 октября 2012. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part21.pdf> (дата обращения 04.02.2014).

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ И МИР ТРУДА

Рассматриваются проблемы российской семьи в условиях возрастающего значения труда и занятости населения в рыночной экономике. Оцениваются такие важные составляющие семейной жизнедеятельности, как уровень образования и квалификации родителей, занятость и безработица, трудовые доходы и распределение трудовых и домашних обязанностей в семье. Особо выделяются неблагоприятное положение неполных семей с детьми, внутрисемейные конфликты и напряжение, дискриминация женщин. Анализируется влияние ресурса семьи на трудовую деятельность рабочих. Выявлено, что имеющих семью рабочих отличает большая дисциплинированность, ответственность в работе, стремление к стабильности. Не имеющие семьи рабочие более мобильны, склонны к инновационному мышлению, готовы к обучению. Однако в большинстве своем они считают профессию рабочего лишь временным этапом в профессиональной жизненной стратегии и не могут рассматриваться в качестве опоры происходящих в стране модернизационных процессов.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, трудовая деятельность, рабочие, организация труда, индивидуализация семейной жизни, разделение трудовых и домашних нагрузок, социализация детей, социальный ресурс семьи.

Институт семьи в условиях трансформации сферы труда и занятости

Современный мир труда очень мало похож на тот, который существовал еще два десятилетия назад. Современность, которую З. Бауман назвал «текучей», повлияла на трудовую сферу общества, видоизменила занятость и отношение к труду. В условиях возрастающей рыночной конкуренции, экономизации, технических изменений, модификаций в структуре управления и культуре труда развиваются новые варианты трудовой активности, которые, меняя прошлые образцы и парадигмы, втягивают в свою орбиту все новые и новые сферы жизнедеятельности граждан. В настоящее время политики заявляют, что создание высококонкурентной модели экономики возможно только совместными усилиями самого работника и институтов общества [1, с. 198]. Подобные стратегии способствуют распространению нового баланса сил, при котором, согласно выражению А. Горца, в обществе утверждается «господство труда» [2]. На практике это означает, что

большинство трудящихся лишено возможности в одиночку удовлетворить материальные потребности семьи, а «семья с двойным заработком» становится наиболее распространенной формой жизнедеятельности граждан. Одновременно развиваются новые формы партнерств, являющиеся итогом современной организации и разделения труда. К ним относятся раздельное проживание супругов (партнеров), перекладывание задач по воспитанию детей на родственников, двойные и тройные подработки без возможности уделить время семье – это тенденция усиливается и в России по мере того, как экономика приобретает черты постиндустриальной модели.

Социальная позиция работника на рынке труда не в последнюю очередь теперь зависит от формы и качества его частной жизни [3, с. 196]. В результате, стремление к балансу работы и семьи является важной для многих социальной нормой жизни. Современные работники подчинены необходимости быть не только квалифицированными, гибкими и мобильными, но способными к перераспределению домашних забот, ответственности за семью, к перераспределению своих семейных ролей [4, с. 87]. Насколько это возможно, зависит в первую очередь от социального капитала самой семьи. Так, Р. Кастель указывает, что уровень разводов в семье, где взрослые постоянно заняты, меньший, чем в семьях с нестабильной занятостью или в семьях безработных. Сама семья становится не только более «демократичной» (происходит ослабление семейных связей), но и более реляционной структурой, поскольку ее устойчивость все больше зависит от качества внутрисемейных отношений. Тенденции распространения современного (равноправного, партнерского) семейного права в западных странах делают ее еще более зависимой от механизмов саморегуляции [5, с. 480–481]. В исследованиях, проводимых Р. Кастелем, подчеркивается, что разрывы семейных связей (расставания, разводы, вдовство) влекут за собой снижение доходов семей, а также ускоряют процесс разрушения социального статуса тех, кто уже был уязвимым до разрыва отношений. С другой стороны, выявляется обратная связь между ухудшением социально-экономической ситуации и распадом семьи. Таким образом, слабость современной семейной структуры, практически сведенной к управлению имеющимся капиталом отношений, усиливается в ситуации, при которой происходит разрушение социального статуса (нестабильная занятость, безработица супругов/партнеров) и наступает экономическая нестабильность.

В ситуации нехватки ресурсов современная семья с детьми для поддержания занятости родителей стремится все чаще ориентироваться на систему детского попечения. В этом контексте возникает значительная

потребность в развитии соответствующей социальной инфраструктуры: открытии новых детских садов, групп продленного дня при школах, кружков и спортивных секций с гибкими графиками работы, а также потребность в заботе самого предприятия о развитии социально ориентированных программ для семейных работников.

Особую тревогу вызывает положение родителей, в одиночку воспитывающих детей. Едва ли одинокая мать или отец имеют полную возможность сбалансировать свою трудовую и семейную жизнь. По данным нижегородских исследований на тему «Ищущие работу женщины» (2012–2013 гг.) [6, с. 41–48], одинокие женщины-матери чаще заняты в отраслях, в которых предлагаются, как правило, более низкие заработные платы и/или нестабильная занятость. С другой стороны, нельзя не отметить проблему старения населения и снижение рождаемости в стране, что самым негативным образом отражается на уровне и качестве трудовых ресурсов. Поэтому должны создаваться государственные социальные программы, ориентированные на поддержку работающих матерей. В этой связи среди ученых растет популярность проблемы распределения трудовых и домашних обязанностей в семье. Современные женщины, обладающие значительным образованием, стремятся не покидать рабочее место или по возможности быстрее вернуться на работу сразу после рождения ребенка. Однако женская занятость серьезно дискриминируется в стране и по способам включения женщин в занятость, и по объему трудовых обязанностей, и по объему доходов. Кроме того, именно женщина часто несет ответственность за выполнение таких семейных обязанностей, как уход за детьми или взрослыми, нуждающимися в помощи. Во многом способность семьи к организации своего жизненного уклада зависит от культурных традиций и ценностей общества, а также от реализованных институциональных регулирований, коррекции баланса отношений семейных партнеров, при котором совмещение профессиональных, родительских и семейных обязанностей взрослыми одновременно является мотором модернизации гендерных отношений в стране.

В заботе о детях в настоящее время выступает на первый план проблема поддержания их здоровья и развития. Будущее ребенка зависит от социального капитала его семьи. Высокая степень социального расслоения способствует и росту неравенства в здоровье и развитии уже самых младших российских поколений. Проблемная социализация детей в России зачастую является следствием проживания детей в семьях безработных родителей, семьях с низкими и нестабильными трудовыми

доходами. На этом фоне прошлые механизмы коррекции социального неравенства (например, заключение мезозьянских браков) в ситуации четкого имущественного и профессионального разграничения общественных страт и, как следствие, образования непересекающихся зон жизнедеятельности, едва ли могут служить, хотя бы в какой-то степени, выравниванию и гомогенизации населения. В условиях растущей непропорциональности между женским и мужским населением в России и все повышающегося уровня образования женщин это приведет к ситуации возрастания числа женщин, не сумевших найти себе семейного партнера с соответствующим социальным и профессиональным статусом.

Нельзя не согласиться, что «обсуждение проблемы баланса семьи и работы... находится на периферии официального дискурса. В отличие от западного варианта политики указанная проблема появляется только в риторике и не влечет за собой обсуждения и создания соответствующих институтов и механизмов для ее решения» [7, с. 11]. В этой связи актуальным является исследование проблем и трудностей, которые испытывает российская семья в условиях меняющегося мира труда.

Уровень образования и квалификации родителей

В планах современного российского государства обозначена цель создания в стране инновационной экономики. Ее достижение связано с необходимостью получения населением России качественного и востребованного на рынке труда образования и квалификации. От этого зависит, насколько успешно современные семьи смогут адаптироваться к требованиям времени, а также подготовить необходимые для общества трудовые ресурсы. Согласно данным двух последних переписей населения¹ [8], ситуация в сфере образования выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования населения РФ

	Уровень образования (в % от общего числа населения в возрасте 15 лет и более)	
	2002	2010
Профессиональное		
высшее	16	23
неполное высшее	3	4
среднее	27	30
начальное	13	5
Общее		

среднее полное	18	18
основное	14	11
начальное	8	5
не имеют начального	1	0.6
не указали уровень образования	1	3

Примечание: согласно методике опроса, общее количество ответов не равно 100%.

Как следует из таблицы 1, преобладают три уровня образования: высшее профессиональное, среднее профессиональное и общее среднее полное. Одновременно снижается значимость получения начального профессионального и неполного среднего образования. Все меньше становится людей, имеющих только незначительное (начальное) образование, но растет число лиц, чье образование нельзя отследить.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в большей степени высшее образование имеют мужчины и женщины трудоспособного возраста, при этом в значительной степени высшее образование характерно для женщин. Если рассматривать динамику грамотности населения страны (умеющих читать и писать) в возрасте 9–49 лет в долгосрочной перспективе (с 1897 г.) на основании всех переписей населения, то характерные различия между мужчинами и женщинами были преодолены уже к 1970 г. (99.7% населения в указанном возрасте). Поскольку 72% населения проживают в семьях (по данным переписи 2002 г.), то отмеченные особенности в сфере образования за отсутствием специальных статистических обследований в России можно отнести к семейным партнерам. Таким образом, родители стремятся получить в настоящее время в основном высшее, среднее специальное или общее полное образование.

Дополним картину анализом данных нижегородского социологического исследования, проведенного творческим коллективом ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2012–2013 гг. В рамках массового анкетного опроса школьников в Нижнем Новгороде, осуществленного по многоступенчатой случайной выборке, оценивались образование и профессиональная квалификация родителей учеников.

Большинство опрошенных школьников (67.8%) проживает с обоими родителями (полная семья). Оставшиеся 32.2% проживают в неполных семьях с разными родственниками, но чаще – в материнских семьях (табл. 2).

Таблица 2

Неполные семьи нижегородских школьников

Тип неполной семьи	Количество школьников, %
Только с мамой	79.2
Только с отцом	6.8
С бабушкой/дедушкой	12.4
С другими родственниками	13

Примечание: превышение 100% связано с повторными ответами учеников на вопрос «с другими родственниками» и «с бабушкой/дедушкой».

В целом родители учеников нижегородских школ имеют весьма высокий уровень образования (табл. 3).

Таблица 3

**Уровень образования матерей и отцов
нижегородских школьников, %**

Образование родителей	СОШ		Лицей, гимназия		Школа с угл. изуч. отд. предметов		Всего по выборке
	О	М	О	М	О	М	
Неполное среднее (9 классов и менее)	14.1	10.3	4	1	8.8	4	9.1
Полное среднее (10–11 классов)	13.9	15.9	11.3	7.6	13.1	12	13.3
Среднее профессиональное (ПТУ)	9.3	5.9	2.6	0.7	8.1	3.3	6
Среднее специальное (техникум, медучилище и пр.)	18.6	17	9.5	8.3	18.1	16.8	15.9
Высшее	31.7	39.1	66.4	77.5	40.8	56.6	45.6
Ученая степень	1.9	3	2.6	2.4	0.8	1.1	2.1
Другое	10	8.5	3.6	2.4	10	5.9	7.8
Нет ответа	0.5	0.2	–	–	0.4	0.4	0.2

Примечание: О – отец; М – мать.

Как следует из таблицы 3, почти половина (47.7%) родителей учеников имеет высшее образование либо даже ученую степень. При этом

среди них больше матерей, чем отцов (во всех указанных типах школ). Менее 10% родителей не имеют полного среднего образования. Весьма незначительна категория родителей, имеющих среднее профессиональное образование (6%). Уровень образования отцов и матерей выше у учащихся гимназий и лицеев. Среди родителей учеников обычных школ и школ с углубленным изучением отдельных предметов, напротив, больше тех, кто имеет среднее профессиональное и среднее специальное образование. Таким образом, образование родителей в значительном мере обуславливает выбор школы для обучения детей, причем в большей степени – образование матери. В средней общеобразовательной школе обучаются дети из всех слоев общества, однако гораздо в большей степени дети низкостатусных групп общества, а также социально слабых и уязвимых слоев. Таким образом, биографизация (то есть снижение жизненных шансов) подрастающих поколений проявляется уже в школьном возрасте. Как сложится дальнейшая жизненная траектория ребенка, в России напрямую зависит от степени образования его родителей.

Профессиональная занятость и безработица в современной российской семье

Как показывают данные Росстата, численность занятых семейных людей в России возрастает незначительно. Так, если в период между 1995 и 2007 гг. общая численность занятых возросла на 10%, то численность лиц, состоящих в браке, выросла только на 1%. Гораздо быстрее в этот период росла занятость холостых людей, а также разведенных лиц [9].

В этот же в целом благоприятный для российской экономики и рынка труда период (за исключением конца 1990-х гг.) снижалась безработица семейных пар. В 2007 г. их было меньше половины среди всех безработных в России. С другой стороны, росла безработица лиц, образующих неполные семьи (вдовцы, разведенные). Одной из важных тенденций современности является рост занятости трудоспособных членов семей. Так, в период с 1995 г. по 2007 г. на 14,2% сократилось количество семейных людей, представляющих экономически неактивное население в трудоспособном возрасте. Подобное развитие характерно и для неполных семей: только очень незначительное количество членов таких семей могло не работать.

Дополним общую статистику данными о профессиональной занятости родителей школьников г. Нижний Новгород (табл. 4).

Таблица 4

Занятость родителей учеников разных типов школ, %

Вид занятости родителей	Тип школы			Всего по выборке
	СОШ	лицей, гимназия	школа с угл. изуч. отд. предметов	
Рабочий	36.4	23.4	29.7	32.4
Служащий	12.4	20.4	17.8	15.1
Чиновник	13	14	10.1	12.6
Предприниматель	14.8	15.4	15.9	15.2
Работает в сельском хозяйстве	9.9	12.3	11.9	10.9
Домохозяин	2.8	4.7	2.9	3.2
Безработный	2.4	1	2.6	2
Не знаю	8.3	8.8	9.1	8.6
Итого	100	100	100	100

Из таблицы 4 следует, что большинство родителей учеников нижегородских школ работает. Только 5.2% родителей являются безработными (остались без работы) или неактивными (не хотят работать). Чаше всего родители, по мнению учеников, являются рабочими (32.4%). Их число выше в общеобразовательной школе (36.4%) и ниже в лицеях и гимназиях (23.4%). Следующая значительная группа родителей относится к группе предпринимателей (15.2%). Число родителей, занятых собственным бизнесом, выше у детей, обучающихся в «продвинутых» типах школ, хотя и незначительно. Почти столько же родителей учеников являются служащими (15.1%). Число родителей-служащих значительно выше в лицеях и гимназиях (20.4%); кроме того, в школах с углубленным изучением отдельных предметов их больше (17.8%), чем в обычных школах (12.4%). Несколько меньше родителей, являющихся чиновниками (12.6%). Таких родителей больше у детей, обучающихся в лицеях и гимназиях (что понятно), а также у детей, обучающихся в обычных школах (13%). Неожиданно для горожан большая группа родителей учеников занята в сельском хозяйстве (10.9%). Безработных родителей меньше всего у учеников гимназий и лицеев. Это может быть связано как с уровнем образования родителей, их местом жительства, так и с их более активной жизненной позицией. У учеников гимназий и лицеев больше родителей, являющихся домохозяевами. Объяснением этому, скорее всего, является высокое материальное положение некото-

рых семей гимназистов и лицейстов, которое не требует в обязательном порядке материнской занятости.

Таким образом, можно констатировать, во-первых, высокую занятость семейных людей, имеющих несовершеннолетних детей, во-вторых, умеренную степень взаимосвязи между профессиональной принадлежностью родителей и выбором школы для детей.

В 2012–2013 гг. в рамках Федеральной целевой программы творческим коллективом ННГУ им. Н.И. Лобачевского было проведено еще одно исследование – «Родительство, детство и воспитание» [10], которое позволяет заключить, что для взрослых людей трудовая сфера имеет чрезвычайное значение. В настоящее время работать хотят даже люди, не имеющие особой потребности в материальных средствах. В целом достичь серьезных профессиональных успехов желают 88% мужчин и 75% женщин. Обследованная нами подвыборка включала 269 человек (120 мужчин и 149 женщин), состоящих в партнерских отношениях (зарегистрированных или нет). Ключевой спецификой выборки является выделение двух возрастных когорт, находящихся в разных фазах семейной жизни: 23–30 лет и 33–40 лет. Только 5–6% относительно молодых взрослых (23–40 лет) не считают профессиональный рост важной целью жизни. Мужчины и женщины по-разному относятся к работе. Для женщин работа представляет собой не только возможное решение материальных проблем, но и способ самореализации вовне, за пределами домашней сферы.

Несмотря на существенные расхождения во мнениях между мужчинами и женщинами по вопросу о рождении детей как «барьера» для занятости и профессионального саморазвития, многие семейные пары в России, как правило, работают на полную ставку. В исследованных двух возрастных когортах работали 74% респондентов. Лишь незначительное количество участников опроса (1.5%) в возрасте 23–30 и 33–40 лет входило в группы безработных или ищущих работу. Подработки или работа на долю ставки являются слабо распространенными формами занятости представителей обоих полов и возрастов. Около 6% опрошенных (исключительно женщины) оказались в статусе домохозяйек. Таким образом, модель российской семьи не сильно изменилась за годы рыночных преобразований: предпочтение отдается семье с двумя зарабатывающими и занятыми полный рабочий день. Возможно, партнеры вынужденно включаются в трудовую деятельность, ориентируясь главным образом на потребности в материальных средствах в условиях прес-

обладания низких заработных плат и высокой интенсивности труда для многих работающих людей (табл. 5).

Таблица 5

Основные формы деятельности респондентов, %

Вид деятельности	мужчины		женщины	
	23–30	33–40	23–30	33–40
Работают на полной ставке	79	77	67	74
В отпуске по уходу за ребенком и в декрете	–	–	17	9
Домохозяйки	–	–	11	12
Подрабатывают	8	5	6	5
Работают на неполной ставке	4	5	3	6
Безработные, ищущие работу	4	1.5	–	1

Как следует из таблицы 5, занятость в младшей возрастной группе (23–30 лет) намного выше среди мужчин, чем среди женщин. С возрастом эта разница исчезает, и начиная с 30-летнего возраста мужчины и женщины работают практически в равной степени. Кроме того, в нашей стране большая редкость, если мужчины являются домохозяевами или берут на себя заботы по уходу за детьми после их рождения. В результате трудности, которые испытывают российские женщины на рынке труда, положительно коррелируют с их возрастом: чем старше женщина, тем чаще она является домохозяйкой, безработной или ищущей работу.

Нередко занятость семейных партнеров превышает время, определенное трудовым законодательством (свыше 41 часа в неделю). Переработки характерны в большей степени для мужчин, однако более чем у трети замужних женщин рабочая неделя оказывается чрезвычайно растянутой. Переработки с возрастом становятся затруднительными для женщин, особенно при наличии детей (больше времени люди начинают уделять семье), что согласуется с их позицией относительно внутрисемейного распределения трудовой и домашней нагрузок. Однако у 42% женщин они все же остаются на прежнем уровне, что, скорее всего, осложняет возможности бесконфликтно, без проблем совмещать родительские/семейные и трудовые обязанности, тем более что их, судя по результатам опроса, с женщин никто не снимал. С другой стороны, сокращается занятость ниже определенного стандарта, скорее всего из-за нехватки заработанных средств на жизнеобеспечение увеличенной семьи. Желание больше работать особенно выражено у мужчин (табл. 6).

Таблица 6

**Объемы трудовых нагрузок мужчин и женщин, состоящих в браке
или незарегистрированном партнерстве, %**

Тип занятости	мужчины		женщины	
	23–30	33–40	23–30	33–40
Ниже стандарта (35 ч. в неделю и меньше)	17	9	34	28
Стандартная занятость (35–40 ч. в неделю)	23	28	23	29
Нестандартная высокая занятость (41 ч. и более в неделю)	60	63	42	42

Несмотря на то что безработица не затрагивает большинство российских семей, материальных средств им все равно не хватает. Это является основной причиной весьма распространенной в России формы существования семьи, в которой оба партнера работают. Как показывают социологические исследования, низкие заработки приводят к поиску дополнительной работы (трудовой нагрузки), особенно после появления детей в семье.

Трудовые доходы родителей

Данные исследований показывают, что с начала 2000-х гг. число малоимущих и крайне бедных семей в России медленно сокращается. Так, в период с 2004 по 2007 гг. средний темп снижения бедности семей составил 1% в год в больших городах страны (хотя в сельской местности число бедных семей в этот период увеличилось на 3.5%). Незначительное улучшение материального положения было характерно для семей с детьми моложе 16 лет (на 1.4% за три года) [10].

По мнению опрошенных нижегородских школьников, материальное положение их семей следующее (табл. 7).

Таблица 7

Материальное состояние семей школьников, %

	Дети из неполных семей	Дети из полных семей	Все опрошенные
Денег очень мало, иногда бывает так, что в конце месяца их едва хватает на покупку продуктов	1.3	0.4	0.7
Денег не хватает, иногда приходится отказываться от покупки нужных вещей	4.3	2.2	2.8

Иногда хочется, чтобы денег было побольше, но на все необходимое нам хватает	25.5	24	24.3
Мы не богатые, но живем неплохо	59.7	60.2	59.7
Мы – богатая семья, деньги не имеют значения	9.2	13.2	11.9
Итого	100	100	100

В целом нижегородские школьники считают, что их семьи живут неплохо (59.7%), богатых семей в городе – только 11.9%. С другой стороны, количество тех, кто считает, что денег не хватает (объединение первых трех ответов), составляет 27.8%. То есть почти каждый третий школьник проживает в небогатой семье. В ходе опроса встретились и дети, которые считают, что их семьи находятся в чрезвычайно бедственном состоянии. В анкетах таких насчиталось 10 ребят.

Сравнение детей из полных и неполных семей показывает, что материальное благополучие связывается с жизнью детей с обоими родителями. Так, большее число богатых семей – это полные семьи. На несколько процентов различается и совмещение ответов школьников по небогатым семьям (объединение первых трех суждений): 26.6% – из полных семей и 31.1% из неполных семей. Соответственно, в неполных семьях больше тех, кто считается наиболее уязвимым в материальном плане.

Таким образом, родители, в одиночку воспитывающие детей, не имеют возможности заработать достаточно средств для своих семей. Однако даже дети, проживающие с обоими (и работающими) родителями, из-за низких заработков последних далеко не всегда оказываются в ситуации полного материального благополучия. По данным нижегородского исследования «Родительство, воспитание и детство», несмотря на значительные объемы трудовой деятельности, которые выполняют женщины, состоящие в браке или партнерстве, их доходы существенно ниже, чем у мужчин. Мужчины гораздо реже попадают в категорию бедных, чем женщины. Наоборот, женщины в основном являются бедными и малообеспеченными. Соответственно, в партнерствах основной вклад в семейный бюджет по-прежнему вносит мужчина, поэтому остается убеждение, что в семье существует единственный кормилец – мужчина (табл. 8).

Таблица 8

Распределение респондентов по уровню индивидуального дохода, %

Размер дохода	мужчины		женщины	
	23–30	33–40	23–30	33–40
Бедные (ниже 10 тыс.)	9	5	34	28
Малообеспеченные (от 10 тыс. до 25 тыс.)	40	28	53	57
Среднеобеспеченные (от 25 тыс. до 40 тыс.)	32	34	9	9
Хорошо обеспеченные (свыше 40 тыс.)	19	33	3	7

Материальное положение современной российской семьи во многом остается трудным, несмотря на стремление супругов/партнеров зарабатывать средства. Особо тяжелое положение складывается в неполных и многодетных семьях, поскольку заработков родителей часто не хватает на нормальное ведение жизнедеятельности.

Распределение трудовых и семейных обязанностей между партнерами

Распределение обязанностей в семье анализировалось на основании нижегородского исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье».

Ответы респондентов выявили, что для мужчин и для женщин в России одинаково важны профессиональные достижения и появление в семье детей. В таблице 9 показана степень значимости профессиональной и семейной сфер жизни для российских граждан.

Таблица 9

Степень значимости профессиональной и семейной сфер, %*

Насколько важно...		не важно	в целом важно	важно
Чего-либо достичь в профессии	мужчины	5	8	88
	женщины	6	20	75
Работать, даже если нет потребности в деньгах	мужчины	23	23	54
	женщины	15	23	62
Иметь детей	мужчины	3	6	91
	женщины	1	9	91

*Степень значимости оценивалась по 10-балльной шкале (0 – «совсем неважно»; 10 – «очень важно»). При обработке были сформированы 3 группы: 0–3 балла; 4–6 баллов; 7–10 баллов.

Профессиональная и семейная сферы становятся конкурирующими, что особенно проблематично в условиях усиления атомизации семьи, отсталости страны в глобальной экономике и хронической необеспеченности граждан, при росте трудностей в поиске работы и сохранении рабочего места, а также неразвитости институционального регулирования рынка труда, занятости населения и маргинальном состоянии сферы государственного обеспечения детей. Поиск баланса между трудовыми и семейными обязанностями в этих условиях – новый вызов для российской семьи.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «Насколько сильно Вы опасаетесь, что дети станут помехой в достижении Ваших профессиональных планов», %

	совсем нет	сложно сказать	очень сильно
Мужчины	87	8	5
Женщины	77	14	9

Как следует из таблицы 10, выбор в пользу семьи может быть обусловлен тем, что мужчины и женщины в России не рассматривают рождение детей в качестве серьезной помехи для реализации своего профессионального потенциала. Хотя чуть меньше четверти (23%) женщин и наполовину меньше мужчин (13%) все же осознают возможные осложнения при совмещении профессиональной деятельности и ухода/заботы о детях. Одновременно женщины, гораздо чаще мужчин, готовы ограничить свои профессиональные амбиции ради воспитания детей (табл. 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос «При рождении ребенка готовы ли Вы себя ограничить в реализации профессиональных планов», %

	вовсе нет	сложно сказать	очень сильно
Мужчины	37	33	30
Женщины	35	21	44

Современная женщина в России гораздо более, чем мужчина, склонна разграничивать сферы профессиональных и домашних обязанностей. Семейные мужчины сильнее ориентированы на занятость и в меньшей

степени озабочены проблемой ограничений в труде при рождении ребенка (на 12% больше неопределившихся мужчин, чем женщин).

Сравнение трудовой нагрузки семейных мужчин и женщин с детьми и без детей свидетельствует о том, что родители перераспределяют обязанности по обеспечению семьи традиционным способом. Женщины, имеющие детей, в большей степени заняты на частичной основе (33% против 11%), а мужчины-отцы в этой жизненной фазе стремятся работать как можно больше (63% против 39%). Одновременно выделяется еще одна группа родителей (26–28%), которые предпочитают равное разделение трудовых обязанностей (оба работают на полную ставку). В бездетных семейных парах больше мужчин, которые работают на частичной основе (17% против 11%), и больше женщин, которые строят карьеру и стремятся заработать материальные средства (57% против 39%) (табл. 12).

Таблица 12

Объемы трудовой нагрузки мужчин и женщин, состоящих в партнерстве, с детьми и без детей, %

Тип занятости	с детьми		без детей	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Ниже стандарта (35 ч. в неделю и меньше)	11	33	17	21
Стандартная занятость (35–40 ч. в неделю)	26	28	25	21
Нестандартная высокая занятость (41 ч. и более в неделю)	63	39	58	57

В некоторых случаях можно выявить постепенное формирование семей, ориентированных на партнерские, демократические, эгалитарные отношения, предполагающие равное распределение обязанностей в домашней неоплачиваемой деятельности, хотя для большинства пар это остается малодостижимым идеалом. Если женщина работает больше времени, мужчина склонен помогать ей в выполнении домашних обязанностей, хотя все-таки львиная их доля с женщины не снимается. Перераспределение домашних обязанностей в условиях сверхвысокой занятости женщины становится наиболее очевидным в случае ухода за детьми: нагрузка на женщину в этом случае сокращается в два раза и более чем в два раза возрастает участие мужчин.

Мужчины, которые работают на полной или частичной основе, не являются партнерами, которые могут полностью взять на себя обязан-

ности по выполнению работы по дому и уходу за детьми. Зато они в большей степени участвуют в покупках, ремонте и решении финансовых вопросов. Непонятно, какой тип семьи возникает при низкой занятости мужчины. Нельзя сказать, что это совсем неблагополучная семья, поскольку мужчины выполняют значительный объем работ по дому (ремонт) и в большей степени, чем женщины, включены в решение финансовых вопросов. Правда если мужчина не работает на полную ставку, женщина больше участвует в покупках и решении финансовых вопросов, чем в условиях полной или сверхвысокой занятости мужчин. Возможно, в этой группе партнерств образуется новый тип семьи с женщиной-кормильцем. Для России образ такой женщины, как правило, связывается с ролью бизнес-вумэн, располагающей значительными материальными средствами, которые могут быть потрачены, в частности, на работу по дому и на уход за детьми с привлечением услуг сторонних (коммерческих) организаций. Возможен и менее благополучный вариант. Женщина берет на себя всю нагрузку и по дому, и вне его, а мужчина, несмотря на низкую трудовую занятость, не торопится включаться в сферу домашних обязанностей. Так, мужчины с невысокой занятостью в меньшей степени вовлечены в рутинную работу по дому, чем более интенсивно работающие мужчины.

Наиболее эгалитарное распределение домашней работы наблюдается в случае стандартной занятости мужчины, за исключением выполнения текущей работы по дому. Если мужчина занят больше, чем позволяет трудовое законодательство, снижается степень эгалитарного распределения обязанностей в семье.

В обеспеченных и малообеспеченных семьях обязанности женщины по дому сильно различаются. При низких доходах женщина имеет повышенные обязательства по выполнению работы по дому и уходу за детьми, но меньше участвует в покупках и в решении финансовых вопросов. Эгалитаризм в распределении таких домашних нагрузок, как работа по дому и уход за детьми, напрямую связан с уровнем материального дохода женщины. В таких семьях растет и прямое участие мужчин в указанных вопросах. Если мужчина вносит большой вклад в бюджет семьи, то равномерное распределение между партнерами «женской» работы едва ли возможно, при этом нагрузки на женщину возрастают.

Приблизительно равная с мужчинами занятость женщин в трудовой сфере и неравное распределение обязанностей в семье, а также наличие экономической зависимости женщины от мужчины-кормильца застав-

ляют женскую половину населения оценивать свой вклад как больший, а ситуацию рассматривать как несправедливую, что может провоцировать конфликтность в семье. Наличие детей у пар заставляет родителей более адекватно оценивать свой вклад, признавать заслуги партнеров, корректировать свое отношение к родственникам и поведение в семье. Возможно, когда появляются дети, в условиях жестких внешних вызовов родители вынуждены становиться более гибкими, мобильными, что сказывается и на качестве отношений внутри семьи. Однако при всех обстоятельствах женщина намного чаще чувствует несправедливость при распределении домашних и трудовых обязанностей и намного реже склонна признавать заслуги партнера. Соответственно, можно заключить, что именно женщина является мотором развития конфликтов во внутрисемейных отношениях (табл. 13).

Таблица 13

Справедливость распределения обязанностей между партнерами с учетом трудовых обязанностей, %

	Мой вклад больше			Справедливо			Мой вклад меньше		
	всего	наличие детей		всего	наличие детей		все-го	наличие детей	
		да	нет		да	нет		да	нет
Мужчины	14	16	11	77	74	81	9	10	8
Женщины	29	25	29	67	66	71	4	5	4

Хотя пока еще сфера распределения домашнего труда не является полем для серьезных семейных баталий, напряженность, конфликтность партнеров усиливаются именно в области распределения семейных и трудовых нагрузок (табл. 14). Характерно, что наиболее низкий балл конфликтности выставляется распределению времени на работу и учебу между партнерами и на решение финансовых вопросов. Такая ситуация может объясняться рациональным отношением партнеров к текущему положению дел, но при этом общая неудовлетворенность жизнью выливается в скандалы и конфликты в так называемых «эмоционально насыщенных сферах», в которых трудно обосновать проблему с рациональной точки зрения.

Таблица 14

Уровень конфликтности и причины конфликтных ситуаций

Причины разногласий	Уровень конфликтности в семье			
	средний балл*	низкий	средний	высокий
Организация свободного времени	2.6	49	28	24
Распределение обязанностей	2.4	59	23	18
Вопросы отношений с партнером (ревность, справедливость, забота)	2.4	57	26	16
Вопросы воспитания детей или обращение с детьми	2.3	60	24	16
Решение финансовых вопросов	2.2	65	21	15
Возможность уделять силы и время работе, учебе для Вас и Вашего партнера	2.2	60	30	10

*Уровень конфликтности оценивался по 5-балльной шкале с учетом частоты возникновения конфликтных ситуаций, где 1 – «почти никогда или никогда» и 5 – «очень часто».

Конфликтность согласуется с преобладающим типом занятости, в некоторых случаях – с уровнем образования партнеров. Чаще конфликтные ситуации встречаются в семьях с нестандартными вариантами занятости (с низкой или высокой загруженностью). Несмотря на это, видимо, социокультурные нормы в России, регулирующие семейные отношения, остаются настолько инертными, что внешние условия (занятость, уровень образования партнеров, доход, наличие детей) мало влияют на ситуацию. Так, основные способы распределения семейных обязанностей меняются незначительно в зависимости от статуса жены, типа ее занятости, дохода, уровня образования мужа, оставляя семейное поведение в рамках традиционных образцов, снижая возможность и способность семьи эффективно выполнять основные функции. В то же время наметилась тенденция к эгалитаризации семейных отношений, которая пока, проявляясь неравномерно, затрагивает только отдельные срезы семейной жизни и периферийные типы партнерства, каковыми, как правило, являются сверхзанятые и бездетные сожительствующие взрослые с высокими доходами.

На уровне семейных ценностей среди российских пар выделяется две группы². «Традиционалисты» считают женщину в первую очередь

матерью и женой, придерживаются правила заключения брака при наличии партнера, рассматривают брачные узы как связь на всю жизнь. «Эгалитаристы» ориентированы на равенство полов в семейной сфере. Мужчины и женщины этой группы склонны более равномерно распределять нагрузки по дому. Это касается как «мужской» (например, ремонт), так «женской» работы.

Поскольку рынок труда в большей степени ориентирован на мужской труд, а семья – на доход мужчины, понятно, почему мужчины в большей степени, чем женщины, поддерживают традиционные нормы деления семейной работы. Поддержка эгалитаризма женщинами выражает их интерес и стремление к равенству шансов внутри и за пределами семейной жизни, которые, увы, пока едва ли поддерживаются государством и обществом в России. Такие женщины стремятся реализоваться во всех сферах: они не отказываются от рождения и воспитания детей, но одновременно желают самореализоваться в профессиональной области. Снижение показателей эгалитаризма у матерей обуславливается, скорее, не столько с пересмотром установок, сколько невозможностью полноценно совместить трудовые и семейные обязанности.

В результате наиболее распространенной в России является модель распределения трудовых и домашних обязанностей, которая в развитых странах характерна для неблагополучных семей. Проживая в таких семьях, женщины вынуждены нести двойную, а то и тройную нагрузку: наряду с работой, выполнять обязанности по уходу за членами семьи и домашнюю работу. При этом доход женщин не позволяет им быть в подавляющем большинстве случаев финансово независимыми от мужчин и наравне участвовать в принятии решений по главным семейным вопросам. Подобное положение российских семей может усиливать неблагополучие на самых разных уровнях семейной системы. В сфере супружеских взаимодействий это чревато ростом напряженности и конфликтности, вероятности разводов. В родительской подсистеме не исключено ощущение ущербности, бедности, которое репродуцируется в детях. Такие родители недостаточно физически и эмоционально вовлечены в жизнь детей, следствием чего может стать дальнейшее распространение детских и подростковых девиаций. Не менее существенной проблемой является индивидуальное развитие самой женщины, ее шансы и жизненные цели, поскольку она оказывается в условиях постоянного, жесткого, иногда безальтернативного выбора между семьей и работой.

Частично можно говорить о существовании в России устаревшего ныне варианта «солидарной модели» с двумя работающими партнерами. Современная модификация этой модели (на Западе) предполагает активное вовлечение мужей/отцов в выполнение домашних обязанностей, что не очень характерно для российской действительности. Кроме того, отсутствие институциональной поддержки и недостаточность ресурсов семейных/родственных связей вообще ставит под угрозу реализацию проекта по развитию солидарных нагузков в семье в нашей стране.

Для обеспечения баланса между работой и семьей в Европейском Союзе внедряется комплекс мероприятий в политике, который объединяет проблемы семьи и занятости. Такой своеобразный политический «микс» в Европе обозначается как «политика, дружелюбно настроенная по отношению к семье». А в России требуются прежде всего элементарные меры по материальной поддержке семей с детьми, а также доведение зарплат трудящихся до достойного уровня, в результате чего семья будет способна сделать осознанный выбор в пользу работы или рождения детей.

Влияние социального ресурса семьи на трудовую деятельность рабочего

В исследовании кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского «Ресурсность рабочих на региональном рынке труда в условиях российской модернизации» (2012–2013 гг.) посредством метода раздаточного анкетирования было опрошено 1600 рабочих трех регионов РФ (Нижегородская, Кировская и Московская области) по восьми сферам хозяйственной деятельности предприятий (обрабатывающая и добывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство, связь, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и обслуживание). Все зависимости являются статистически значимыми. Выявление статистически значимых зависимостей осуществлялось при помощи метода хи-квадрат Пирсона. Исследование показало, что ключевой ценностью современного рабочего является семья (19.2%). За ней следуют ценности здоровья (16.9%), высокого дохода (14.2%), любви (10.6%) и свободы (9.3%). Наличие семьи является одним из наиболее значимых социальных ресурсов личности. Семья выполняет экономическую, хозяйственно-бытовую функцию, социализирует индивида, создает фон социальной и эмоциональной защиты, регулирует сексуальные отношения. Однако возникает вопрос, являются ли «семейные» люди более высококачественными и успешными в трудовой деятельности или они более склонны к стабильности, что не всегда становится дополнительным преимуществом при гибкости и изменчивости современного рынка труда.

Попробуем ответить на эти вопросы на примере социальной группы рабочих, составляющей 40.3% [11] в структуре занятого населения РФ.

Семья имеет для рабочих первоочередное значение. Каждый второй рабочий обозначает свое семейное положение как «замужняя / женатый» (56.3%). Каждый десятый живет в незарегистрированном браке (10.3%). Около 33.4% не имеют семьи (из них 10.2% разведены, 4.2% вдовы и вдовцы), 19% определяют свое семейное положение как «холостой / незамужняя». В 65.6% случаев рабочие имеют детей (из них 44.5% – одного, 48.6% – двух, 5.5% – трех, 1.5% – более трех), у 31.4% детей нет. Женщины чаще (91% – замужние и 27.9% – незамужние), чем мужчины (88.4% – женатые и 1.9% – холостые), заявляют, что у них есть дети.

Оценивая семью как значимую группу, рабочие выходят за рамки понимания семьи только как союза между мужчиной и женщиной с детьми или без них. В большинстве своем они говорят о кровнородственной семье, к которой можно обратиться за помощью в случае возникновения трудной жизненной ситуации. Ответы респондентов относительно того, как часто они обращаются к кровнородственной семье за материальной помощью, распределились следующим образом: 9.5% рабочих считают, что делают это достаточно часто; 36.1% прибегают к помощи семьи в крайних случаях; о том, что «не было такой необходимости» заявляют 36.1%; примерно 12.6% считают, что семья не может оказать им материальную помощь.

Имеющие и не имеющие семью рабочие демонстрируют значительные различия по целому ряду показателей, начиная с социально-демографических характеристик и заканчивая показателями, связанными с социально-трудовой деятельностью: уровень образования и квалификации, их соответствие выполняемой работе, экономическая активность и заработная плата, ценность труда и многое другое. Определяя свое семейное положение, мужчины чаще указывают вариант «холостой» (21.9%), чем женщины – вариант «не замужем» (14.7%). Состоящими в браке, согласно нашей выборке, оказались 59,9% мужчин и 50% женщин. Среди женщин больше разведенных (14.9% – женщины и 7.3% – мужчины) и вдов (9.1% – женщины и 1.1% – мужчины). С возрастом увеличивается количество состоящих в браке, разведенных, вдовцов и снижается количество холостых (незамужних) и проживающих в незарегистрированном браке.

Современные рабочие имеют достаточно высокий уровень профессионального образования. Высшее образование, согласно данным ис-

следования, имеют 16.6%; 22.8% окончили среднее профессиональное учебное заведение; 28% – техническое училище. Наблюдается устойчивый повышательный тренд количества обладателей дипломов вузов среди рабочих. Однако большинство регионов не может предоставить достаточного количества рабочих мест для людей с высшим образованием. Получившие диплом вуза (как, впрочем, и ссуза) вынуждены работать в профессиях, не соответствующих их уровню образования и специальности по диплому.

По специальности чаще работают состоящие (47.6%) и не состоящие в браке (50%) рабочие (35.5% – незарегистрированный брак, 33.1% – разведенные, 39.6% – овдовевшие). Первые, вероятно, ввиду того, что предпочитают большую стабильность при выборе профессии, вторые – в силу большей молодости и недавнего окончания высшего учебного заведения (их специальность еще не устарела). Данная причина коррелирует с тем, что холостые / незамужние рабочие чаще заканчивают гимназии и школы с углубленным изучением профильных предметов, ставшие популярными в последнее время, нежели общеобразовательные школы. Большее соответствие уровня образования выполняемой работе чаще прослеживается среди состоящих в браке (72.2%) и разведенных (71.4%) рабочих; реже оно наблюдается у рабочих, проживающих в незарегистрированном браке (64.5%), холостых и незамужних (62.7%) и овдовевших (58.3%). Образование по уровню выше, чем того требует работа, – у холостых и незамужних, ниже – у овдовевших.

Одним из показателей ресурсности человека в условиях гибкой современной экономики являются его возможности для профессиональной мобильности и желание постоянного обучения и переквалификации в соответствии с запросами рынка труда. В большей степени готовы к продолжению обучения не состоящие и живущие в незарегистрированном браке рабочие. Первые планируют продолжить свое образование в вузе в течение последующих 3-х лет в 17.9% случаев, вторые – в 13.5%. Планируют учиться лишь 7.1% женатых / замужних, 7.2% разведенных и 2.6% овдовевших. Уже учатся в данном типе учебных заведений 19% холостых (незамужних) и только 6.7% проживающих в незарегистрированном браке, 1.6% женатых / замужних и 1% разведенных. Подобные показатели касаются и других типов учебных заведений, в том числе и средних профессиональных учреждений и курсов переподготовки и переквалификации.

Что касается гендерных различий, то учатся в данное время на профессиональных курсах в большей степени мужчины (12.5% – холостые и 4.1% – женатые), чем женщины (0.5% – замужние, 0.1% – незамуж-

ние). Замужние женщины в несколько большей степени планируют учиться на профессиональных курсах (14.2%), чем женатые мужчины (10.7%). Не состоящие в браке мужчины и женщины в одинаковой степени готовы к обучению на профессиональных курсах (20% – мужчины и 19.3% – женщины), чего нельзя сказать об их разнице в ответах о том, что они не планируют продолжать обучение. Незамужние женщины (67.5%) значительно чаще, чем мужчины (80.7%) говорят, что не планируют продолжение обучения на профессиональных курсах. Примерно такая же ситуация обстоит с обучением в вузе. Холостых мужчин, которые учатся или планируют продолжить образование в вузе (21.3% – учатся, 20.5% – планируют учиться), значительно больше, чем незамужних женщин (14% – учатся, 12.3% – планируют учиться); их также больше среди состоящих в браке (мужчины в 1.4% учатся, 8.3% планируют учиться; женщины в 1.9% учатся и 5.3% планируют учиться). Вероятно, это связано с тем, что женщины уже имеют более высокий уровень образования, чем мужчины. Высшее профессиональное образование имеет 18.1% женщин (среди мужчин таких 15.5%), среднее профессиональное образование – 26.5% (среди мужчин – 22.9%). При этом часто они выполняют работы по уровню квалификации ниже, чем мужчины, поэтому не видят необходимости в дальнейшем продолжении образования.

Если сравнить разряды по профессиям, то чем ниже разряд, тем большее количество женщин занято на этих работах. Первый разряд имеет 9.2% женщин и 3.3% мужчин, второй – 10.5% женщин и 4.7% мужчин, третий – 21% женщин и 14.8% мужчин, четвертый 37% женщин и 29.6% мужчин. Обладателями более высоких разрядов, как правило, становятся мужчины. Пятый разряд имеют 23.6% мужчин и 16% женщин, шестой 14.6% мужчин и 3.8% женщин, седьмой 4.1% мужчин и 1.3% женщин. Статистически значимой зависимости разрядов между состоящими и не состоящими в браке нет.

Что касается образования, то можно по-разному относиться к причислению его к сфере социально-трудовых отношений. С одной стороны, скептики всё чаще заявляют о недопустимости подобного включения в силу того, что современное образование является лишь одной из предпосылок социальных действий, способствующих передвижению индивида внутри стратификационной системы, но само по себе оно не может гарантировать повышения социальной позиции индивида. С другой стороны, нельзя полностью нивелировать роль образования в случае с рабочими, так как именно его уровень часто становится решающим фактором при выборе профессии в качестве вероятностной профессиональной жизненной стратегии. Исследование не выявило статистически значимых различий в уровне профессионального образования у жена-

тых и холостых рабочих, однако ресурсным преимуществом рабочих, имеющих семью, является большее соответствие уровня образования выполняемой работе. Преимущество не имеющих семьи рабочих – желание к обучению, переквалификации и образовательной мобильности.

«Кадровый голод» на предприятиях породил достаточное количество возможностей для профессиональной мобильности. В то же время рабочие не всегда уверены, что смогут найти новое место работы. К возможности смены места работы в случае необходимости в большей степени готовы холостые / незамужние рабочие. О том, что ему легко было бы сейчас найти новое место работы, заявляет каждый второй не состоящий в браке (42.1%); при этом так же считает лишь каждый четвертый состоящий в браке (23.4%), каждый шестой разведенный (17.7%) и каждый восьмой овдовевший (12%). Чаще пессимистично относятся к возможности легкой смены работы женщины, особенно замужние. О том, что найти новое место работы будет трудно, говорят 42.7% замужних и 27.9% незамужних женщин (30% женатых и 14.6% холостых мужчин).

Одной из причин низкой профессиональной мобильности является нежелание рабочих менять место жительства ради улучшения возможностей трудоустройства. А так как в условиях областных моногородов предприятие часто становится единственным источником заработка, рабочие предпочитают размен квалификации на условие занятости. Для состоящих в браке рабочих, особенно для имеющих детей и кровнородственную семью, смена места жительства оказывается достаточно сложным решением. Они чаще отвечают, что согласились бы на ухудшение условий труда ради сохранения рабочего места. Не согласились бы на ухудшение условий труда 80.7% холостых / незамужних, 72.8% состоящих в незарегистрированном браке, 65.9% женатых / замужних, 65% разведенных и 59.2% овдовевших. Уже работают в худших условиях труда лишь 13.6% не состоящих в браке – против 25.4% состоящих в браке, 25.8% разведенных и 23.2% овдовевших. На дальнейший рост служебной карьеры в большей степени рассчитывают не состоящие в браке (35.2%) и живущие в незарегистрированном браке (20.5%), в меньшей степени – состоящие в браке (13.1%), разведенные (10.8%) и овдовевшие (2%).

Важнейшей характеристикой современного рынка труда являются возможность и желание инновационного развития, стремление к освоению нового. Ускорение темпов развития экономики, появление наукоемкого производства требуют и нового типа работника с инновацион-

ным мышлением, владеющего навыками освоения крупного автоматизированного производства и высоких технологий. Согласно субъективным оценкам, и не состоящие (39.2%), и состоящие в браке (34.3%) рабочие относят себя к «модернистам», приветствующим нововведения и готовым идти на риск ради дела. Менее склонны к риску рабочие, проживающие в незарегистрированном браке (26.2%), и овдовевшие (17.6%). Высокий процент стремящихся к инновациям рабочих можно объяснить, как нам кажется, недостаточностью инновационных решений и модернизации производства на современных российских предприятиях, особенно региональных. Желание хотя бы как-то изменить ситуацию у рабочих выражается в положительном отношении к большинству нововведений. Гендерные различия проявляются в большей поддержке нововведений со стороны незамужних женщин (41.8%), холостых мужчин (38%) и женатых мужчин (37.4%). Более осмотрительны в отношении нововведений замужние женщины (29.7%).

Не состоящие в браке рабочие значительно чаще владеют необходимыми в рамках информационного общества навыками. В совершенстве владеют навыками самостоятельного освоения информационных продуктов холостые мужчины (22.4%); в меньшей степени – женатые мужчины (9.9%), незамужние (8.2%) и замужние (5.3%) женщины. В совершенстве владеют навыками поиска необходимой информации не состоящие в браке женщины (26.7%) и мужчины (24%); в значительно меньшей степени – состоящие в браке женщины (11%) и мужчины (13.7%). Несмотря на то что и те, и другие склонны к риску, разница заключается в оправданности риска. В среде холостых / незамужних рабочих риск часто является неоправданным, иногда близким к авантюризму. Отвечая на вопрос «В каком виде оформлены ваши взаимоотношения с работодателем?», о постоянной работе с оформлением в трудовой книжке говорят 80.8% состоящих в браке и 70.6% – не состоящих в браке. Чаще позволяют себе работу на основе устных взаимных договоренностей с работодателем и в качестве основного источника доходов называют разовые приработки 8.9% не состоящих в браке и 2.9% состоящих в браке.

Размер доходов современных рабочих позволяет определять их как группу, находящуюся либо чуть выше уровня бедности, либо в его пределах. Пользуясь делением современного общества, которое предложено М.К. Горшковым, большинство рабочих следует отнести к категориям «бедных» или «нуждающихся граждан» [12, с. 32], поэтому достаточно сложно говорить о какой бы то ни было классификации по экономическому критерию. Однако разница в характере и размере дохода у

состоящих и не состоящих в браке рабочих прослеживается достаточно отчетливо. Не удовлетворены своим материальным положением 77.3% проживающих в незарегистрированном браке, 74.5% овдовевших, 71.3% разведенных, 69% женатых / замужних. Среди холостых / незамужних рабочих таких значительно меньше, хотя их количество все равно достаточно высоко (57%). О том, что их материальное положение за последние три года улучшилось, говорят 50% холостых / незамужних, 37.9% разведенных и 38.5% состоящих в браке. Наибольший процент рабочих, чье материальное положение ухудшилось в последние годы, наблюдается в среде разведенных (20.2%) и овдовевших (17.6%). Среди холостых / незамужних этот процент равен 5%, среди сожителей – 8.2%, среди женатых / замужних – 14.6%.

Однако субъективная оценка удовлетворенности материальным положением у холостых / незамужних рабочих часто не совпадает с реальным положением дел. Несмотря на большую удовлетворенность своим материальным положением, они обладают куда более скромными показателями в области экономического ресурса, например, в части наличия собственности и жилищных условий, по сравнению с имеющими семью рабочими. Они значительно чаще снимают жилье, чем имеют его в собственности (25.7% – не состоящих в браке и 8.7% – состоящих в браке), реже владеют отдельной многокомнатной квартирой (36.5% – не состоящих в браке и 53% – состоящих в браке) или отдельным домом (6.3% – не состоящих в браке и 13.1% – состоящих в браке).

Последним блоком, к которому нам бы хотелось обратиться, являются личностные качества и самоидентификация с профессией рабочего, что является чрезвычайно важным в условиях снижения престижа рабочих специальностей при переходе к информационному обществу. Как показало исследование, состоящие в браке рабочие являются более дисциплинированными и ответственными в трудовой деятельности по сравнению с холостыми. Они чаще выбирают вариант «всегда» по следующим позициям: «работаю с полной отдачей, в полной мере использую свою компетенцию, опыт и полномочия» (76.3% – среди состоящих в браке, 62.1% – среди не состоящих в браке); «дисциплинированность в работе – одно из главных моих качеств» (74.6% – среди состоящих в браке, 59.6% – среди не состоящих в браке); «внимательно отношусь к мнению коллег, учитываю его при решении производственных вопросов» (63.7% – среди состоящих в браке, 52.3% – среди не состоящих в браке); «предпочитаю работать в команде, в атмосфере сплоченности и взаимопомощи» (78.2% – среди состоящих в браке, 65.8% – среди не состоящих в браке). Последняя характеристика

обнаруживает статистически значимые различия по гендерному признаку. В большей степени предпочитают командную работу замужние женщины (86%), за ними следуют женатые мужчины (74%) и незамужние женщины (70.8%). В меньшей степени стремятся работать в команде холостые мужчины (63.9%).

Что касается самоидентификации с профессией, то чаще говорят о её временности холостые / незамужние. Хочет сменить свою профессию каждый четвертый не имеющий семью (24.7%) и только каждый восьмой имеющий семью (12.4%). Считает свою профессию временным этапом в профессиональной жизненной стратегии каждый третий не имеющий (32.3%) и каждый шестой имеющий (16.1%) семью. Солидарны и первые (72.4%), и вторые (71.6%) в том, что они не хотели бы, чтобы дети продолжили то, чем они занимаются. Наиболее критично к этому вопросу подходят замужние женщины, имеющие детей, 82.2% из которых никогда не желали бы детям такой судьбы (среди женатых мужчин так считают 66%).

Можно сделать вывод, что рабочие, которые имеют семью, являются более дисциплинированными, ответственными, тяготеют к стабильности, в том числе экономической. Их можно назвать рабочими индустриального типа. Не имеющие семьи рабочие более склонны к профессиональной мобильности, готовы к обучению, к попыткам улучшения своего материального положения, к инновационному мышлению. Их можно назвать рабочими модернистского типа. Однако их основная проблема заключается в том, что они считают профессию рабочего лишь временным этапом в профессиональной жизненной стратегии, поэтому не могут стать опорой происходящих в стране модернизационных процессов.

Помимо перечисленных выше, различия между этими типами рабочих проявляются и в доступе к управлению предприятием, и в особенностях ценностных ориентаций, и в отношении к труду как основополагающей ценности, и в уровне здоровья, наличии вредных привычек. Дальнейшее рассмотрение этой темы может оказаться полезным при решении проблем современных рабочих и построении прогнозных сценариев определения рабочих в качестве акторов модернизации.

Примечания

1. Социологическое исследование выполнено кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства образования и науки

РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» в 2013 г. Руководитель проекта – З.М. Саралиева.

2. Факторному анализу был подвергнут вопрос, касающийся представлений о семье и семейной жизни. Всего опрошиваемым было предложено 7 суждений. Полученные факторы объясняют 47% дисперсии, КМО – 0.67.

Список литературы

1. Сизова И.Л. Проблема уязвимости в социально-трудовых отношениях // Гуманитарии в XXI веке / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. В 2 т. Т. 2. Н. Новгород: НИСОЦ, 2013. С. 193–198.

2. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Философско-литературный журнал «ЛОГОС». 2007. № 4 (61). – URL: <http://www.lawfirm.ru/article/index.php?id=292> (дата обращения 17.12.2014).

3. Сизова И.Л. Уязвимые группы на современном рынке труда / Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России: сб. научн. ст. / ред. кол.: В.А. Ядов и др. Самара, 2013. С. 194–212.

4. Сизова И.Л. «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. № 1 (60). С. 86–102.

5. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. Пер. с фр. СПб., 2009. С. 480–481.

6. Сизова И.Л. Ищущие работу женщины на российском рынке труда // Женщина в российском обществе. Ивановский государственный университет, 2013. 2 (67). С. 41–48.

7. Чернова Ж.В. Гендерный анализ семейной политики в современной России: особенности и тенденции. Автореферат дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2013. С. 11.

8. ФСГС. Социальное положение и уровень жизни населения России (авторские расчеты). URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 1.02.2014).

9. ФСГС. Численность занятых, безработных и прочих членов семей в России – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_69/Main.htm (дата обращения 01.02.2014).

10. ФСГС. Семья, материнство и детство. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения 01.02.2014).

11. ФСГС. Срочная информация по актуальным вопросам: табл. 2.41. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_3/Main.htm (дата обращения: 06.10.2013).

12. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Рассматриваются меры государственной социальной поддержки семей с детьми. Особое внимание уделяется современным тенденциям в работе с семьями, имеющими детей, в учреждениях социального обслуживания государственной системы социальной защиты населения России.

Ключевые слова: семья, дети, государственная поддержка семей с детьми, социальные услуги семьям с детьми.

Современные российские семьи с детьми сталкиваются с различными трудностями, имеющими как внешние, так и внутренние причины. В их разрешении они могут рассчитывать не только на свои силы и ресурсы ближайшего окружения, но и на содействие со стороны государственного, частного и некоммерческого секторов.

На государственном уровне разрабатываются и принимаются политические, программные, нормативные правовые документы, определяющие сущность и содержание семейной политики в Российской Федерации. Среди основополагающих документов выделим следующие:

- Конституция Российской Федерации [1];
- Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» [2];
- Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3];
- Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [4];
- Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [5];
- «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ [6];
- Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7].

В августе 2014 г. была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. Согласно дан-

ному документу, «приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи» [8].

В субъектах РФ разрабатываются и действуют региональные концепции семейной политики. Изучение их содержания позволяет зафиксировать имеющуюся специфику. Так, в Концепции семейной политики Нижегородской области (2003 г.) прослеживается ориентир государственной власти на «успешную семью» [9]. В концепциях семейной политики ряда других регионов – на «благополучную семью». Например, в концепции семейной политики г. Санкт-Петербурга содержится «модель благополучия семьи», предназначенная для «разработки критериев для оценки эффективности реализации Концепции, социальных программ и проектов городского, муниципального и общественного уровня» [10]. В концепции семейной политики Саратовской области «в качестве исходного ориентира для модели семьи принят тип благополучной семьи» [11], очерчены составляющие модели благополучной семьи. В концепции государственной семейной политики Магаданской области [12] также представлена модель благополучной семьи. В концепциях всех трех регионов содержатся показатели благополучия семьи как социального института.

Широко используемый сегодня в государственном управлении программно-целевой подход применяется и в решении проблем семьи. Так, например, Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 296 утверждена государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан», включающая следующие подпрограммы: 1) «Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан»; 2) «Модернизация и развитие социального обслуживания населения»; 3) «Совершенствование социальной поддержки семьи и детей»; 4) «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [13]. Как видно, подпрограмма 3 непосредственно связана с социальной поддержкой семьи. Подобный подход применяется не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Поскольку в фокусе особого внимания государства находятся дети, следует выделить следующие семьи, имеющие право на государственную поддержку:

- семья, планирующая рождение ребенка (детей) или желающая взять на воспитание (в том числе усыновление/удочерение);
 - семья, ожидающая рождения ребенка (детей);
 - семья с несовершеннолетним ребенком (детьми);
 - распавшаяся семья с несовершеннолетним ребенком (детьми).
- Дифференциация семей при определении направлений и мер государственной поддержки возможна также по следующим критериям:
- наличие или отсутствие детей, в том числе принятых на воспитание;
 - состав семьи;
 - доход семьи;
 - возраст родителей и детей;
 - здоровье членов семьи;
 - занятость (включая особые виды и условия профессиональной деятельности) и безработица родителей;
 - отсутствие жилья, условия проживания семьи;
 - отношения в семье (конфликтные отношения, насилие, пред- и послеразводная ситуация);
 - исполнение обязанностей по воспитанию, заботе о детях и их развитию;
 - экстремальные ситуации (стихийные бедствия, войны и др.).

Указанные критерии используются при определении прав семьи на различного рода пособия, пенсии, компенсации, субсидии, льготы, услуги, включая натуральную помощь. При этом важно учитывать федеральный, региональный, местный уровни поддержки. Регионализация социальной защиты населения обуславливает различия в перечне, размерах, условиях и порядке назначения мер содействия семье в решении ее жизненных вопросов в том или ином субъекте РФ.

Особый интерес представляют современные направления, формы, виды и технологии работы с семьей в учреждениях социального обслуживания государственной системы социальной защиты населения.

Можно наблюдать следующие тенденции в данной сфере.

1. От индивидуальной (обособленной) помощи ребенку к ориентации на связанную работу со всеми членами семьи.

Среди социальных услуг детям, содержащих предложение индивидуальной помощи, могут быть, например, обучение навыкам самооб-

служивания, содействие в профессиональной ориентации, индивидуальная работа, направленная на предупреждение появления вредных привычек и избавление от них, проведение мероприятий, направленных на снятие стрессового состояния, вызванного сложившейся жизненной ситуацией [14].

Однако работы, сосредоточенной лишь на самом ребенке, недостаточно. Так, например, положительные результаты, достигнутые при реализации индивидуальной программы реабилитации ребенка в реабилитационном центре для детей и подростков с ограниченными возможностями, при возврате его в неподготовленную семью могут быть не только не увеличены, но и утрачены. Важно привлекать к делу и родителей, а также других членов семьи.

Родителям могут предоставляться такие социальные услуги, как индивидуальная работа, направленная на избавление от того или иного вида зависимости, содействие в трудоустройстве, коррекция неадекватных родительских установок и форм поведения, консультации по вопросам отношений между родителями и детьми, особенностям возрастного и индивидуального развития детей [15].

Социальными службами осуществляется индивидуальная и групповая поддержка как матерей, так и отцов.

Формирование родительской компетентности и поддержка в трудной жизненной ситуации чаще всего осуществляются при работе с матерями. Сегодня эта работа отличается многообразием вариантов помощи.

Услуги отцам в фокусе особого внимания государственных социальных служб находятся, пожалуй, с начала функционирования Алтайского краевого кризисного центра для мужчин, которому в 2002 г. был присвоен статус Федеральной экспериментальной площадки Министерства труда и социального развития РФ, а в 2006 г. – статус опорно-экспериментального учреждения социальной сферы [16]. Сегодня в учреждениях социального обслуживания населения и других регионов России внедряются различные элементы работы с отцами.

Ведется работа с супружескими парами, имеющими детей. Например, Оленегорский комплексный центр социального обслуживания населения Мурманской области предлагает выездной двухдневный социально-психологический тренинг «Родительские выходные» для супружеских пар, воспитывающих детей с ограниченными возможностями, направленный на формирование гармоничных супружеских отношений [17, с. 379–385].

Имеют место и программы, где работа ведется в паре «родитель – ребенок». В нескольких регионах России получила распространение программа «Зрелое Родительство» («Mellow Parenting»), созданная в Великобритании для помощи семьям, имеющим серьезные трудности в воспитании детей раннего возраста. «Зрелое Родительство» представляет собой совокупность программ, которые подразделяются на дорожные программы для будущих мам и пап («Mellow Bumps» и «Mellow Dads-to-be»); программы с акцентом на гендерной специфике родительства: «Зрелое Материнство» («Mellow Mums») и «Зрелое Отцовство» («Mellow Dads»), а также программы, разработанные с акцентом на возрастных особенностях детей: «Mellow Babies» и «Mellow Toddlers/Children». Программы улучшают взаимодействие матери и ребенка; исправляют проблемы поведения ребенка; повышают благополучие матери, а также ее эффективность и уверенность при выполнении родительских обязанностей. Таким образом, сочетается оказание помощи родителям в преодолении их психологических проблем и работа, направленная на развитие и улучшение взаимодействия между родителем и ребенком. Программа «Mellow Parenting» включает пять основных элементов: личностная группа; детская группа; совместный обед и серия запланированных мероприятий совместной деятельности родителей и детей; работа с видеоматериалами; выполнение домашнего задания [18].

2. Ориентация на более раннее выявление трудностей и проблем семьи и работу с ними [19].

Данная тенденция реализуется при оказании социальных услуг разным типам семей с детьми, и в частности семьям, воспитывающим детей-инвалидов, а также родителям, не выполняющим надлежащим образом свои обязанности по воспитанию, обучению и содержанию детей.

Например, распространяется технология раннего вмешательства, используемая при оказании помощи семьям с детьми раннего возраста, имеющими риск отставания или нарушения в развитии. Команда специалистов разного профиля предоставляет комплекс услуг в первые годы жизни ребенка.

Помимо учреждений здравоохранения, образовательных учреждений и некоммерческих организаций данную технологию работы внедряют и учреждения социального обслуживания государственной системы социальной защиты населения. Среди них, например, МБУ «Городской реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Радуга» (г. Красноярск) [20]; ГБУ Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Ап-

рель» в городском округе «город Казань»; ГБУ «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Невского района» (г. Санкт-Петербург) [21] и другие.

С целью ранней профилактики семейного неблагополучия и социального сиротства также разрабатываются и апробируются новые направления деятельности и виды мер.

3. Активизация участия семьи в решении собственных проблем.

«Основной целью активизации является наделение объектов воздействия полномочиями, властью, уверенностью в своих силах, способностью отстаивать свое право самостоятельно определять и решать свои проблемы с использованием имеющихся личностных и социальных ресурсов и в целом – контролировать свою жизнь» [22, с. 212].

Среди методов работы, активизирующих семью и ее социальное окружение на решение проблем, можно назвать «Сеть социальных контактов».

«Сеть – это система или структура связей между объектами... которая имеет определенное значение для тех, кто в нее включен. ...Цель работы – поиск формальных и неформальных социальных сетей, их расширение и использование для поддержки клиента» [23, с. 182].

Сначала специалист с клиентом составляют карту социальных связей, позволяющую определить состав сети и характер взаимоотношений между ее участниками (заполняются секторы «Семья», «Родственники», «Друзья/соседи/организации», «Работа/школа», «Специалисты» и указываются связи между ними). Анализ социальной сети дает возможность оценить потенциальные источники социальной поддержки семьи.

Затем специалисты приглашают на сетевую встречу, помимо семьи, всех, кто имеет отношение к проблеме: как ближайшее окружение семьи, так и представителей различных инстанций (образование, здравоохранение, социальная защита), мобилизуя, тем самым, различные ресурсы. При этом соблюдается баланс сил. На сетевой встрече, проводимой командой специалистов, в которую входят ведущие встречи и группа рефлексии, проблема обсуждается. В итоге собравшиеся разрабатывают конкретные шаги по преодолению сложившейся ситуации и берут на себя ответственность за их реализацию.

В качестве еще одного метода работы, способствующего самостоятельному и ответственному принятию семьей решения и внедряющегося в деятельность государственных социальных служб, можно назвать медиацию.

Отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе спорам, возникающим из семейных правоотношений, регулируются Федеральным законом РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [24].

Согласно данному закону, процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения ([24], статья 2).

Медиация осуществляется на основе следующих принципов: добровольность; конфиденциальность; сотрудничество и равноправие сторон; беспристрастность и независимость медиатора ([24], статья 3).

Существуют различные классификации фаз медиации. Согласно одной из них, процедура медиации протекает следующим образом:

- 1) вступительное слово медиатора и заявления сторон;
- 2) формулирование вопросов, формирование повестки дня;
- 3) работа над конфликтом;
- 4) разработка и оценка вариантов;
- 5) заключение медиативного соглашения.

«Семейная медиация – это процесс, в котором независимое третье лицо помогает участникам семейного конфликта (в частности, парам на грани расставания или развода) улучшить взаимодействие друг с другом и принимать приемлемые для обеих сторон осознанные решения по некоторым или всем вопросам, связанным с расставанием, разводом, детьми, а также по финансовым или имущественным вопросам (U.K. College of Family Mediators, Code of Practice, 1995)» [25, с. 18].

Применение семейной медиации, согласно мнениям специалистов, возможно в следующих случаях:

- развод или расставание супругов;
- решение споров между родителями и детьми;
- решение проблем усыновления или удочерения и адаптации приемных детей в семье;
- решение вопросов по уходу за пожилыми родителями или другими зависимыми родственниками;
- споры о наследовании;
- урегулирование вопросов, связанных с международным перемещением «спорных» детей (трансграничная медиация).

Существуют и ограничения в применении медиации. «Следующие ситуации в большинстве случаев нужно расценивать как свидетельствующие о том, что медиация скорее всего или точно неуместна:

- домашнее насилие (его определенные виды и история);
- допущение возможности или предположение о насилии над детьми;
- подавление, угрозы, слишком сильный дисбаланс сил;
- умственные расстройства;
- умственная неполноценность;
- злоупотребление алкоголем или наркотиками, не позволяющее принимать осмысленные решения;
- доказательство обмана (например, ложная информация);
- отказ или неспособность принять основополагающие правила медиации» [25, с. 108].

В июле 2014 г. утверждена Концепция развития до 2017 г. сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность [26]. Согласно Концепции, сеть служб медиации включает в себя службы медиации на федеральном, региональном и местном уровнях. В качестве приоритетного варианта указано создание региональных служб медиации в качестве структурных подразделений уже существующих государственных организаций субъектов Российской Федерации (например, центра социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, института повышения квалификации педагогических работников).

4. Развитие надомного и полустационарного обслуживания семьи.

В качестве примера предоставления социальных услуг на дому можно привести услуги семьям, имеющим детей с ограниченными возможностями, связанные с обучением реабилитации детей в домашних условиях, в частности, в рамках деятельности служб домашнего визитирования (в их работе используется шведская технология CBR (Community-based rehabilitation) – «Обучение в обществе для людей с физическими и умственными нарушениями»). Задачи домашнего визитирования:

- оказание квалифицированной социально-педагогической и социально-психологической помощи ребенку в привычных для него домашних условиях;

– обучение родителей приемам ухода за ребенком и методическим приемам его развития;

– включение родителей в процесс реабилитации ребенка [27].

Технология службы домашнего визитирования активно внедряется в социальных службах Республики Татарстан.

Активно развивается и полустационарное социальное обслуживание различных категорий семей с детьми.

5. Закрепление обязательств по преодолению возникших проблем как со стороны организации, предоставляющей социальные услуги, так и со стороны клиента.

Распространяется контрактный подход при предоставлении услуг семье. Контракт является основой для организации взаимодействий. В структуре контракта, как правило, указываются предмет и цели работы, информация о том, кто и за что несет ответственность, конкретные виды вмешательства или методы работы, которые будут использоваться, временные рамки совместной деятельности, а также то, что будет считаться нарушением контракта и какие меры за этим последуют.

Внедрение подобной практики на уровне отдельных регионов, а затем и на федеральном уровне можно изучать на примере оказания государственной социальной помощи малоимущим. В настоящее время в федеральном законе Российской Федерации «О государственной социальной помощи» используется понятие «социальный контракт», означающее «соглашение, которое заключено между гражданином и органом социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания гражданина и в соответствии с которым орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, гражданин – реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации. Программа социальной адаптации – это разработанные органом социальной защиты населения совместно с гражданином мероприятия, которые направлены на преодоление им трудной жизненной ситуации, определенной в соответствии с законодательством Российской Федерации, и включают в себя виды, объем и порядок реализации этих мероприятий» ([28], статья 1). К таким мероприятиям, в частности, относятся:

- 1) поиск работы;
- 2) прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования;
- 3) осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности;
- 4) ведение личного подсобного хозяйства;

5) осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации ([27], статья 8.1).

Согласно статье 10 ФЗ РФ «О государственной социальной помощи», орган социальной защиты населения в одностороннем порядке может прекратить оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта в случае невыполнения ее получателями мероприятий, предусмотренных программой социальной адаптации [28].

6. Развитие механизмов обеспечения доступности социальных услуг семье.

Для преодоления географических, транспортных, физических, временных, материальных, информационных барьеров при получении семьями с детьми социальных услуг предпринимаются различные организационные действия, и в частности вводится участковый принцип работы социальных служб, осуществляется работа мобильных бригад, социального такси.

Так, например, в Нижегородской области для посещения социально значимых объектов отдельным категориям граждан предоставляется специализированная транспортная услуга службой «Социальное такси». Среди тех, кто имеет право пользоваться данной услугой, в том числе, дети-инвалиды.

7. Совершенствование межведомственного подхода, привлечение новых партнеров к работе с семьей.

Для оказания социальной поддержки семьям с детьми на государственном уровне предпринимаются меры по установлению и укреплению межведомственных связей, налаживается взаимодействие с некоммерческими организациями, бизнесом, церковью, волонтерами.

Например, среди исполнителей региональной программы Нижегородской области «Мы – как все», рассчитанной на детей-инвалидов и их семьи, есть не только органы исполнительной власти (министерство социальной политики Нижегородской области, министерство культуры Нижегородской области, министерство спорта и молодежной политики Нижегородской области) и подведомственные им учреждения, но и общественные объединения и организации (Нижегородская региональная общественная организация поддержки детей и молодежи «Верас» и другие).

8. Новые требования к специалистам, работающим с семьей и детьми.

К числу современных изменений в сфере труда работников государственных учреждений социального обслуживания можно отнести вве-

дение профессиональных стандартов и совершенствование системы оплаты труда, ориентированной на достижение конкретных показателей качества и количества оказываемых государственных услуг.

Профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности ([29], статья 195.1).

В Национальный реестр профессиональных стандартов внесены:

– Профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22 октября 2013 г. № 571н) [30];

– Профессиональный стандарт «Психолог в социальной сфере» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 682н) [31];

– Профессиональный стандарт «Специалист по работе с семьей» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 683н) [32];

– Профессиональный стандарт «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 681н) [33];

– Профессиональный стандарт «Руководитель организации социального обслуживания» (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 678н) [34].

Совершенствование системы оплаты труда работников государственных учреждений социального обслуживания осуществляется в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [35], распоряжением Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р «О программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг.» [36] и приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 29 декабря 2012 г. № 650 «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013–2018 гг.)» [37].

Особенно следует отметить переход к системе «эффективного контракта». «Эффективный контракт – это трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельно-

сти для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки. Изменение порядка оплаты труда является изменением условий, определенных сторонами трудового договора, и осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации» [36] (то есть происходит изменение определенных сторонами условий трудового договора).

Итак, государство является субъектом социальной поддержки семей с детьми, который законодательно закрепляет, обеспечивает, контролирует реализацию и защищает права семей на различного рода пособия, пенсии, компенсации, субсидии, льготы, услуги. Сегодня можно наблюдать развитие в направлениях, формах, видах и технологиях работы с семьей в учреждениях социального обслуживания государственной системы социальной защиты. Оно сопровождается изменениями требований к работникам данных служб.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения 01.08.2014 г.).
2. Указ Президента РФ от 14.05.1996. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» // Правовой сайт «Консультант плюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=255452> (дата обращения 01.08.2014).
3. Указ Президента РФ от 09.10.2007. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/191961/> (дата обращения 01.08.2014).
4. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения 01.08.2014).
5. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/194365/> (дата обращения 01.08.2014).
6. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995. № 223-ФЗ // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/10105807/> (дата обращения 01.08.2014).
7. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Информационно-

правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/179146/> (дата обращения 01.08.2014).

8. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (дата обращения 08.12.2014).

9. Постановление Правительства Нижегородской области от 23 декабря 2003 г. № 371 «Об утверждении Концепции семейной политики в Нижегородской области» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/944919228> (дата обращения 08.12.2014).

10. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 10.07.2012 № 695 «О Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/822401007> (дата обращения 08.12.2014).

11. Постановление Правительства Саратовской области от 2 ноября 2011 г. № 610-П «О Концепции семейной политики Саратовской области до 2025 года» // Официальный сайт Министерства социального развития Саратовской области. – URL: http://www.social.saratov.gov.ru/laws/detail.php?ELEMENT_ID=6571&phrase_id=61597 (дата обращения 08.12.2014 г.).

12. Постановление администрации Магаданской области от 31.01.2013 г. № 41-па «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Магаданской области до 2020 года» // Официальный сайт Министерства государственно-правового развития Магаданской области. – URL: http://www.magadan.ru/ru/government/blob?filetype=NPA&filename=02_09_2.44.2_43_3_1.01.2013_1.pdf (дата обращения 08.12.2014).

13. Государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296) // Портал государственных программ РФ. – URL: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport?gpId=7C98941E-D9A5-49BC-A45B-08F0934EFE23> (дата обращения 01.08.2014).

14. Социальное обслуживание населения. Социальные услуги детям. ГОСТ Р 52888-2007 (утв. Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2007 г. № 566-ст) // Правовой сайт «Консультант плюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=447513> (дата обращения 01.08.2014).

15. Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье. ГОСТ Р 52885-2007 (утв. Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2007 г. № 563-ст) // Правовой сайт «Консультант плюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=422392> (дата обращения 01.08.2014).

16. Алтайский краевой кризисный центр для мужчин. Этапы становления центра. – URL: http://www.criscentr.ru/index.php?page=catalog_company&area=1>, (дата обращения 01.08.2014).

17. Энциклопедия социальных практик поддержки семьи и детства в Российской Федерации / Под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. М.: Дашков и К°, 2014. 752 с.
18. Mellow Parenting. Promoting Parent Child Relationships. – URL: <http://mellowparenting.org/> (дата обращения 22.06.2014).
19. Осипова И.И. Система предотвращения социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних: Монография. М.: Полиграф сервис, 2005. 280 с.
20. Официальный сайт МБУ «Городской реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Радуга», г. Красноярск. – URL: http://grcr.ru/index.php?do=static&page=about_centent (дата обращения 11.08.2014).
21. Официальный сайт СПб ГБУ «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Невского района» – URL: <http://csridi.ru/otdelenie-rannego-vmeshatelstva-dlya-detey-v-vozzraste-do-3-h-let-abilitaciya-mladencev> (дата обращения 12.08.2014).
22. Принцип активизации в социальной работе / Под ред. Ф. Парслоу; Пер. с англ. под ред. Б.Ю. Шапиро. М.: Аспект Пресс, 1997. 223 с.
23. Пэйн М. Социальная работа: современная теория: Учебное пособие / Под ред. Дж. Камплинга; науч. ред. рус. текста И.В. Наместникова. М.: Академия, 2007. 400 с.
24. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/12177508/> (дата обращения 01.08.2014).
25. Паркинсон Л. Семейная медиация. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. 400 с.
26. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/70708642/> (дата обращения 01.08.2014).
27. Домашнее визитирование // Официальный сайт Некоммерческого партнерства «Ассоциация психологов Республики Татарстан». – URL: <http://patronagrt.ru/index.php?id=9> (дата обращения 02.08.2014).
28. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», ред. от 12.03.2014 г. // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/180687/> (дата обращения 01.08.2014).
29. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/57746794/> (дата обращения 01.08.2014).

30. Профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/web/ps240085> (дата обращения 03.08.2014).

31. Профессиональный стандарт «Психолог в социальной сфере» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/web/ps141696> (дата обращения 03.08.2014).

32. Профессиональный стандарт «Специалист по работе с семьей» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/web/ps142072> (дата обращения 30.06.2014).

33. Профессиональный стандарт «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/web/ps137007> (дата обращения 30.06.2014).

34. Профессиональный стандарт «Руководитель организации социального обслуживания» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/web/ps235675> (дата обращения 08.08.2014).

35. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/70170950/> (дата обращения 01.08.2014).

36. Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р «О программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 гг.» // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/70269234/> (дата обращения 01.08.2014).

37. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 29 декабря 2012 г. № 650 «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013–2018 годы)» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/0164> (дата обращения 09.08.2014).

СЕМЬЯ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Анализируются основные формы взаимодействия современной российской семьи с институтом образования на разных уровнях – от дошкольного образования и воспитания до среднего профессионального и высшего образования. Представляются результаты исследований ведущих российских социологов по проблемам взаимодействия семьи и образования, а также результаты авторских исследований по проблемам выбора вуза и профессии абитуриентами нижегородских вузов.

Ключевые слова: семья, образование, взаимодействие, дошкольные учреждения, школа, абитуриенты, выбор профессии, профессиональная ориентация, высшее образование.

Семья как первичный «образовательный» институт.

Образование как ценность современной семьи

Семья как фундаментальный социальный институт многофункциональна. Воспитание и образование являются ключевыми функциями семьи наряду с репродуктивной и коммуникативной, поскольку семья остается основным институтом социализации. Именно в семье начинаются процессы воспитания и образования, продолжающиеся затем в дошкольных учреждениях и в школе. В настоящее время практически в каждой семье детей обучают основам счета, чтения и письма, хотя школа не предъявляет таких требований к родителям будущих первоклассников. Полученные в семье знания и навыки во многом определяют дальнейшие успехи в обучении и адаптации ребенка в новом коллективе.

Кроме того, именно в семье происходит первичная профессиональная ориентация ребенка. Как правило, первые профессии, о которых узнают дети, это профессии их родителей; а первые профессиональные стремления детей можно определить как желание стать врачом, как мама, начальником, как папа и т.п.

Институт семьи и институт образования выполняют ряд общих для них функций: социализации, воспроизводства социальных и культурных ценностей, передачи знаний и опыта от одного поколения к другому. Взаимодействие семьи с институтом образования на всех уровнях представляет большой интерес для теоретического социологического осмысления и практических исследований. Потребность человека в по-

лучении образования определенного уровня может определяться рядом причин, связанных с современным состоянием общества и его запросами на людей с определенным уровнем образования, ценностью образования в разных аспектах в обществе и в конкретной семье, социально-демографическими характеристиками человека и его семьи и многими другими факторами.

Причинно-следственные связи между выбором профессиональных и образовательных траекторий и социальным положением семьи не раз исследовались как российскими [1], так и зарубежными социологами. В западной социологии чаще всего внимание исследователей привлекают вопросы доступности образования в зависимости от этнического происхождения [2], связи социального положения семьи и выбора профессии [3], зависимость успехов детей в учебе от структуры семьи и степени вовлеченности родителей в учебный процесс [4].

Образование является одной из важнейших ценностей современной семьи. Этот тезис подтверждается результатами многих исследований. Так, в соответствии с данными, полученными в ходе исследования «Ценность семьи и детей», проведенного в 2007 г., большинство женщин и женатых мужчин соглашается с тезисом, что главное в жизни – дать детям хорошее образование (63% женщин, 61% женатых мужчин и 40% холостых мужчин). Такие результаты свидетельствуют о неразрывной связи воспитания и образования, а также о существовании у родителей представлений о хорошем образовании как залоге жизненного успеха их детей. Иллюстрирует этот факт полученная иерархия условий достижения успеха:

- 1) профессионализм (100%);
- 2) хорошее образование (97%);
- 3) взаимопомощь (97%);
- 4) умственные способности (93%);
- 5) порядочность, честность (93%);
- 6) удача, везение (90%);
- 7) активная жизненная позиция (90%);
- 8) уважение окружающих (90%);
- 9) уверенность в себе (90%) [5, с. 41–52].

Высокую ценность образования для современной семьи подтверждает и отношение к важности хороших успехов детей в школе. В рамках международного проекта «Ценность детей. Межпоколенные отношения»¹ (2007 г.) [6; 7] был проведен анкетный опрос матерей подростков и бабушек. Выборку составили 260 и 100 женщин соответственно. Ре-

спондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале, насколько важно для них, чтобы ребенок / внук хорошо учился в школе. Было выявлено, что хорошая успеваемость важна для подавляющего числа матерей и бабушек, при этом наблюдается значительное различие в отношении к этому вопросу у женщин, выполняющих разные социальные роли в семье. Так, абсолютное большинство матерей (84.6%) оценивает успехи своих детей в учебе как очень важную составляющую в их собственной жизни и жизни их семьи, в то время как только 52% бабушек дало крайнюю положительную оценку при ответе на этот вопрос (см. табл. 1). При этом стоит отметить, что еще для 40% бабушек важны успехи внуков в учебе. Была выявлена заметная группа матерей, для которых хорошая успеваемость их детей в школе умеренно важна (12.5%).

Таблица 1

Оценка важности успешной учебы в школе, %

	Матери	Бабушки
Очень важно	84.6	52
Важно	0.4	40
Умеренно важно	12.7	5
Не очень важно	0	3
Не важно	2.3	0

Многие исследования подтверждают существующую зависимость между итоговым уровнем образования детей и уровнем образования родителей, их возрастом вступления в брак и рождения детей, составом семьи, а также уровнем материального благосостояния [8]. Существует связь между составом семьи и готовностью ребенка к школе, его дальнейшими успехами в учебе. Согласно результатам исследований К. Ким [4], дети из полных семей лучше читают, более коммуникабельны и в меньшей степени склонны к агрессии, чем дети одиноких родителей. Влияние семьи на академические успехи детей прослеживается на всех уровнях формального образования. Таким образом, становится очевидной необходимость социологического осмысления взаимодействия двух важнейших социальных институтов на стыке социологии семьи и социологии образования.

Семья и система образования: уровни взаимодействия

Результаты многих исследований показывают, что образование является одной из основных потребностей современной семьи.

В зависимости от значимости образования для семьи можно выделить три типа потребности семьи в образовании [9]:

1) высокий, когда потребность в образовании является приоритетной, семья готова задействовать все имеющиеся ресурсы для ее реализации;

2) средний, когда потребность в образовании существует, но не является значимой, семья использует имеющиеся ресурсы в «разумных» пределах;

3) низкий, когда потребность в образовании реализуется как свободный выбор членов семьи, семейные ресурсы реализуются по необходимости.

Всеобщая ориентация на получение высшего образования, характерная для семей с различным образовательным статусом, накладывает отпечаток на образовательные выборы семьи на всех уровнях системы образования – от дошкольных учреждений и учреждений среднего образования до учреждений дополнительного образования детей. Родители склонны выбирать детский сад, в котором ребенка наилучшим образом подготовят к школе, а затем школу, обладающую хорошими показателями поступления выпускников в высшие учебные заведения. Часто уже в начальной школе появляется незначительная профилизация классов; создаются разработки в области профориентационной работы в дошкольных учреждениях.

Профессионально-ориентационная работа сотрудниками высших учебных заведений ведется уже не только в старшей и средней школе, но и в начальных классах. Ярким примером служит программа «Детский университет» в Казанском федеральном университете, рассчитанная на детей в возрасте от 8 до 12 лет [10]. Преподаватели университета ведут 30-минутные научно-популярные лекции, которые должны вызывать у детей интерес к науке и получению знаний, помочь детям прочувствовать университетскую атмосферу. Дети сами должны выбирать лекции для посещения (предполагается, что родители не должны заставлять маленьких слушателей посещать занятия). Необходимо отметить, что подобные профессионально-ориентационные мероприятия не только нацелены на пробуждение интереса к высшему образованию у детей, но также призваны сформировать у родителей представления о доступности высшего образования, его важности и ценности, повысить в их глазах престиж конкретного вуза.

В связи с тем что все предшествующие ступени образования являются подготовительным этапом к поступлению в вуз, особое внимание

мы уделим вопросу выбора высшего образования и конкретного высшего учебного заведения.

Дошкольное образование

Степень дошкольного образования становится началом взаимодействия семьи и системы формального образования. Дошкольное образование призвано выполнять множество функций:

- 1) продолжение воспитательного процесса, начатого в семье;
- 2) начало вторичной социализации, развитие социальных навыков;
- 3) обучение, формирование умений и навыков, соответствующих возрасту детей;
- 4) познавательно-речевое, социально-личностное, художественно-эстетическое и физическое развитие детей.

Помимо функций, связанных непосредственно с воспитанием и образованием детей, следует также отметить, что ступень начального образования выполняет важную функцию, связанную с обеспечением возможности для матери вернуться на работу. С одной стороны, последнее дает социально положительный эффект, который заключается в поддержании гендерного равенства, возможности женщины продолжать трудовую деятельность и быть равным участником профессиональных отношений. С другой стороны, чаще всего матерям не удается избежать двойной занятости – ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, воспитание детей.

Несмотря на то что ступень дошкольного образования не является обязательной, подавляющее большинство родителей предпочитает устраивать своих детей в дошкольные учреждения. По данным исследователей, лишь 8% родителей предпочитают домашнее воспитание детей дошкольного возраста [11, с. 49]. Чаще всего в качестве мотивов, побуждающих родителей принять решение в пользу дошкольных учреждений, выступают желание подготовить ребенка к школе и обеспечить ему возможность общаться с другими детьми. Причинами не отдавать ребенка в детский сад могут быть нежелание подвергать здоровье ребенка рискам, связанным с распространением инфекционных заболеваний, ослабленным иммунитетом, страхом перед детской агрессией, недостаточным вниманием к детям со стороны взрослых – воспитателей и нянечек [11, с. 50–51]. При этом, по мнению врачей, дети, посещающие дошкольные учреждения, лишь одну треть времени проводят вне дома, а потому здоровье ребенка напрямую зависит от особенностей повседневной жизни семьи [12]. Многие женщины, принимающие решение отдать ребенка в детский сад, объясняют его крайней необходимостью и

отсутствием других вариантов дошкольного воспитания детей. Можно заключить, что работающие матери под влиянием существующих стереотипов о разделении обязанностей мужчины и женщины по содержанию семьи и ведению домашнего хозяйства пытаются оправдать невозможность максимально продлить постоянное пребывание с ребенком дома. Женщины, принимающие решение не отдавать ребенка в дошкольное учреждение, напротив, всячески подчеркивают важность домашнего воспитания и заботы матери о маленьких детях [11, с. 48–51].

Концепция дошкольного образования подразумевает обязательное взаимодействие дошкольных учреждений и родителей в целях формирования у детей базовых навыков самообслуживания, развития творческих способностей и интереса к спорту и здоровому образу жизни. Так, наиболее распространенная форма взаимодействия – это детские утренники, праздники, в которых родители могут принимать непосредственное участие либо выступать в роли зрителей. Во многих дошкольных учреждениях проводятся спортивные мероприятия с привлечением родителей, семейные соревнования и т.д. Подобные мероприятия нацелены на популяризацию культуры здоровья не только среди детей, но и среди взрослых.

Еще одной формой взаимодействия семьи и дошкольных учреждений является спонсорская помощь родителей. Результаты исследований свидетельствуют о готовности многих родителей оказывать помощь детским садам, воспитателям и нянечкам. Родители считают, что размер такой помощи может быть очень значительным, и оправдывают ее необходимость тем, что уровень дохода сотрудников дошкольных учреждений остается очень низким при сохранении значительной нагрузки, связанной с большим количеством детей, посещающих детские сады. Дополнительные поощрения, по мнению родителей, призваны обеспечить повышенное внимание со стороны воспитателей и нянечек к ребенку [11, с. 52–55]. В этом представлении прослеживается попытка компенсировать недостаток внимания, которое родители, в особенности матери, могли бы уделять ребенку в том случае, если бы имели возможность продолжать домашнее воспитание и не отдавать детей в дошкольные учреждения.

Таким образом, дошкольное образование оценивается родителями как допустимая замена домашнего воспитания детей дошкольного возраста, призванная обеспечить необходимый уровень социального, психического и физического развития детей. При этом сохраняются представления о ведущей роли женщины в воспитании детей, и именно

женщины в большинстве случаев непосредственно осуществляют взаимодействие с дошкольными учреждениями.

Семья и начальная школа

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. в ч. 1 ст. 63 содержит норму, согласно которой образовательные программы дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования являются преемственными, то есть законом предусмотрена преемственная связь каждого последующего уровня образования с предыдущим. К особенностям начального общего образования можно отнести возможное отсутствие у ребенка опыта дошкольного образования, предшествующего начальному. В этом случае начальное общее образование становится первой ступенью формального образования. Подразумевается, что дети, приступающие к освоению программ начального образования, уже достигли необходимого уровня социального, психического и физического развития. Ответственность за достижение этого уровня ложится на семью и учреждения дошкольного образования.

Трудность в адаптации к новым окружающим ребенка условиям и видам деятельности является одной из основных, с которыми сталкиваются семья и ребенок на этапе начального образования. Главная причина дезадаптации в начальной школе связана с характером семейного воспитания. Если ребенок приходит в школу из семьи, где он не чувствовал переживания «мы», он и в новую социальную общность – школу – входит с трудом.

Дети с различным семейным статусом по-разному проходят процесс адаптации в начальной школе.

Дети из полных семей чувствуют себя защищенными, их адаптация проходит быстрее и легче, чем у других детей. Когда в семье два взрослых воспитателя – отец и мать, возрастает вероятность, что у них вместе будет более широкий круг интересов, увлечений, умений. Они познакомят ребенка с большим кругом различных ситуаций и знаний, чем это может сделать один человек. Необходимо отметить, что часто встречаются ситуации, когда мать и отец по-разному расставляют приоритеты в обучении первоклассника. На почве возникающих конфликтов и несогласованности между родителями ребенок может замкнуться, и адаптация к условиям школы будет нелегкой [13]. Влияние такой семьи сказывается и на общении учащихся со своими сверстниками и взрослыми.

Наиболее частой, даже типичной, является ситуация, когда мать одна воспитывает одного или несколько маленьких детей. В неполной

семье с самого начала возникают трудности, так как одинокая мать более занята, чем в полной семье. Она меньше занимается ребенком, иногда даже перестает заботиться о нем. Некоторые матери от осознания того, что они мало времени уделяют ребенку, от обострения осознания ответственности за него или от слишком сильной привязанности к тому «единственному, что у нее осталось», перенасыщают ребенка впечатлениями, всячески стараются ускорить его развитие. Избыток впечатлений так же вреден, как и недостаток, и может вызвать активное сопротивление ребенка идти на контакт [14, с. 78].

Категория детей с инвалидностью представлена детьми, имеющими разные по степени сложности, характеру отклонения в психическом или физическом развитии, которые приводят к нарушениям общего характера, ограничивают возможность ведения детьми полноценной жизнедеятельности. В связи с этим процесс включения в общество детей с нарушениями и, особенно с инвалидностью, протекает медленнее и не так успешно как у остальных детей. Инклюзивная практика обеспечивает равный доступ к получению того или иного вида образования и создание необходимых условий для достижения адаптации всеми без исключения детьми независимо от их индивидуальных особенностей, учебных достижений, родного языка, культуры, их психических и физических возможностей.

Дети-мигранты находятся в особенно трудных условиях, так как отличаются от среды нового места жительства по своей культуре [15, с. 10]. Они являются, как правило, выходцами из малообеспеченных слоев общества, социально не защищены, не знают или плохо знают язык школьной системы, а в процессе интеграции в новую среду рискуют утратить собственный язык и культурные особенности. Все это существенно затрудняет процессы обучения, воспитания, социализации и социальной адаптации и требует педагогической помощи и поддержки [16, с. 1216].

Семьи по-разному решают вопрос, в каком возрасте дети должны приступить к освоению программ начального общего образования. Существуют исследования о зависимости принимаемого решения от возраста, образования родителей и состава родительской семьи [12]. Результаты исследований подтверждают наличие связи между этими обстоятельствами. Так, в более раннем возрасте (с 6 лет) отдавать детей в школу склонны родители с высшим образованием, с поздним возрастом деторождения (старше 30 лет), а также одинокие родители. Большинство родителей предпочитает отдавать детей в школу в возрасте 7 лет.

Дети, начинающие обучение в школе в возрасте 6 лет, чаще всего имеют опыт дошкольного образования. Наличие заметной группы детей из неполных семей среди 6-летних школьников связано прежде всего с необходимостью одинокого родителя работать, материально обеспечивать семью и воспитывать детей. Высокий уровень образования родителей обуславливает их стремление как можно раньше начать образование детей. В возрасте 8 лет склонны отдавать детей в школу родители более старшего возраста, с высшим образованием, из полных семей. Решение о том, чтобы ребенок начал учиться в школе в возрасте 8 лет, особенно характерно для семей с более «старшими» отцами.

Обучение и воспитание становятся главными задачами начальной школы. В соответствии с ч. 1 ст. 66 ФЗ «Об образовании в РФ» начальное образование направлено на формирование личности обучающегося, развитие его индивидуальных способностей, положительной мотивации и умений в учебной деятельности (овладение чтением, письмом, счетом, основными навыками учебной деятельности, элементами теоретического мышления, простейшими навыками самоконтроля, культурой поведения и речи, основами личной гигиены и здорового образа жизни). Освоение программы начального общего образования становится для ребенка новым видом деятельности, и важная цель начальной школы заключается в том, чтобы заинтересовать ребенка учебным процессом, привить понимание необходимости, важности и ценности получения новых знаний. Ключевую роль здесь играют личность педагога начальной школы и восприятие в семье образования как ценности.

Существует следующая типология взаимоотношений «педагог – родитель»:

- 1) родители положительно настроены на взаимодействие с образовательным учреждением, разделяют его цели и способствуют их достижению;
- 2) родители занимают нейтральную позицию по отношению к деятельности образовательного учреждения, устраняются от участия в учебном и воспитательном процессе;
- 3) родители занимают конфликтную позицию, что приводит к нарушению нормального хода учебного и воспитательного процесса в школе [17].

Приведенная типология основана на отношении родителей к формам и методам педагогического воздействия на детей в образовательном учреждении. Различные позиции родителей по отношению к школе связаны с различными представлениями о допустимой степени влияния

педагога начального образования на процесс воспитания, а также с различным уровнем педагогической культуры родителей. В этом смысле наиболее эффективной и целесообразной является первая модель взаимодействия начальной школы и семьи, когда возможно существование единого воспитательного пространства, позволяющего наиболее результативно и качественно выполнять задачи, поставленные перед семьей и школой на этапе начального общего образования детей.

Семья и средняя школа

Степень среднего образования включает в себя два уровня: основное общее и среднее общее образование. Задачи данных уровней образования следующим образом определены в ч. 2 и 3 ст. 66 ФЗ «Об образовании в РФ»:

– основное общее образование направлено на становление и формирование личности обучающегося (формирование нравственных убеждений, эстетического вкуса и здорового образа жизни, высокой культуры межличностного и межэтнического общения, овладение основами наук, государственным языком Российской Федерации, навыками умственного и физического труда, развитие склонностей, интересов, способности к социальному самоопределению);

– среднее общее образование направлено на дальнейшее становление и формирование личности обучающегося, развитие интереса к познанию и творческих способностей обучающегося, формирование навыков самостоятельной учебной деятельности на основе индивидуализации и профессиональной ориентации содержания среднего общего образования, подготовку обучающегося к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору, продолжению образования и началу профессиональной деятельности.

Освоение программы основного общего образования является промежуточным звеном между начальным и средним общим уровнями образования. Это самый продолжительный этап школьного образования, предполагающий овладение основами наук, необходимыми для дальнейшего обучения и освоения программ среднего общего и среднего профессионального образования. Взаимодействие семьи и школы на данном этапе можно рассматривать с позиций трехуровневой типологии взаимоотношений «педагог – родитель». Качество такого взаимодействия во многом будет определять характер решения, принимаемого на этапе окончания основного общего образования, когда перед учащимися возникает вопрос, продолжать ли обучение в школе или осваивать программы среднего профессионального образования. По данным ис-

следований, около 15% школьников планируют после 9 класса получать среднее профессиональное образование, но подавляющее большинство учащихся собирается продолжать обучение в 10 классе [18, с. 203].

Для среднего общего образования так же, как и для начального и основного, законом предусмотрена профилизация с учетом образовательных потребностей и интересов обучающихся, обеспечивающая углубленное изучение отдельных учебных предметов, предметных областей соответствующей образовательной программы (ч. 4 ст. 66 ФЗ «Об образовании в РФ»). При этом именно на уровне среднего общего образования профильное обучение привлекает наибольшее внимание со стороны самих учащихся и в еще большей степени их родителей. Последние два класса средней школы становятся фактически подготовительным этапом к поступлению в учреждения среднего профессионального и высшего образования.

Исследование «Абитуриент ННГУ-2012»² показало, что около трети старшеклассников в целях подготовки к поступлению в вуз обращаются за помощью к репетиторам. Поскольку эта форма взаимодействия подразумевает коммерческую основу, участие родителей в выборе способа подготовки к поступлению очевидно. Треть семей изыскивает в семейном бюджете средства для индивидуальных занятий, что может свидетельствовать о разделяемых ими представлениях о недостаточности знаний, даваемых в школе, для продолжения образования в вузе, а также о сверхважности поставленной перед семьей и школьником задачи. Руководствуясь приведенной выше типологией потребностей семьи в образовании, можно заключить, что такая стратегия характерна для семей с высоким уровнем потребностей. Чуть менее распространенной формой подготовки старшеклассников к поступлению в вуз являются самостоятельное изучение специальной литературы и учебных пособий (17.4%). Старшеклассник осознает недостаточность знаний, получаемых в школе, значимость этапа поступления в вуз, но семья не готова использовать дополнительные ресурсы для решения поставленной задачи. Такая форма подготовки свойственна школьникам из семей со средним уровнем образовательных потребностей. Стоит отметить, что четверть выпускников школ, поступавших в ННГУ, вообще не предпринимала никаких специальных действий для подготовки к поступлению, что характерно для семей с низким и средним уровнем потребностей. В этом случае выпускники полагаются на знания, полученные в школе, и не придают чрезвычайно важного значения поступлению в вуз. Небольшой популярностью у старшеклассников пользуются подготовительные кур-

сы в вузах, что связано с изменениями в системе приема в вузы и введением ЕГЭ. Около 14% школьников посещали подготовительные курсы в целях подготовки к поступлению (см. табл. 2).

Таблица 2

Формы подготовки учащихся к поступлению в вуз, %

Занимались с репетитором	31.7
Нет, специальной подготовки не было	26.1
Самостоятельно изучали специальную литературу, учебные пособия	17.4
Учились в специализированной школе, лицее	9.9
Посещали подготовительные курсы в университете	7.1
Посещали подготовительные курсы в другом вузе	5.7
Учились в школе, имеющей договор с университетом о подготовке абитуриентов	1.2
Слушали курсы лекций преподавателей данного вуза	0.9

Выбор образовательного учреждения осуществляется семьями в соответствии с уровнем их образовательных потребностей. Ни для кого не секрет, что существует как формальное разделение образовательных учреждений среднего общего образования на школы без специализации, школы с углубленным изучением отдельных предметов, лицеи и гимназии, так и неформальное разделение на престижные и непрестижные. Такая дифференциация способствует воспроизводству социального неравенства, поскольку доступность качественного школьного образования напрямую связана с типом образовательного учреждения [19]. Результаты исследований свидетельствуют о том, что в гимназиях, лицеях и школах с углубленным изучением отдельных предметов чаще всего учатся дети из семей с высоким образовательным и профессиональным статусом родителей [20, с. 196].

Среднее образование является самым продолжительным в обязательном формальном образовании и в большинстве случаев становится подготовительным этапом к получению профессионального образования. Взаимодействие семьи и школы на данном этапе в значительной степени зависит от уровня образовательных потребностей семьи.

Семья и профессиональное образование

Система профессионального образования завершает индивидуальные образовательные траектории, становится конечным этапом всего предшествующего образовательного пути.

ФЗ «Об образовании в РФ» разделяет профессиональное образование на два уровня: среднее профессиональное и высшее образование. Система среднего профессионального образования нацелена на подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства. Система высшего образования призвана готовить высококвалифицированные кадры по всем основным направлениям общественно полезной деятельности. Закон гарантирует общедоступность среднего профессионального образования и закрепляет возможность получения бесплатно высшего образования на конкурсной основе при условии, что гражданин получает образование данного уровня впервые.

Исследования показали, что образование родителей и их профессионально-должностной статус оказывают влияние на выбор уровня профессионального образования и образовательного учреждения [20, с. 201]. Так, большинство семей, где хотя бы один из родителей имеет опыт обучения в вузе, ориентировано на получение детьми высшего образования. В учреждения среднего профессионального образования склонны поступать дети из семей, где родители имеют образование не выше среднего профессионального. При этом основными мотивами выбора среднего профессионального образования являются представления о практической пользе получаемых знаний, надежда на материальную поддержку со стороны детей, низкие академические способности старшеклассников.

Мотивы получения высшего образования – одна из наиболее интересных и актуальных тем для социологического изучения сферы высшего образования. Проведено множество исследований, и накоплен обширный эмпирический материал. Все это позволяет анализировать полученные данные, теоретические построения и выводы для лучшего понимания мотивационной структуры современного абитуриента и студента в отношении высшего образования и, несомненно, дает возможность наилучшим образом понять, что именно движет ими при выборе конкретного вуза, факультета и направления подготовки.

Готовность семьи к значительным расходам семейного бюджета на высшее образование детей связана с уровнем образования родителей [20]: чем выше уровень образования родителей, тем большие затраты на образование готова нести семья.

В 2003 г. при поддержке фонда Форда и Независимого института социальной политики было проведено исследование «Доступность выс-

шего образования и перспективы позитивной социальной динамики», в рамках которого был осуществлен многосторонний анализ системы высшего образования и в числе прочих вопросов выяснялись образовательные мотивации абитуриентов. На основании полученных данных была представлена следующая структура мотивов получения высшего образования:

- 1) возможность получить знания (61.9%);
- 2) возможность впоследствии получать высокий доход (53.6%);
- 3) сейчас неприлично не иметь высшего образования (28.6%);
- 4) возможность избежать армии (14%);
- 5) давление родителей (7.8%);
- 6) возможность не работать еще пять лет (6.2%);
- 7) возможность найти спутника жизни (4.4%) [21, с. 46].

Интересное исследование «Социальная дифференциация высшего образования» было проведено в 2005 г. на репрезентативной выборке молодых людей в возрасте 15–35 лет Независимым институтом социальной политики при поддержке Фонда Форда, помощи Левада-центра и участии Д.Л. Константиновского [22; 23]. В числе прочих вопросов изучались и мотивы выбора вуза студентами элитных вузов и вузов, дающих массовое высшее образование. Была определена следующая структура мотивов выбора вузов для обеих категорий студентов:

- 1) качество преподавания;
- 2) советы родственников;
- 3) престиж диплома;
- 4) спрос на выпускников;
- 5) ожидаемая в будущем заработная плата;
- 6) в этом вузе учились родители;
- 7) возможность учиться/работать за рубежом [24, с. 349].

Предлагаемые критерии могут применяться для оценки престижности того или иного вуза. Важно, что исследователями был учтен фактор влияния семьи и ближайшего окружения на выбор абитуриентом вуза, который приобретает все большую значимость в условиях происходящих изменений.

Заслуживает внимания исследование 2003 г., посвященное мотивационным предпочтениям абитуриентов и студентов, проведенное в Саратовском государственном техническом университете и нацеленное на оптимизацию управления вузом. Выяснялось, «Кто пришел?», «Почему в этот вуз?», «Зачем пришел?», «С какой целью?» [25, с. 135] Для решения поставленных задач исследователи задавали вопросы о том, откуда

абитуриент получал информацию о вузе и специальности, кто и что повлияло на выбор конкретного вуза и специальности. В результате были определены факторы, влияющие на выбор вуза и специальности. При этом сами эти факторы были разделены на две группы: внешние по отношению к вузу и внутренние, связанные с организацией образовательного процесса [25, с. 136]. К группе внешних факторов были отнесены гарантии занятости, стабильность высокооплачиваемой работы, социально-экономическая престижность профессии. Было выявлено, что первокурсники склонны считать, что их решение о выборе вуза и специальности было самостоятельным, однако авторы исследования считают, что решение семейного совета часто являлось определяющим.

Весной 2012 г. М.В. Рябоконт под руководством к.с.н., доц. М.Л. Максимовой был проведен анкетный опрос «Мотивы выбора вуза». В опросе приняли участие 600 студентов первого курса очной формы обучения ННГУ им. Н.И. Лобачевского. По данным Приёмной комиссии, численность абитуриентов, принятых в 2011 г. на первый курс очной формы обучения, составляла 2529 человек, то есть в выборке было представлено 25% студентов первого курса очной формы обучения ННГУ.

На основе анализа мотивов выбора вуза были выявлены три основные модели поведения абитуриентов при поступлении в вуз:

- 1) абитуриенты, случайно выбравшие вуз;
- 2) абитуриенты, целенаправленно поступавшие в заранее выбранный вуз;
- 3) абитуриенты, перестраховавшиеся при поступлении в вуз.

Представители первой группы характеризуются тем, что для них важно было поступить хотя бы куда-нибудь; не удалось поступить на более престижный факультет; заявления подавались в максимальное количество вузов на максимальное количество факультетов, где подходил набор сданных ЕГЭ; решение о подаче оригиналов документов об образовании было принято в последний момент.

Абитуриенты из второй группы характеризуются тем, что поступили именно на то направление подготовки, куда и планировали; удовлетворены тем, что удалось поступить именно сюда; готовы были бы сделать тот же выбор вуза и факультета, если бы нужно было поступать еще раз.

Абитуриенты, относящиеся к третьей группе, отличаются тем, что набранных ими баллов ЕГЭ было достаточно для поступления на более приоритетный для них факультет; порядок приема и зачисления в вуз сложен для понимания этих абитуриентов; аттестат был предоставлен в

тот вуз, сотрудники приемной комиссии которого позвонили и предложили привезти оригинал документа об образовании.

Несмотря на различия в поведении и структуре мотивов выбора вуза абитуриентов из всех трех групп, советы родителей для представителей каждой из этих групп являлись одним из основных факторов, влияющих на принятие решения (37%). Стоит отметить, что у абитуриентов, перестраховавшихся при выборе вуза, прослеживается большее влияние мнения родителей. Можно предположить, что родители способствуют принятию решения, когда выбор осуществляется в пользу того варианта, где наиболее высока вероятность успеха, что подтверждает ориентацию современных родителей на всеобщее высшее образование. Фактически приоритет отдается не конкретному вузу и будущей профессии, а необходимости получения высшего образования.

Еще сильнее влияние родителей прослеживается в группе старшеклассников – потенциальных абитуриентов вузов. В апреле 2012 г. нами был проведен опрос школьников, записавшихся на сдачу репетиционных ЕГЭ, проводимых факультетом довузовской подготовки и профориентации ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Выборку составили 128 человек.

Полученные данные показали, что большинство абитуриентов в момент проведения опроса уже определилось с выбором вузов (97.7%). Более половины школьников при выборе вуза прислушивается к мнению родителей (в данной группе это основная причина выбора вуза) (см. табл. 3).

Таблица 3

Что повлияло на выбор вуза, %

Советы родителей	55.5
Дни открытых дверей в вузе	31.3
Успешная карьера выпускников вуза	28.9
Встречи, разговоры со студентами вуза	28.1
Занятия с преподавателями вуза	25
Рейтинги вузов в СМИ и Интернете	25
Товарищи, друзья по учебе	19.5
Разговоры, встречи с выпускниками вуза	13.3
Выступления, встречи, беседы преподавателей вуза	11.7
Советы учителей	10.9
Ярмарка вакансий	7
Печатная реклама вуза	3.9
Теле-, радиореклама	0.8

Весной 2014 г. М.В. Рябоконе под руководством к.с.н., доц. М.Л. Максимовой был проведен анкетный опрос «Мотивы принятия решения в ситуации выбора вуза». Были опрошены студенты первого курса ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижегородского филиала Высшей школы экономики и Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. В опросе приняли участие 758 первокурсников указанных вузов: 489 студентов ННГУ, 115 студентов ВШЭ и 154 студента НГТУ. По данным Приёмной комиссии ННГУ, численность абитуриентов, зачисленных в 2013 г. на первый курс очной формы обучения, составляла 2589 человек, то есть в выборке представлено 20% студентов первого курса очной формы обучения ННГУ. В двух других вузах были опрошены студенты факультетов и институтов, составляющих наиболее существенную конкуренцию ННГУ: во ВШЭ это факультет экономики и факультет менеджмента, в НГТУ – институт радиоэлектроники и информационных технологий (ИРИТ), образовательно-научный институт электроэнергетики (ИНЭЛ), институт физико-химических технологий и материаловедения (ИФХТиМ), институт экономики и управления (ИНЭУ).

Исследование показало, что основную долю абитуриентов составляют выпускники школ (99%), и подтвердило ориентацию выпускников школ на получение высшего образования. Возраст студентов первого курса, а значит, и абитуриентов, начал смещаться к 18–19 годам. 19-летних среди первокурсников трех ведущих нижегородских вузов 20.1%, а значит, каждый пятый абитуриент поступает в вуз в возрасте полных 18 лет. Эту тенденцию можно связать с увеличением продолжительности срока обучения по программам среднего образования. Основной группой нижегородских абитуриентов являются выпускники школ Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Как правило, их родители имеют высшее или среднее профессиональное образование, причем доля матерей с высшим образованием несколько больше, чем доля отцов (68% и 61.3% соответственно). Подавляющее большинство абитуриентов нижегородских вузов ориентировано на поступление на бюджетные места. Изначально на места с оплатой стоимости обучения (платные места) планировали поступать только 3.9% первокурсников НГТУ, 7.9% студентов ВШЭ и 14.1% студентов ННГУ.

В подавляющем большинстве случаев абитуриенты считают, что они не идут по стопам родителей при выборе вуза. При этом в НГТУ

наиболее заметна группа первокурсников, чей выбор был определен семейными традициями, – почти 20%. Наименее представлены абитуриенты, повторяющие выбор родителей, во ВШЭ, что может быть объяснено относительно недавним появлением этого вуза на рынке образовательных услуг. В ННГУ 12% абитуриентов согласились с тезисом, что сделанный выбор был связан с предшествующим образовательным выбором родителей.

Для нижегородских абитуриентов всех трех вузов наиболее важной среди причин при выборе вуза являются советы родителей. Наиболее выражено это влияние среди абитуриентов ВШЭ (60.2%), а наименее – среди абитуриентов ННГУ (44.7%).

Важной характеристикой абитуриента является социальное положение семьи. Среди абитуриентов ВШЭ заметно выше доля тех, чьи родители относятся к профессиональным группам предпринимателей и руководителей предприятия или учреждения, а также наиболее высока доля тех, чьи родители имеют высшее образование, по сравнению с абитуриентами ННГУ и НГТУ (см. табл. 4). При этом в НГТУ выше доля абитуриентов – детей рабочих по сравнению с абитуриентами ННГУ и ВШЭ и меньше представлена группа абитуриентов, имеющих отцов с высшим образованием. Дети рабочих в меньшей степени представлены среди абитуриентов ВШЭ по сравнению с абитуриентами ННГУ и НГТУ.

Таблица 4

Образование и сфера профессиональной деятельности родителей, %

		ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Сфера профессиональной деятельности отца	Рабочие	34.5	15.6	35.2
	Служащие	12.5	7.3	12.7
	Непроизводственная интеллигенция, не руководители	6.5	6.4	9.2
	Производственная интеллигенция (ИТР), не руководители	6.8	10.1	7.0
	Руководители на предприятии, в учреждении	15.6	28.4	20.4
	Пенсионеры	3.9	4.6	3.5
	Предприниматели	17.4	27.5	10.6
	Не работают (временно или постоянно)	2.9	0.0	1.4

Сфера профессиональной деятельности матери	Рабочие	29.3	7.1	32.2
	Служащие	17.3	11.5	14.8
	Непроизводственная интеллигенция, не руководители	14.4	19.5	18.8
	Производственная интеллигенция (ИТР), не руководители	8.2	11.5	8.1
	Руководители на предприятии, в учреждении	11.0	20.4	10.1
	Пенсионеры	2.4	3.5	0.7
	Предприниматели	8.9	15.0	5.4
	Не работают (временно или постоянно)	8.6	11.5	10.1
Образование отца	Неполное среднее	1.3	0.9	1.4
	Среднее общее	7.0	4.7	6.5
	Среднее специальное	26.6	11.2	32.6
	Неполное высшее	3.9	7.5	8.7
	Высшее	61.1	75.7	50.7
Образование матери	Неполное среднее	1.7	0.0	0.7
	Среднее общее	3.1	0.9	6.4
	Среднее специальное	23.6	20.5	19.9
	Неполное высшее	5.5	1.8	6.4
	Высшее	66.1	76.8	66.7

Таким образом, исследования подтверждают всеобщую ориентацию семей на получение детьми высшего образования. Несмотря на существующие различия в мотивации получения высшего образования и готовности семей к затратам на образование, эта тенденция сохраняется для семей с различным уровнем образования и профессионально-должностным статусом родителей. Семья остается важнейшим агентом влияния на выбор высшего образования и высшего учебного заведения абитуриентом.

Выводы. Социальные институты семьи и образования выполняют ряд общих функций, дополняют друг друга и неразрывно связаны в процессе воспроизводства социальной структуры современного общества, воспитания, развития и образования детей. Результаты многих исследований в сфере образования и социологии семьи показывают зависимость образовательных предпочтений и выборов от социально-демографических характеристик семьи. Исследования взаимодействия этих институтов, его форм и практик позволяют разрабатывать практи-

ческие рекомендации по его оптимизации, способствующие решению многих социальных проблем – от смягчения проблемы социального неравенства до принятия маркетинговых и управленческих решений администрациями образовательных учреждений.

Примечания

1. Научный руководитель проекта – проф. Б. Наук (Германия). Руководитель российской части исследования – проф. З.Х. Саралиева.

2. Исследование проведено к.с.н., доц. М.Л. Максимовой и М.В. Рябоконево время приёмной кампании 2012 г. Выборку составили 585 абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Исследование проводилось в форме анкетного онлайн-опроса.

Список литературы

1. Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки. М.: ЦСПиМ, 2010. 424 с.

2. Baum S., Flores S.M. Higher Education and Children in Immigrant Families // The Future of Children. 2011. Vol. 21 № 1. P. 171–193.

3. Noe' C. Family background and female's choice of male's subjects: Evidence from Italy. – URL: http://www.child-centre.unito.it/papers/child01_2010.pdf (дата обращения 25.04.2014).

4. Kim C.C. Academic Success Begins at Home: How Children Can Succeed in School // Backgrounder. 2008. № 2185. P. 101–112.

5. Иудин А.А., Соловьева С.В. Соотношение материальных и духовных мотивов в определении ценности детей // Ценность детей и межпоколенные отношения: Сборник научных статей / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. С. 41–52.

6. Ценность детей и межпоколенные отношения: Сборник научных статей / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. 179 с.

7. Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. 583 с.

8. Бьорккунд А., Сальванес Х. Как семья влияет на образование ребенка // Экономика образования. 2013. № 1. С. 35–43.

9. Максимова М.Л. Абитуриент ННГУ 2006 года: ценностные установки и профессиональные ориентации. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. 51 с.

10. Детский университет Приволжского федерального округа. – URL: <http://childrensuniversity.ru/university/about/> (дата обращения 06.11.2014).

11. Градскова Ю.В. Когда отдавать ребенка в детский сад и платить ли воспитателю? Родительство, гендер и учреждения дошкольного воспитания в Интернет-форумах // Laboratorium. 2010. № 3. С. 44–57.

12. Теппер Е.А., Таранушенко Т.Е., Колодина А.А. Оценка отдельных сведений семейного анамнеза у детей, поступающих в школу в раннем возрасте // Забайкальский медицинский вестник. 2013. № 1. С. 120–124.
13. Безруких М.М., Ефимова С.П., Князева М.Г. Как подготовить ребенка к школе и по какой программе лучше учиться. М.: Творческая педагогика: Новая школа, 1994. 155 с.
14. Матейчик З. Некоторые психологические проблемы воспитания детей в неполной семье // Воспитание детей в неполной семье / Пер. с чеш. Л.Н. Хваталовой, общ. ред. и послесловие Н.М. Ершовой. М.: Прогресс, 1980. С. 78–96.
15. Бондоревская Е.В. Прогностическая роль концепций личностно ориентированного образования в развитии целостной педагогической теории // Известия Южного отделения Российской академии образования. 1999. Вып. 1. С. 3–11.
16. Шлыкова Д.В. Адаптация первоклассников к школьной жизни // Восьмые Ковалевские чтения. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. С. 1215–1217.
17. Розанов Д.А. Современная практика взаимодействия образовательного учреждения и семьи в воспитании детей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-2. С. 153–155.
18. Южанинова А.В. Ожидания школьников относительно будущей работы // Вопросы образования. 2014. № 1. С. 200–216.
19. Полевая Р.П. Коммерческие взаимоотношения в современном общедоступном школьном образовании как основа воспроизводства социального неравенства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 290–299.
20. Петренко Е.С., Галицкая Е.Г., Шмерлина И.А. Ценность высшего образования. Мнения представителей семей, в которых есть дети, о важности высшего образования. Опрос фонда «Общественное мнение» // Вопросы образования. 2010. № 2. С. 187–206.
21. Аврамова Е.М., Александрова О.А., Логинов Д.М. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 41–55.
22. Константиновский Д.Л., Куракин Д.Ю., Вахштайн В.С. Требования семьи, общества и государства к начальной ступени общего образования: результаты мониторинга // Народное образование. 2010. № 5. С. 118–127.
23. Образование и наука в процессе реформ: социологический анализ / Под ред. Д.Л. Константиновского, Л.П. Веревкина. М.: ЦСП, 2003. 432 с.
24. Рощина Я.М. Чьи дети учатся в российских элитных вузах? // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 347–369.
25. Виштак О.В. Мотивационные предпочтения абитуриентов и студентов // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 135–138.

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕМЬИ

Представлен обзор ряда медико-социальных аспектов функционирования семьи. Рассматривается роль семьи как фактора здоровья индивида на медико-генетическом, индивидуально-психологическом и социально-ролевом уровнях функционирования. Дается социологическое объяснение протективной роли семьи для здоровья индивида, гендерных различий в продолжительности жизни и сравнительный анализ здоровьесберегающих практик в России и за рубежом. Отдельно рассматриваются вопросы психического здоровья, исследуются обычные представления о семьях с психически больными родственниками и факторы, определяющие сложившиеся установки.

Ключевые слова: семья, здоровье, семейное здоровье, социально-культурный контекст, медико-социальные аспекты функционирования семьи, психическое здоровье, здоровьесберегающие практики.

Благополучие семьи – интегральная категория, имеющая отношение к биологическому, психологическому и социальному уровням ее функционирования. Специфика социологического взгляда на семью состоит в исследовании социально-психологических, культурно-исторических и социально-политических аспектов функционирования семьи, причинно-следственной связи и взаимной обусловленности происходящих с ней процессов. Целью данной главы является рассмотрение семьи с точки зрения медико-социальных аспектов ее функционирования, во многом обуславливающих саму возможность ее создания и реализации основных функций. Именно данный аспект чаще всего остается вне сферы социологического анализа. Обращение к анализу роли семьи в процессе формирования здоровья индивида открывает широкие исследовательские перспективы, интегрирующее такие направления, как социология семьи, социология детства, социология медицины и здоровья, изучение социальных представлений и многие другие.

Признание важности медико-социальных аспектов функционирования семьи нашло отражение в проекте Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., где указывается: «Предупреждение преждевременного старения и преждевременной смерти – это не столько функция системы здравоохранения,

сколько задача всего общества, заинтересованного в поддержании установки на отказ от формирования вредных привычек, здоровый образ жизни. Одним из ключевых звеньев единой профилактической среды должна стать семья в партнерстве с государственными органами здравоохранения, работодателями, некоммерческими организациями и местными сообществами» [1].

Более того, в Концепции появляется понятие жизнеохранительной функции семьи, реализующейся в создании дополнительных условий для охраны репродуктивного здоровья детей и молодежи, популяризации идеи здорового образа жизни, ранней диагностики социально значимых заболеваний [1]. На семью возлагается важная задача, заключающаяся в обеспечении условий для формирования максимально возможного уровня здоровья у представителей различных поколений. Однако ее решение является результатом целого комплекса мероприятий, реализация которых и составляет суть семейного взаимодействия.

Роль семьи в процессе формирования образа жизни индивида через социализирующее воздействие – ключевой вопрос социологии медицины и здоровья. Впервые данная тема появилась в работах Т. Парсонса, в которых проблема индивидуального здоровья оказалась залогом стабильности всей социальной системы и вошла в число государственных приоритетов [2].

Соответствие определенным физическим кондициям, позволяющим быть эффективным членом общества, избегать болезней и преждевременной смерти, является в настоящее время одной из важнейших задач, стоящих перед индивидом. Необходимость быть здоровым стала и важной общественной ценностью, главным проводником которой в индивидуальное сознание является семья. Значимость семьи в процессе формирования индивида по праву признается ценностным инвариантом. В качестве первичного института социализации семья выступает основным агентом формирования базовых коммуникативных навыков, фундаментальных представлений о нормах поведения, плохом и хорошем, способах решения проблем. Сформированные в раннем детстве модели взаимодействия отличаются высокой устойчивостью, с трудом поддаются коррекции и на долгое время становятся основным ориентиром личности, определяя ее поведение в быту, в профессии и иных коммуникативных сферах.

Здоровье – едва ли не самый важный компонент жизни индивида, в формировании которого значительная роль принадлежит именно семье. Семья и здоровье – весьма перспективная, с точки зрения социологии,

диада, остающаяся в значительной мере вне сферы интересов гуманитарных наук. Это происходит в силу ряда причин: приоритета медицинского дискурса в вопросах, касающихся здоровья, приписывания индивиду исключительно личной ответственности за свое здоровье, большей заинтересованности состоянием здоровья и связанными с ним социальными проблемами отдельных групп и когорт: инвалидов, детей, подростков и т.д.

Семья как фактор здоровья может выступать в следующих ипостасях. Принимая во внимание биологическую природу человека, выделим, во-первых, важность наследственного фактора, обусловленного влиянием медико-генетических параметров родителей, особенностей генеалогического анамнеза и его проявлений на уровне конкретного индивида; во-вторых – особенности семейных представлений о здоровье, о путях его сохранения и факторах риска, прививаемые детям в процессе первичной социализации. Отдельно отметим интерес к обстоятельствам семейного анамнеза как к фактору формирования таких представлений. Наконец, в-третьих, необходимо упомянуть о поведенческом компоненте, реализующем на практике первые два и позволяющем установить соответствие между представлениями, декларируемыми ценностями и повседневными практиками в отношении здоровья. Рассмотрим эти аспекты более подробно.

Медико-биологический, или наследственно-генетический аспект семейного влияния оказывает, по сути, фундаментальное воздействие на уровень здоровья индивида и, как следствие, на успешность его функционирования в социальном пространстве. Сколько бы ни говорили о важности социализирующего воздействия внешней среды, окружения, воспитания, доминирующее воздействие на человека оказывают наследственные факторы. Именно родительские и – шире – наследственные особенности определяют индивидуальные склонности, способности и таланты. Напротив, генетическая детерминация каких-либо серьезных физических или психических нарушений, проявившихся у конкретного индивида, может не только поставить крест на успешной карьере, но и значительно сократить продолжительность жизни, поставить под угрозу исполнение других социальных ролей.

Роль наследственности как фактора здоровья трудно переоценить. Согласно выводам экспертов ВОЗ, взвесивших влияние различных факторов на здоровье человека, ее доля в общей структуре составляет 15–20%. Для сравнения: столько же приходится на состояние окружающей среды, 7–8% – на медицинское обслуживание, 55% – на образ

жизни и поведение индивида [3]. Однако роль наследственности как фактора нездоровья практически не подвергается анализу и оценке, что создает значительный разрыв в изучении медико-социальных аспектов функционирования семьи. Тем временем такие заболевания, как гипертония, сахарный диабет, онкологические, аутоиммунные и ряд психических нарушений – наиболее часто встречающиеся факторы снижения качества и продолжительности жизни – имеют доказанную наследственную природу.

Понятия «наследственный» и «генетический», понимаемые нами как синонимы, не являются идентичными друг другу. Под генетическими нарушениями в медицине понимают случаи изменений функциональных характеристик генов, ответственных за передачу определенных признаков, такие, как, например, нарушение цветопередачи при дальтонизме. Под наследственными болезнями мы понимаем наследование определенных предрасположенностей, характерных не только для родителей, но и для иных близких родственников в различных поколениях. Примером может быть наследование особенностей строения сердечно-сосудистой системы, обуславливающих развитие, например, гипертонической болезни, наблюдаемой у родственников различных поколений. Таким образом, если генетическое нарушение представляет собой состоявшуюся болезнь, врожденный порок развития, не поддающийся коррекции, подчас грубый и легко распознаваемый, то наследственные особенности являются благоприятным фоном для развития однотипных заболеваний в пределах одной семьи, что позволяет выстраивать определенные стратегии защитного поведения. Однако свои сложности есть и здесь.

Как и в случае с любыми другими заболеваниями, наследственные болезни имеют вероятностный характер, то есть в зависимости от комбинаций сопутствующих факторов могут проявиться или не проявиться даже на фоне повышенного риска развития. Это обстоятельство в сочетании с ограниченным доступом большей части населения к различным генетическим экспертизам затрудняет оценку индивидуальной подверженности тем или иным болезням и зачастую провоцирует пренебрежительное отношение к наследственному фактору.

Другую крайность, характеризующуюся сверхзабоченностью вопросами отягощенной семейной наследственности, ярко иллюстрирует случай с американской киноактрисой Анжелиной Джоли, сознательно решившейся на операцию по удалению обеих грудей после того, как выяснилось, что она является носителем гена, провоцирующего рак мо-

лочной железы, от которого некогда умерла ее мать. Несмотря на то что наличие этого гена обуславливает лишь определенную вероятность развития заболевания, количественная оценка которой практически невозможна, операция дала новый виток дискуссиям в медицинских кругах о перспективных направлениях в профилактике онкологических заболеваний.

К счастью, большинство наследственно обусловленных болезней можно компенсировать менее радикальными способами, которые к тому же повлекут за собой целый ряд здоровьесберегающих процедур: контроль уровня сахара, артериального давления, отказ от курения, снижение потребления алкоголя и многое другое. Индивиды, склонные к рефлексии и наблюдениям, обязательно отметят наличие относительно устойчивого повторения каких-либо хронических болячек в семейном анамнезе, соотнесут свои находки с особенностями своего организма и по возможности постараются спрогнозировать и минимизировать риски.

Рассмотрение семьи с точки зрения системного подхода также полезно при анализе медико-биологического аспекта ее функционирования. Совершенно очевидно, что в случае заболевания кого-то из членов семьи это окажет свое воздействие и на всех остальных, чему будет способствовать социально-психологическая и физическая теснота семейных связей. Речь идет не только о заразных инфекционных, паразитарных и прочих болезнях, легко передающихся от человека к человеку, но и об изменении внутрисемейного взаимодействия, которое станет одним из социальных последствий биологического феномена болезни. Это будет особенно заметно в случаях внезапно возникшей продолжительной необходимости в уходе за близким человеком вследствие приобретенной физической инвалидности, психического расстройства и т.д. Изменение внутрисемейных связей станет своеобразной компенсаторной реакцией, формирование которой может повлечь такие деформации, как созависимость, эмоциональное выгорание, социально-ролевые конфликты и многое другое. В этом случае семья станет еще и групповым объектом помощи, клиентом психологических и социальных служб.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о репродуктивных планах индивидов либо страдающих теми или иными наследственными заболеваниями, либо имеющих таковые в семейной истории. Чаще всего подобными вопросами задаются семьи, чей анамнез отягощен серьезным психическим расстройством: неясность этиологии большинства душевных болезней, слабые компенсаторные возможности, высокая степень дезадаптации и неизбежная стигматизация ребенка и семьи являются

серьезными поводами задуматься о перспективах продолжения рода. В ситуации ответственного родительства причинами беспокойства также могут быть психическое (и не только) заболевание первого ребенка и связанный с ним страх репликации инвалидности, поздний возраст рождения, опыт воздействия негативных физических и химических факторов на здоровье супругов и некоторые другие. Все это приводит к пониманию необходимости всевозможных генетических экспертиз с целью оценки степени риска родить больного ребенка.

Ответственное родительство в приложении к биогенетическому аспекту функционирования семьи будет выражаться еще и во внимании будущих родителей к своему образу жизни не только во время беременности, но и в процессе подготовки к ней. Поскольку процесс формирования половых клеток занимает несколько месяцев, в течение этого времени необходимо минимизировать факторы риска для будущего ребенка.

Как видно из вышеизложенного, медико-биологический аспект семейного влияния на здоровье находится в теснейшей взаимосвязи с индивидуальным поведением, на которое, в свою очередь, оказывают воздействие сформированные в процессе социализации представления, изучение которых позволит понять истоки привычек и традиций, оказывающих столь серьезное влияние на жизнь индивида. В последнее время можно наблюдать тенденцию к сближению позиций естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин в анализе роли медико-биологических факторов семейного благополучия. Одной из точек их соприкосновения является опосредующая роль семьи в проявлении генетически обусловленных особенностей организма. Например, в исследовании Молли А. Мартина, посвященном эпидемии подросткового ожирения в США и роли наследственности в его распространении, выдвигается тезис о том, что традиционные подходы поведенческой генетики, науки, занимающейся изучением наследственных факторов различных нарушений в сфере здоровья и поведения, оказываются недостаточными. Это происходит в силу недооценки влияния семейных факторов на статистику недуга [4]. Одной из ведущих переменных в данном анализе оказывается жизненный стиль семьи, включающий в себя такие компоненты, как режим питания, уровень образования родителей и их происхождение. Влияние этих факторов опосредует особенности генетических комбинаций и выводит нас на традиционную дискуссию о соотношении биогенетического и социогенетического в личности.

Говоря о жизненном стиле семьи, возможностях его трансформации и коррекции, необходимо понять истоки его формирования, изучить совокупность убеждений и представлений, составляющих суть семейного влияния на здоровье индивида. Изучение семейных представлений о здоровье – чрезвычайно интересная тема, выводящая исследователей на важность субъективного восприятия проблемы, выступающего в роли основного генератора поведенческих стратегий. Она включает в себя несколько аспектов.

Во-первых, это представления о здоровье и болезни как таковые (так называемые, health beliefs) на уровне отдельной семьи, формирующиеся под влиянием индивидуального и общего семейного опыта и зачастую противоречащие существующим медицинским аксиомам. Сюда же входят устойчивые конструкты относительно факторов динамики состояния индивида, а также традиционные для семьи модели объяснения здоровья и болезни. Примером могут быть нездоровые, по мнению официальной медицины, пищевые предпочтения, вредные привычки, образ жизни и поведенческие практики, не осуждаемые или даже оправдываемые отдельными членами семьи. Например, случаи онкологических заболеваний могут списываться на разовое нервное потрясение, а не на многолетнее курение или алкоголизацию: в самом деле, человек курил больше полувека, не испытывая никаких проблем со здоровьем, которые начались как раз после сильного стресса и т.д. Во многом такая тактика или носит характер компенсации когнитивного диссонанса (оправдывается индивидуальная неспособность бросить курить, пить, неправильно питаться), или является защитной мерой, позволяющей чувствовать себя в безопасности, отгородившись от первичных факторов болезни. Тем временем жизненный опыт и субъективные представления будут диктовать именно такие стратегии здоровьесбережения.

Во-вторых, при исследовании семейных health beliefs большой интерес представляет изучение обстоятельств семейного анамнеза, данные которого могут быть весьма полезными для понимания индивидуального поведения в отношении здоровья. Осведомленность взрослых членов семьи о болезнях, появляющихся с заметным постоянством из поколения в поколение в их роду, может стать отправной точкой для формирования защитных стратегий. Как уже было сказано, некоторые формы сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, зависимостей, психических расстройств и некоторых других болезней имеют наследственную природу, что позволяет оценивать соответствующие риски.

Еще одним фактором проявления интереса к семейному анамнезу может быть попытка объяснения поведенческой составляющей в фор-

мировании отношения к врачам. Неудачный или, тем более, трагический опыт обращения к докторам даже в отдаленном семейном анамнезе может сформировать стойкое недоверие к представителям данной профессии у молодых членов семьи, заставить их до последнего оттягивать визит к врачу или обращаться к альтернативным формам медицины. Отчасти именно этим обстоятельством вкупе с ограниченной доступностью медицинского обслуживания и общей медицинской неграмотностью населения можно объяснить распространение весьма экзотических и зачастую опасных форм околomedicalных практик в начале 90-х гг. XX в.

Наконец, особый интерес вызывает именно поведенческий компонент, те практики, которые используют члены семьи для поддержания здоровья. В отличие от первых двух аспектов, носящих выраженный декларативный характер, поведение индивида демонстрирует реальный уровень обеспокоенности своим здоровьем и степень ограничений, на которые он готов пойти. Намерение изменить что-либо в пользу здорового образа жизни или отказаться от вредных привычек не означает действительного изменения поведенческой модели. Индивид может долго жить по-прежнему, взвешивая все «за» и «против», обещая начать новую жизнь с понедельника или какой-нибудь другой значимой даты.

Существование различных подходов к своему здоровью очевидно. Хорошей иллюстрацией может послужить исследование, проведенное в 2007 г. А.М. Калининой, А.В. Концевой, М.Г. Омеляненко [5]. Ими были выделены три модели профилактического поведения, различающиеся по степени осознания пациентами своих проблем и готовности что-либо менять. Первая поведенческая модель характеризуется неосознанной потребностью в профилактическом поведении, а то и полным отсутствием таковой. При этом пациенты знают о наличии у них факторов риска (курение, избыточная масса тела, низкая физическая активность, стресс), но не желают их корректировать. Вторая модель объединяет пациентов с осознанной потребностью, которая тем не менее не отражается на их поведении при наличии тех же факторов риска. Эти пациенты ничего не предпринимают для их снижения (возможно, из-за незнания того, что нужно делать в каждом конкретном случае). Третья поведенческая модель характеризуется наличием осознанной, но неудовлетворенной потребности редукации факторов риска и желанием исправить ситуацию. Единственным тормозом является неуверенность в своих силах и необходимость обратиться за помощью к специалисту.

В результате замеров, произведенных на территории Московской и Ивановской областей, было выяснено, что модели профилактического поведения пациентов в отношении ряда поведенческих факторов имеют гендерные различия: не желали снижать массу тела 33.7% мужчин и только 17.2% женщин. Мужчины достоверно реже (21.7%) по сравнению с женщинами (37.7%) были готовы к снижению избыточной массы тела самостоятельно. Выявлено и различие распространенности изучаемых моделей профилактического поведения при высоком стрессе в зависимости от пола. Так, не было ни одной женщины с высоким уровнем стресса, которая не хотела бы его корригировать, в то время как среди мужчин доля таких лиц составила 60.9%. Соответственно у женщин по сравнению с мужчинами достоверно чаще встречалась вторая поведенческая модель [5]. Отметим, однако, что эти данные были собраны у посетителей поликлиник, что явно смещает выборку в сторону лиц, проявляющих хотя бы минимальную заботу о своем здоровье.

Вопрос о мотивировании индивида на принятие активных стратегий здоровьесбережения является еще одним медико-социальным аспектом функционирования семьи. Идеальным вариантом могла бы стать интернализация здоровья как высшей индивидуальной ценности, подкрепляемая и финансовыми стимулами, что имеет место в большинстве стран Западной Европы и США. Так, в странах с развитой системой частного страхования здоровья и жизни одним из факторов, учитываемых в актуарных расчетах, является так называемая семейная история – life history. Желающие застраховаться, в чьих семьях были, например, случаи онкологических заболеваний, будут вынуждены выплачивать большие страховые премии, нежели те, в чьей семейной истории таковых не было. Наличие серьезных заболеваний в прошлых поколениях повышает вероятность их возникновения у конкретного страхователя и обуславливает потребность в дорогостоящих и высокотехнологических видах медицинской помощи. Конечно, список патологических состояний, повышающих премиальный коэффициент страховых компаний, значительно шире, что формирует прямую материальную заинтересованность индивидов как в сохранении собственного здоровья, так и во внимании к особенностям генеалогического анамнеза своей семьи.

Однако составление генеалогического древа своей семьи в контексте здоровья имеет прежде всего не финансовую, а медицинскую подоплеку и связано с повышением личной ответственности индивида за свое здоровье. По справедливому замечанию У. Кокерхэма, в настоящее время здоровье рассматривается уже не как данность, а как достижение, ре-

зультат спланированных и систематических мер по его поддержанию и сохранению [6]. Первым шагом на этом пути должно оказаться исследование семейного анамнеза, в ходе которого будут выявлены специфические для конкретной семьи проблемы. В настоящее время данная практика получила широкое распространение за рубежом. Например, в США существует огромное количество вариантов опросников, схем и шаблонов, позволяющих составить медицинскую историю отдельной семьи, разработана система символов и обозначений для различных степеней родства и иных отношений, отображения важнейших событий и фактов: дат рождений, возраста и причин смерти ее членов [7]. В результате формируется наглядная схема, позволяющая сделать выводы относительно факторов риска в каждом конкретном случае.

Содержательно история семейного здоровья состоит из следующих блоков.

Помимо традиционной паспортки, включающей в себя данные о поле, возрасте, брачном статусе, профессиональной деятельности и иных характеристиках опрашиваемого, важной частью является этническое происхождение. Например, связь между цветом кожи и определенными болезнями доказана достаточно давно и является важной исследовательской проблемой в полиэтнических обществах. Так, для чернокожего населения США весьма характерны достаточно низкая, по сравнению с остальными этническими группами в США, продолжительность жизни и относительно высокая смертность. В разные годы эти различия достигали 8.2 года у мужчин и 7.8 лет у женщин. Успехи медицины, выравнивание социально-экономического положения основной массы афроамериканского населения привели к тому, что в период с 1950 по 2006 гг. ожидаемая средняя продолжительность жизни чернокожего населения США значительно увеличилась: мужчины стали жить в среднем дольше на 8.4 года, женщины – на 13.6 лет. Однако разрыв сохраняется: в настоящее время афроамериканские женщины живут на 4.1 года, а мужчины на 6 лет меньше, чем их белые соотечественники [8].

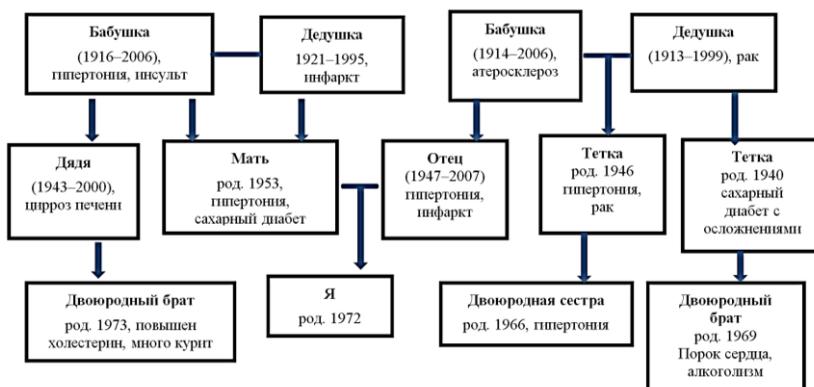
Следующий блок – оценка своего состояния и состояния партнера, наличие вредных привычек, хронических заболеваний, прописанных лекарств и соблюдение режима их применения. Существует немало состояний, при которых отсутствуют острые манифестирующие проявления, что не снижает их опасности в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Речь идет о повышенном уровне в крови холестерина и сахара, начальных стадиях гипертонической болезни, что может найти свое отражение и в семейном анамнезе.

Далее дается список патологических состояний, касающихся различных органов, систем или различных состояний, которые могли иметь место у родственников респондента или у него самого: слепота и глухота, возникшие до 40-летнего возраста, аутизм, диабет, менопауза в возрасте до 40 лет, тромбозы глубоких вен, эмболия легочной артерии, серповидно-клеточная анемия, сердечнососудистые заболевания (особенно инфаркты), инсульты, ментальные нарушения, случаи внезапной смерти, спонтанного или искусственного прерывания беременности, поражения почек и печени, гемофилия и некоторые другие заболевания. При заполнении этих форм необходимо делать пометки относительно того, страдали ли родственники опрашиваемого какой-либо из перечисленных форм нарушений с обязательным указанием степени (отдаленности) и линии родства. Если особенности семейного анамнеза не отражены в представленном списке, респондентам предлагается внести свои ответы в формате открытого вопроса.

Еще одним параметром, подвергающимся оценке в семейном анамнезе, являются близкородственные связи между партнерами/родителями, относительно которых необходимо сделать соответствующие пометки.

Кроме письменных форм семейного анамнеза существуют также графические, представляющие данный материал максимально наглядно и доходчиво в виде дендритных схем.

Это выглядит примерно следующим образом:

Создатели опросников включают и пункт, касающийся обстоятельств появления респондента в семье: он может быть как родным ребенком, так и усыновленным. Во втором случае данные семейного анамнеза не будут играть большой роли при формировании здоровьесберегающих стратегий, но станут еще одним фактором интеграции приемного ребенка за счет получения им более детальных знаний о своей неродной семье.

Может возникнуть вопрос, кто же является потребителем подобного рода информации. Во-первых, полученные дендриты и графики полезны врачам, которые могут соотнести имеющиеся проблемы в семейном анамнезе с текущим состоянием больного, оценить риски проявления тех или нарушений в каждом конкретном случае. Во-вторых, данные семейной истории могут быть интересны непосредственным потребителям медицинских услуг, для которых информированность может стать первым шагом на пути формирования ответственного здоровьесберегающего поведения.

Роль семьи в сохранении и поддержании здоровья – также весьма популярный сюжет для исследований в зарубежной социологии и социальной психологии. Так, работы К.А. Викрама, Р. Конджера, Л. Уоллас и Г. Элдера посвящены проблемам формирования нездорового образа жизни у подростков, а также роли родителей в процессе усвоения вредных привычек [9]. Их исследование проводилось в период 1998–2004 гг., носило лонгитюдный характер, выборка составила 330 подростков из полных семей. Один из главных вопросов, стоявших перед авторами, касался путей формирования вредных привычек: являются они единичными проявлениями, усвоенными в процессе социализации от своих родителей, или это симптом более широкого круга явлений, который авторы обозначают как нездоровый стиль жизни, основанный на соответствующих социальных установках. Другими словами, перенимают ли подростки отдельные вредные привычки или нездоровый стиль жизни своих родителей в целом или же трансляция поведенческих образцов происходит обоими путями. Составляющими нездорового стиля жизни авторы назвали злоупотребление алкоголем, курение, хроническое недосыпание, неадекватные энергетическим затратам питание и малоподвижный образ жизни. В результате оказалось, что подростки в большей степени перенимают вредные привычки своих отцов; во многом это связано с тем, что у матерей их меньше. При этом четко прослеживается гендерная симметрия: сыновья склоняются к отцовским привычкам, дочери – к материнским. Однако если говорить о нездорово-

вом жизненном стиле в целом, то материнское негативное влияние оказывается значительно сильнее.

Другим вопросом влияния семьи на здоровье, глубоко проникшим и в обыденный дискурс, являются причины, по которым женатые мужчины живут дольше, чем ни разу не побывавшие в браке, овдовевшие и разведенные. Эвристически можно выдвинуть три основные гипотезы, объясняющие данное обстоятельство.

Первая гипотеза заключается в том, что статус женатого мужчины в большинстве случаев обеспечивает размеренный образ жизни. Регулярное питание, во многом подчиненное более здоровым пищевым практикам жены, снижает риски, которые несет с собой привычный для холостяка фаст-фуд. Наличие строгого контроля со стороны второй половины заставляет корректировать некогда привычные, но нездоровые поведенческие практики, в том числе вредные привычки. Упорядоченное сексуальное поведение снижает риск случайных связей и появления различных инфекций, оказывающих комплексное негативное влияние на организм. Необходимость подстраиваться под общий распорядок дня, совместные акции и прочие радости семейной жизни очень скоро позволяют ощутить все ее преимущества, в том числе связанные с состоянием здоровья.

Вторая гипотеза, менее оптимистичная, позволяет предположить, что мужчины, способные на вступление в брак, рождение и воспитание детей, от природы более сильны, нежели те, кто на этот шаг не решается. Другими словами, мужчины, живущие в браке, смогли бы прожить дольше остальных и без брака в силу больших запасов жизненной энергии, здоровья и силы.

Третья гипотеза отсылает нас к роли активно действующего интенционального субъекта, способного на модификацию своего поведения в связи с новыми обстоятельствами, которые открыла перед ним семейная жизнь. Чувствуя ответственность за подрастающее поколение и свою вторую половину, индивид отказывается от вредных привычек, начинает контролировать уровень сахара и холестерина, показатели артериального давления, внимательнее следит за болезнями, передающимися из поколения в поколение в его семье и многое другое.

В исследовании Национального бюро статистики здравоохранения США, проводившегося в период 1997–2001 гг. и охватившего в общей сложности около 160000 респондентов, изучался так называемый «парадокс morbidity» [10]. Его суть заключается в том, что женщины, в большинстве своем оценивающие свое здоровье как плохое или неудовлетворительное, все же живут ощутимо дольше мужчин. Этот биоло-

гический инвариант является известной темой научных изысканий. Данный парадокс объясняется тем, что женщины в большей мере склонны обращаться к врачам по каждому поводу, который покажется им угрожающим для здоровья, тем самым повышая вероятность ранней диагностики серьезных заболеваний. В подобную активность вовлекаются чаще всего и их мужья, чье состояние вследствие усиления спроса на медицинское обслуживание начинает улучшаться даже на общем благоприятном фоне. Весьма характерно, что подобное поведение сохраняется у разведенных и овдовевших мужчин, что выгодно отличает их от тех, кто никогда не состоял в браке.

Подобная картина характерна и для стран Восточной Европы. В работе М. Печхолдовой из Университета Экономики (Прага) и Г. Шамановой из Чешской Академии наук рассматривается зависимость продолжительности жизни от брачного статуса в различные периоды развития чешского (чехословацкого) общества с послевоенного времени до 2010 г. Данное исследование, результаты которого в принципе согласуются с предыдущими выводами, представляет ценность в силу включения в анализ макросоциологических переменных, таких, как особенности политического строя, динамика ценностей в эпоху социальных изменений, а также характер трансформации институтов семьи и брака и их влияние на продолжительность жизни населения [11].

Авторы также выделяют положительную роль семейной жизни на здоровье граждан, уровень которого непрерывно повышался даже в наиболее драматическую эпоху конца 80-х гг. XX в. Особенно стоит отметить, что мужчины получают от женитьбы гораздо больше предпочтений, нежели женщины от замужества. Изменения в уровне здоровья и продолжительности жизни замужних женщин оказываются практически такими же, что и у тех, кто никогда не состоял в браке. Более того, распространение сожительства среди овдовевших и разведенных мужчин также играет им на руку: квазисемейные формы отношений оказывают протективное воздействие на состояние здоровья и продолжительность жизни. С другой стороны, распространение сожительства в молодежной среде привело к заметному росту мужской смертности в данной возрастной категории. По всей видимости, виной всему отсутствие опыта здоровьесбережения, характерного для семейных пар, а также свойственный молодежи рискованный образ жизни, включающий в себя наркотизацию, увлечение экстремальными видами спорта и иные формы расширения индивидуального опыта в ущерб своему здоровью.

Для иллюстрации актуальной ситуации в России обратимся к результатам международного сравнительного лонгитюдного «Европейского социального исследования» (European Social Survey – ESS), реализуемого с 2001 г. В нем принимают участие около 30 стран, в каждой из которых раз в два года осуществляется сбор данных, касающихся различных сторон жизни индивида и общества, в том числе медико-социальных аспектов функционирования семьи. В ходе каждой волны собирается порядка 50000 интервью, в среднем по 1500 в каждой стране, участвующей в исследовании [12].

По результатам исследования, дифференциальных показателей смертности по критерию брачного статуса обнаружить не удалось, что является следствием объективных причин. Так, А.Б. Синельников отмечает: «К сожалению, в современной России учет дифференцированной смертности по брачному состоянию практически невозможен. И не только в России. Дело не только в несовершенстве существующих форм статистической отчетности... Данные ... о распределении населения по брачному состоянию имеются только в материалах переписей населения. При переписи все сведения записываются со слов опрошенных. Они указывают свое фактическое брачное состояние, которое во многих случаях отличается от юридического брачного состояния, зафиксированного в их документах» [13].

Тем не менее анализ данных позволяет авторам сделать следующие выводы. В возрастах до 30 лет брачный статус практически не влияет на состояние здоровья (точнее, на самооценку медицински обусловленных ограничений в повседневной жизненной активности). В этих возрастах как среди мужчин, так и среди женщин преобладают никогда не состоявшие в браке и еще не действует фактор естественного отбора, согласно которому вне брака остаются главным образом больные люди. Кроме того, молодые люди этих возрастов, не состоящие в браке, как правило, проживают вместе с родителями (тоже еще не старыми), которые заботятся об их здоровье и налаженном быте не хуже, чем супруги.

Среди мужчин в возрастах от 30 до 44 и от 45 до 59 лет, а также среди женщин в возрастах от 45 до 59 лет либо 60 лет и старше состояние в браке несколько снижает риск появления таких ограничений, а пребывание вне брака, напротив, увеличивает этот риск.

В возрасте 30–44 лет никогда не состоявшие в браке мужчины сталкиваются с ограничениями по состоянию здоровья заметно чаще, чем женатые (31% против 19%). В данном случае действует фактор естественного отбора (больным труднее вступить в брак). Кроме того, в

этих возрастах среди не состоящих в браке многие люди вообще не имеют семьи – и никто о них не заботится, либо их родители уже старые и сами нуждаются в помощи и уходе со стороны детей.

Есть основания полагать, что факторы естественного отбора и «реального одиночества» продолжают действовать и в более старших возрастах. Однако численность никогда не состоявших в браке мужчин-респондентов старше 45 лет очень мала, поэтому различия между самооценками состояния здоровья у холостых и женатых мужчин в этих возрастах статистически не значимы.

Среди женщин, не состоящих в браке, наиболее проблемная по состоянию здоровья категория – это вдовы. 56% вдов от 45 до 59 лет имеют ограничения по состоянию здоровья. Это на 14% больше, чем среди замужних женщин в том же возрасте. Среди вдов старше 60 лет данный показатель на 12% выше, чем среди их замужних ровесниц (81% против 69%). Эти различия статистически достоверны. Для женщин моложе 45 лет таких различий нет, вероятно, потому, что численность вдов-респонденток в этих возрастах незначительна [13].

Следует отметить, что оценка респондентами состояния здоровья носила субъективный характер и не была подкреплена какими-либо медицинскими документами. Парадокс этих данных в том, что мужчины склонны к субъективному завышению оценок, считая себя в итоге куда более здоровыми, нежели женщины; при этом средняя продолжительность жизни женщин почти на 12 лет превышает мужскую. Видимо, российские мужчины склонны до конца откладывать визит к врачу даже в случае тяжелых заболеваний, перекладывая груз ответственности за свое здоровье на женские плечи.

Этот тезис подтверждается данными исследования, проведенного ВЦИОМ в 2014 г. Согласно полученным данным, 83% женщин и 65% мужчин в той или иной степени поддерживают утверждение, что именно женщины отвечают за здоровье в семье. Не согласны с данным утверждением 30% мужчин и лишь 14% женщин. Самыми популярными оздоровительными мероприятиями являются физическая активность, переход на здоровое питание и борьба с курением (31%, 29% и 26% соответственно). Меньшим вниманием пользуются профилактический осмотр у медицинского специалиста, борьба с излишним потреблением алкоголя и приём специальных препаратов, снижающих риск развития сердечно-сосудистых заболеваний (18%, 18% и 12% соответственно) [14]. Однако следует отметить два важных обстоятельства.

Во-первых, не все опрошенные женщины хорошо осведомлены о факторах риска сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ). Точка зрения женщин на причины возникновения ССЗ радикально отличается от мнения специалистов: 62% женщин уверены, что основная причина ССЗ – стресс. Медики же считают, что причины связаны с факторами риска (курением, злоупотреблением алкоголем и т.д.) и недостатком физических нагрузок.

Во-вторых, статус женатого мужчины в России в большей степени, чем где бы это ни было, вовсе не обязательно гарантирует получение всех тех преференций, о которых шла речь выше. Материальные проблемы, отсутствие культуры отношений, индивидуализация, эгоизм, алкоголизация, кризисные явления на уровне института семьи могут сделать семейную жизнь дополнительным фактором стресса, вносящим свой огромный вклад и в статистику разводов, и в показатели распространенности ССЗ в населении.

Отметим, что роль брака как фактора стресса уже давно была предметом исследовательского интереса за рубежом. Например, еще в 1967 г. американские ученые Т. Холмс и Р. Раэ разработали шкалу для оценки уровня индивидуального стресса [15]. На основании продолжительных исследований, в ходе которых было опрошено около 5000 респондентов, авторы построили ранжированный ряд из 43 различных негативных событий, которые могли произойти с человеком за год. Наихудшим событием с максимальным весом в 100 баллов, по мнению авторов, является смерть супруга/супруги; самым легким стрессом – эмоциональное потрясение после нарушения правопорядка, например, правил дорожного движения – 11 баллов. Вступление в брак оказалось на седьмом месте с весом в 50 баллов. Это кажется вполне оправданным с учетом тех трансформаций привычного уклада жизни, с которыми связано изменение брачного статуса особенно в течение первых месяцев и даже лет. Однако учитывая тот факт, что потеря брачного партнера оказывается все же самым сильным стрессом, логично предположить, что положительные переживания опыта семейной жизни в конце концов с лихвой компенсируют ограничения начального периода.

Последним аспектом, которого хотелось бы коснуться в рамках данной работы, является психическое здоровье, с одной стороны, во многом определяющее семейное благополучие, а с другой – являющееся следствием сложившихся в семье отношений. Многие из относящегося к данному аспекту, например, проблемы семей, имеющих родственников с особенностями психического развития, оценка психологического бремени, связанного с уходом за ним, были рассмотрены нами ранее

[16]. Новой темой в рамках психосоциальной работы является изучение образов семьи с психически больным в массовом сознании, в значительной степени определяющих специфику взаимодействия с социальным окружением.

Тот факт, что психическая болезнь и ее носители в массовом сознании наделены негативными чертами, доказывается целым рядом зарубежных исследований, проводившихся еще с начала 50-х гг. XX в. Их авторы отмечали, что психическая болезнь в отличие от соматической, вызывает у опрошенных отвращение и нежелание помочь, а психически больные ассоциируются с преступным поведением, сексуальными отклонениями и прочими опасностями на фоне абсолютной социальной бесполезности [17]. Так же мрачно виделись респондентам и перспективы лечения психически больных и их интеграция в общество. Именно в контексте изучения данного предмета получил широкое распространение термин «стигматизация», ставший вскоре универсальной категорией для объяснения любых девиаций в рамках всего интерпретативистского подхода.

Отечественная наука от подобных споров была далека. Авторское исследование, о котором пойдет речь далее, призвано восполнить образовавшийся пробел. Работа велась методом анкетного опроса с использованием цифровых систем сбора и ввода данных. Всего было опрошено 488 респондентов. Исследовательский инструментарий включал в себя следующие блоки. В первом блоке рассматривались представления обыденного сознания о психической болезни. Второй блок был направлен на измерение установок относительно психически больных и тех характеристик, которыми они наделены. Третий блок был посвящен исследованию представлений о семьях психически больных, что является отдельным элементом научной новизны. Последний блок вопросов касался социально-демографических характеристик респондентов, которые могли быть факторами формирования тех или иных установок: пол, возраст, уровень образования, наличие опыта общения с психиатрическими пациентами в семейном анамнезе или в близком окружении. Этот блок содержал также вопросы, касающиеся отдельных сторон функционирования семьи с психически больным родственником – такие, как установки, касающиеся их репродуктивных планов, динамики взаимодействия с окружающей средой и т.д.

Гипотеза о наличии неоднозначных и спорных представлений относительно психически больных и членах их семей в целом подтвердилась, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1

**Распределение средних оценок по шкале восприятия семьи
с психически больным ребенком**

Высказывание	Средняя оценка	St. Devia- tion
Семьи с психически больным ребенком вызывают у меня сочувствие	4.35	1.00
От таких семей стоит держаться подальше	1.93	1.14
Семьи с психически больным ребенком вызывают у меня желание помочь	3.48	1.24
Если бы ребенок моих друзей заболел психическим расстройством, это не изменило бы моего отношения к ним	4.38	1.09
Я бы не стал общаться с семьей, узнав, что в ней воспитывается ребенок с психическим расстройством	1.68	1.16
Яблоко от яблони недалеко падает, а значит, и с родителями психически больного ребенка что-то не так	1.95	1.26
Родители не виноваты в том, что в их семье родился психически больной ребенок	3.54	1.34
Общаться с такими семьями тягостно	2.79	1.22
Если бы в моей семье был психически больной ребенок, мне было бы очень стыдно признаться в этом окружающим	2.59	1.38
Мне бы не хотелось жить по соседству с такой семьей	2.56	1.27
Такие семьи были бы намного счастливее, если бы отказались от психически больного ребенка, отдали бы его в специальное учреждение	2.03	1.25

Как видно из представленной таблицы, семьи с родственниками, имеющими особенности психического развития, вызывают двойственное чувство. Когда речь идет об аспектах, не требующих взаимодействия, респонденты демонстрируют благодушие и высокую степень понимания: они не перестали бы общаться со своими друзьями, если бы заболели их дети, не склонны возлагать вину за психическое нарушение ребенка на родителей, испытывают к ним сочувствие и желание помочь. Однако картина несколько меняется, когда речь заходит о поведенческом компоненте. Например, соседство с семьей психически больного не вызывает энтузиазма, респондентам было бы тягостно общаться с

ними; также опрошенные находятся в плену стигматизации, о чем свидетельствует чувство стыда перед окружающими, которое возникло бы случае появления в их семье особенного ребенка.

В таблице 2 содержатся результаты использования семантического дифференциала при оценке характеристик семей, имеющих в своей структуре ребенка с особенностями психического развития по шкале от «-3» до «+3».

Таблица 2

**Оценка характеристик семей
с психически больными детьми**

Характеристики семей	Средняя оценка	St. Deviation
Несчастливые / Счастливые	-1.07	1.46
Безрадостные / Веселые	-0.75	1.38
Безнадежные / Перспективные	-0.29	1.36
Невежественные / Интеллигентные	0.45	1.28
Бездеятельные / Активные	0.81	1.39
Напряженные / Расслабленные	-0.82	1.41
Черствые / Душевные	0.82	1.39
Слабые / Сильные	1.17	1.62
Бедные / Богатые	-0.17	1.01
Неполные / Полные	-0.17	1.28
Неблагополучные / Благополучные	-0.11	1.21
Обиженные на весь мир / Благожелательные	-0.01	1.41
Замкнутые / Открытые	-0.19	1.51
Уставшие / Одухотворенные	-0.76	1.49
Зациклены на своих проблемах / Имеют увлечения и хобби	-0.19	1.68

Как видно из таблицы, большинство характеристик находится в отрицательном поле континуума, а положительные значения за редким исключением стремятся к нулю. Это свидетельствует о наличии в массовом сознании негативного образа семьи, отягощенной проблемами психического нездоровья. Даже факт признания таких семей скорее сильными, нежели слабыми, и скорее активными, чем бездеятельными, указывает на понимание респондентами всех трудностей, с которыми сталкиваются эти семьи в повседневной жизни.

Особый интерес представляют факторы формирования тех или иных установок у различных групп респондентов. Характеристики респондентов, являющиеся факторами дифференциации данных, были пере-

числены выше (пол, возраст и т.д.). Некоторые результаты оказались вполне предсказуемыми: женщины заметно мягче в оценках, нежели мужчины; молодые респонденты (18–23 лет) лояльнее тех, кому за 35; опрошенные с высшим образованием в целом менее радикальны по сравнению с выпускниками техникумов и ПТУ; респонденты, относящие себя к среднему классу и считающие себя состоятельными, не так строги к семьям с психически больными детьми, как те, кто определяет себя как малоимущих. Отметим, что последнее обстоятельство подтверждает данные известных исследований о повышенной стигматизационной готовности у низкостатусных социальных групп [18].

Особый интерес заслуживает тот факт, что весомым дифференцирующим фактором оказалась осведомленность о наличии психически больных в семейном анамнезе или в близком окружении. Для иллюстрации данного тезиса обратимся к таблице 3.

Таблица 3

**Распределение оценок
по фактору осведомленности**

Высказывание	да			нет			не знаю		
	средняя	всего	стандартное отклонение	средняя	всего	стандартное отклонение	средняя	всего	стандартное отклонение
Семьи с психически больным ребенком вызывают у меня сочувствие	4.40	103	1.003	4.36	277	.996	4.28	106	1.012
От таких семей стоит держаться подальше	1.75	103	1.082	1.93	276	1.123	2.09	106	1.223
Семьи с психически больным ребенком вызывают у меня желание помочь	3.50	103	1.251	3.45	275	1.238	3.53	106	1.259

Если бы ребенок моих друзей заболел психическим расстройством, это не изменило бы моего отношения к ним	4.42	103	1.142	4.42	276	1.050	4.25	106	1.137
Я бы не стал общаться с семьей, узнав, что в ней воспитывается ребенок с психическим расстройством	1.44	103	.936	1.70	277	1.143	1.88	106	1.350
Яблоко от яблони недалеко падает, а значит, и с родителями психически больного ребенка что-то не так	1.68	103	1.122	1.99	277	1.231	2.14	106	1.431
Родители не виноваты в том, что в их семье родился психически больной ребенок	3.57	103	1.404	3.52	277	1.331	3.56	106	1.295
Общаться с такими семьями тяжело	2.57	103	1.201	2.83	277	1.188	2.92	106	1.281
Если бы в моей семье был психически больной ребенок, мне было бы очень стыдно признаться в этом окружающим	2.49	103	1.349	2.60	277	1.389	2.68	106	1.391

Мне бы не хотелось жить по соседству с такой семьей	2.39	103	1.174	2.57	274	1.283	2.66	106	1.301
Такие семьи были бы намного счастливее, если бы отказались от психически больного ребенка, отдали бы его в специальное учреждение	2.04	103	1.244	1.98	275	1.232	2.19	106	1.303

Респондентам был задан вопрос о том, были ли в их семье или ближайшем окружении лица с особенностями психического развития (с вариантами ответов «да», «нет» и «не знаю»). Как видно из таблицы 3, наиболее категоричными являются респонденты, не располагающие данными о наличии проблем с психическим здоровьем у кого-либо из своих близких или друзей. Данный факт сам по себе обращает на себя внимание, поскольку психическое нарушение чаще всего трудно скрыть и незнание о нем свидетельствует либо о безразличии к социальному окружению, в том числе самому близкому, либо о незаинтересованности вопросами здоровья, прежде всего собственного. Так или иначе, незнание, являющееся следствием незаинтересованности, подталкивает респондентов к более радикальным оценкам, внося свой вклад в социальную сегрегацию, дезинтеграцию и, в конечном итоге, эксклюзию.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что семья с точки зрения медико-социальных аспектов функционирования представляет собой чрезвычайно интересный исследовательский объект, в котором интегрируются все уровни функционирования индивида и общества от биогенетических оснований человеческого организма до формирования индивидуального поведения и социальных реакций на определенные типы семьи. Стиль семейного воспитания усиливает или, напротив, компенсирует врожденные склонности, а образ жизни способен в конечном итоге свести к нулю биогенетические ресурсы организма.

Влияние семейной жизни на здоровье индивида также не является однозначным и однонаправленным: например, замужество не является

фактором здоровья женщины в той же степени, в какой женитьба оказывается полезной для мужчины. Более того, защитное действие семьи может вообще не актуализироваться в силу деструктивного характера отношений между супругами.

В качестве основных «белых пятен», с которыми мы столкнулись в процессе подготовки главы, отметим отсутствие исследований, посвященных здоровью семьи в межпоколенном контексте, наличие устойчивых представлений о здоровье и его рисках, преемственности традиций здоровьесберегающего поведения. Другим аспектом, вызывающим интерес, являются непосредственно практики здоровья у представителей различных социальных групп, оказывающиеся результатом интернализации обыденных концепций здоровья. Знание этих сторон жизни семьи является отправной точкой при формировании государственных и муниципальных программ здоровьесбережения семьи – конечной цели реализации всех приоритетных направлений социальной политики.

Список литературы

1. Проект Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/90> (дата обращения 07.07.2014).
2. Parsons T. The social system. London, Routledge, 1991. 575 p.
3. The determinants of health. Сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: <http://www.who.int/hia/evidence/doh/en/> (дата обращения 08.07.2014).
4. Martin M.A. The Intergenerational Correlation in Weight: How Genetic Resemblance Reveals the Social Role of Families // American Journal of Sociology. 2008. Vol. 114. № S1. P. 67–105.
5. Калинина А.М., Концевая А.В., Омеляненко М.Г. Оценка моделей профилактического поведения пациентов первичного звена здравоохранения в отношении факторов риска основных сердечно-сосудистых заболеваний // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. 2008. № 4. С. 3–8.
6. Cockerham W.C. Health Lifestyle Theory and the Convergence of Agency and Structure // Journal of Health and Social Behavior. 2005. Vol. 46. № 1. P. 51–67.
7. <https://familyhistory.hhs.gov/fhh-web/familyHistory/start.action> (дата обращения 16.08.2014).
8. Williams D.R., Sternthal M. Understanding Racial-ethnic Disparities in Health: Sociological Contributions // Journal of Health and Social Behavior. Vol. 51. Extra Issue: What Do We Know? Key Findings from 50 Years of Medical Sociology (2010). P. S15–S27.
9. Wickrama K.A.S., Conger R.D., Wallace L.E., Elder G.H. The Intergenerational Transmission of Health-Risk Behaviors: Adolescent Lifestyles and Gender

Moderating Effects // *Journal of Health and Social Behavior*. 1999. Vol. 40. № 3. P. 258–272.

10. Gorman B.K., Read J.G. Gender Disparities in Adult Health: An Examination of Three Measures of Morbidity // *Journal of Health and Social Behavior*. 2006. Vol. 47. P. 95–110.

11. Pechholdova M., Šamanova G. Mortality by marital status in a rapidly changing society: Evidence from the Czech Republic // *Demographic research*. 2014. Vol. 29. Article 12. P. 307–322.

12. Официальный сайт Европейского социального исследования в России. – URL: www.ess-ru.ru (дата обращения 16.08.2014).

13. Синельников А.Б. Влияние брачного статуса на самооценку состояния здоровья. – URL <http://vestnik.mednet.ru/content/view/332/27/lang,ru/> (дата обращения 15.08.2014).

14. Отношение женщин к профилактике и лечению сердечнососудистых заболеваний», ВЦИОМ, 2014 г. – URL: http://www.bayer.ru/static/documents/Infographika_heartbeat_2014.pdf (дата обращения 14.03.2014).

15. Holmes T.H., Rahe R.H. The social readjustment rating scale // *Journal of Psychosomatic Research*. 1967. № 11(2). P. 213–221.

16. Судьин С.А. Психическая болезнь и семья: субъективные и объективные проблемы / С.А. Судьин // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 2, 2012. С. 390–395.

17. Судьин С.А. Метод виньеток в исследовании обыденных представлений о психических болезнях // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия Социальные науки. 2013. № 1. С. 53–59.

18. Dohrenwend B., Chin-Shong E. Social status and attitudes toward Psychological disorder: the problem of tolerance of deviance // *American sociological review*. 1962. Vol. 32. P. 418–419.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА МИР СЕМЬИ

Анализируется взаимодействие религии и семьи на различных уровнях: институциональном, организационном и личностном. Влияние религии на семью, имевшее место на протяжении многих веков, было предметом изучения социологии с самого начала ее развития. В настоящее время процессы де- и реинституциализации религии в разных регионах мира заставляют говорить о противоречивом взаимодействии семьи и религиозных институтов.

Ключевые слова: религия, семья, религиозные институты, конфессии, детность, воспитание.

Институциональное взаимодействие религии и семьи на протяжении тысячелетий представляло интерес для исследователей различных времен и научных сфер.

Достаточно долго религия контролировала практически весь жизненный цикл семьи от самого замысла ее формирования. Процесс секуляризации именно в этой сфере происходил наиболее болезненно и привел к негативным последствиям в общественной морали и семейных практиках. В России в XX в. было несколько волн «освобождения» семьи от религиозных норм. В последнее время усиливаются тенденции бездетности и малодетности, развития альтернативных форм семьи и воспитания детей.

Реинституциализация религии в России начиная с 1990-х гг. представляет основу для все более широкого влияния религиозного института на современную российскую семью. Различные конфессии России в социальном учении предлагают свое понимание устройства семьи и работы с семьей в общинах, а также пути государственной защиты и поддержки семьи, родительства и детства. Социальное служение религиозных общин демонстрирует различные практики реализации социального учения в отношении семьи. В связи с этим представляет несомненный интерес изучение современного состояния взаимодействия религиозного института и семьи в России.

Статистика религиозности населения

Современные российские исследователи религиозности населения опираются на данные нескольких репрезентативных в пределах России

исследований мнения населения об отношении к существующим конфессиям. Можно отметить довольно регулярные опросы ФОМ, в том числе последний, проведенный в июле 2014 г. – «Воцерковленность православных». Найти взаимосвязанные данные о религиозности и семейных практиках религиозно настроенных россиян практически не представляется возможным. Опрос ВЦИОМ 2013 г. показывает отношение населения РФ к влиянию конфессий на семейную политику. По мнению исследователей, к вмешательству представителей Русской Православной Церкви (РПЦ) или других традиционных религий в сферу семейной политики наши сограждане «относятся неоднозначно», поддерживают практики такого влияния более 45% респондентов, негативно оценивают – 33% [1].

В качестве наиболее значимых представим интересные данные атласа АРЕНА (Атлас Религий и Национальностей, Российская Федерация). Основные характеристики опроса и выборки респондентов представлены на сайте и в отчете службы Среда (Среда – «некоммерческая исследовательская организация, реализующая проектную деятельность, направленную на сбор, анализ и популяризацию знаний о религиозно-духовном положении дел в российском обществе, а также на содействие коммуникациям в постсекулярном экспертном пространстве» [2]).

Атлас АРЕНА построен на основе данных, полученных службой Среда в ходе Всероссийского опроса, являющегося репрезентативным для Российской Федерации (полевые работы 2012 г., опрошено 56900 респондентов в 79 субъектах РФ, выборка позволяет отразить мнение 98.8% населения РФ). Цель проекта – составить картину вероисповеданий и национальностей с учетом численности, географического и административного распределения, следования религиозным практикам, мировоззренческих и социально-демографических характеристик россиян [3].

Приведем данные о распространенности конфессий в сравнении по Приволжскому федеральному округу и Нижегородской области в отношении всей совокупности респондентов по Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Общие данные о вероисповедании [3]

Вероисповедание	РФ, %	ПФО, %	Нижегородская область, %
исповедую православие и принадлежу к Русской Православной Церкви	41	42	69
верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	25	22	15
не верю в Бога	13	11	10
исповедую ислам, но не являюсь ни суннитом, ни шиитом	5	12	0
исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом	4	3.5	2
исповедую ислам суннитского направления	2	<1	0
исповедую православие, но не принадлежу к Русской Православной Церкви и не являюсь старообрядцем	1	1.3	2
исповедую традиционную религию своих предков, поклоняюсь богам и силам природы	1	1.3	1
исповедую буддизм	0.5	0	0
исповедую православие, являюсь старообрядцем (старовером)	<0.5	<1	0
исповедую протестантизм (лютеранство, баптизм, евангелизм, англиканство)	<0.5	<1	<1
исповедую ислам шиитского направления	<0.5	<1	0
исповедую католицизм	<0.5	0	0
исповедую иудаизм	<0.5	0	0
исповедую восточные религии и духовные практики (индуизм, кришнаизм, другие направления)	<0.5	0	0
исповедую пятидесятничество	<0.5	0	0

Результаты опроса по Нижегородской области в исследовании АРЕНА по некоторым позициям отличаются от результатов по другим регионам и от средних значений по Российской Федерации и

Приволжскому федеральному округу. Прежде всего стоит отметить, что область является практически моноэтнической: 95% русских среди всего населения, и количество назвавших себя православными значительно выше среднего показателя по РФ и ПФО. Вместе с тем очевидна невосполненность данных по таким распространенным в Нижегородской области конфессиям, как ислам, иудаизм, буддизм и пятидесятничество.

На этом фоне интересным представляется сравнить результаты ответа на два вопроса, касающихся семейного быта (только эти вопросы из всего списка могут быть отнесены к семейной проблематике). Утверждение «Я хотел(-а) бы иметь много детей» помещено авторами-разработчиками инструментария в раздел «Мировоззрение», а фраза «Я поддерживаю традиционные семейные устои, когда главой семьи является мужчина» находится в блоке «Религиозная практика». Трудно найти четкие градации такого размещения, но нас будут интересовать ответы респондентов – насколько они согласны с такими утверждениями.

Рассматривая данные по России, мы можем проследить явные отличия от мнений православных в ответах тех респондентов, которые причисляют себя к следующим конфессиям: католицизм, протестантизм в целом, пятидесятничество, ислам; а также в ответах представителей восточных и традиционных верований. Исповедующие иудаизм демонстрируют весьма либеральные взгляды по этим вопросам, и совсем недалеко от них отстоят представители буддизма.

Можно говорить о фиксации тенденций формирования либерального мировоззрения по вопросам семейного взаимодействия среди верующих распространенных в России конфессий (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Общая статистика по вопросу «Я поддерживаю традиционные семейные устои, когда главой семьи является мужчина» [3]

Доля согласившихся в различных группах по вероисповеданию	% от числа опрошенных
Население в целом	20
не верю в Бога	16
верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	19
исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом	23

исповедую православие и принадлежу к Русской Православной Церкви	22
исповедую православие, являюсь старообрядцем (старовером)	22
исповедую православие, но не принадлежу к Русской Православной Церкви и не являюсь старообрядцем	24
<i>исповедую католицизм</i>	28
<i>исповедую протестантизм (лютеранство, баптизм, евангелизм, англиканство)</i>	33
<i>исповедую пятидесятничество</i>	53
<i>исповедую ислам суннитского направления</i>	33
исповедую ислам шиитского направления	22
исповедую ислам, но не являюсь ни суннитом, ни шиитом	26
исповедую иудаизм	6
исповедую буддизм	10
исповедую восточные религии и духовные практики (индуизм, кришнаизм, другие направления)	23
<i>исповедую традиционную религию своих предков, поклоняюсь богам и силам природы</i>	36
другое	24
затрудняюсь ответить	6

Таблица 3

**Общая статистика по вопросу
«Я хотел(-а) бы иметь много детей» [3]**

Доля согласившихся с приведённым утверждением в среднем по РФ и в различных группах по вероисповеданию	%
Население в целом	11
не верю в Бога	8
верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	10
исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом	13
исповедую православие и принадлежу к Русской Православной Церкви	12
исповедую православие, являюсь старообрядцем (старовером)	19
исповедую православие, но не принадлежу к Русской Православной Церкви и не являюсь старообрядцем	11
исповедую католицизм	15

<i>исповедую протестантизм (лютеранство, баптизм, евангелизм, англиканство)</i>	22
<i>исповедую пятидесятничество</i>	18
<i>исповедую ислам суннитского направления</i>	29
<i>исповедую ислам шиитского направления</i>	22
исповедую ислам, но не являюсь ни суннитом, ни шиитом	16
исповедую иудаизм	4
исповедую буддизм	12
<i>исповедую восточные религии и духовные практики (индуизм, кришнаизм, другие направления)</i>	23
исповедую традиционную религию своих предков, поклоняюсь богам и силам природы	15
другое	9
затрудняюсь ответить	6

Нижегородская область зафиксирована среди десятка регионов с минимальными значениями согласия с утверждением «Я хотел(-а) бы иметь много детей» (рис. 1). В сочетании со значимым превышением количества православных верующих над представителями других конфессий такие данные наводят на мысль о неукорененности ценности многодетности в сознании верующих региона.

Таблица 4

**Данные по Нижегородской области
в сравнении со средним значением по РФ [3]**

Мировоззрение	Δ со средним по РФ, %
Я хотел(-а) бы иметь много детей	-4
Религиозная практика	Δ со средним по РФ, %
Я поддерживаю традиционные семейные устои, когда главой семьи является мужчина	-3

Точно так же можно отметить и более низкие, чем в среднем по России, показатели поддержки традиционных семейных устоев среди верующих Нижегородской области.

Вопрос о взаимосвязи религиозности и семейной жизни населения российских регионов остается слабоизученной темой и требует дальнейшего исследования.

10 регионов с низшими показателями
Исследовательская служба "Среда"

Рис. 1. Процент согласившихся с утверждением «Я хотел(-а) бы иметь много детей» [3]

Религия и семья

Существует огромное количество научных публикаций фундаментального характера, посвященных взаимовлиянию религиозного института и института семьи.

П. Эджел указывает на взаимозависимость религиозного института и семьи, которая существовала «всегда». Религиозный институт определяет моральные рамки существования семьи, а также формирует имидж «хорошей семьи». Религиозное влияние на семью, как подчеркивает автор, ассоциируется со стабильностью брака, счастьем и удовлетворенностью семейной жизнью и родительством [4].

Коллектив авторов научной монографии «Семья и вера в социологическом измерении» на основании данных социологического исследования «Религия, семья, дети» анализирует влияние религиозного возрождения на семейную жизнь и демографическое поведение населения в современной России [5]. Т.Ю. Рудницкая описывает активизацию деятельности РПЦ по решению проблем современной российской семьи: существенно усилена благотворительная и просветительская ее составляющие. Автор считает, что потенциал РПЦ в этой сфере может быть задействован в качестве вспомогательного ресурса для преодоления кризиса российской семьи [6]. Т.В. Складорова проводит анализ сотрудничества государственных и религиозных институтов в сфере поддержки семьи в России в настоящее время [7]. А.С. Палибина анализирует неоднозначное влияние ценностей православия на социальный институт российской семьи и приходит к выводу, что «современному российскому обществу присущи процессы интеграции и дезинтеграции между ценностями институтов семьи и православия» [8].

Авторы статьи «Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость» дают обзор результатов многих российских и зарубежных исследований по этой теме и указывают на главную причину, выделенную в этих трудах – ценностный сдвиг, происходящий в рамках процесса секуляризации европейского общества. Очень важным выводом, на наш взгляд, является заключение о негативном институциональном влиянии медицины, экономики и образования на рождаемость, в том числе в России. По данным собственного исследования авторов, только два института влияют на рождаемость позитивно: религиозный институт и семья. Основным механизмом влияния продолжает оставаться социализация. В качестве значимого фактора влияния религии на рождаемость авторы отмечают «не только вовлеченность человека в основные религиозные практики, но и участие верующего во внебогослужебной жизни / деятельности православной общины, принадлежность к развитой общине» [9].

Влияние религиозного института на институт семьи интересно проследить по основополагающим документам конфессий России, представляющих социальное учение и регламентирующих их социальное служение.

Основы социальных концепций конфессий

Социальное учение религиозных течений России представляет собой фундамент, на котором базируется социальное служение конфессиональных организаций.

Стоит отметить, что в последнее время появились фундаментальные работы по философскому осмыслению и социологическому анализу социального учения традиционных религий на территории РФ. К их числу необходимо отнести следующие: диссертации О.В. Ярушниковой «Социальное учение христианства: религиоведческий анализ католической и православной доктрин» [10], Л.А. Каримовой «Иоанн Павел II и социальная доктрина католической церкви» [11], Р.Г. Измайлова «Основные элементы социальной доктрины ислама» [12], А.В. Еремина «Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в контексте государственно-церковных отношений» [13]; статьи М.Д. Грубарга «Основы социального учения иудаизма» [14], К. Каневского «Основные положения Социальной программы российских мусульман: ислам и светское государство» [15], «Социальная доктрина Католической церкви» [16] и другие.

Социальное учение конфессий представлено в программных документах – доктрине, концепции, позиции той или иной конфессии. Как правило, все программные документы конфессий направлены на определение взаимоотношений Церкви и других социальных институтов, прежде всего властных, поэтому общими для всех представленных концепций и программ являются блок понимания прав человека, а также трактовка участия конфессиональных объединений в организации помощи нуждающимся.

Программным документом, представляющим социальное учение Русской Православной Церкви, являются «Основы социальной концепции РПЦ» (далее – ОСК РПЦ), принятые Освященным Архиерейским Собором РПЦ в 2000 г. Коллектив авторов, работавших над созданием ОСК РПЦ, считает, что права на веру, жизнь, семью являются защитой человеческой свободы от произвола. По мнению авторов, областями соработничества Церкви и государства в нынешний исторический период являются, в частности, дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ, профилактика правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы, поддержка института семьи, материнства и детства.

Целые главы труда посвящены следующим важным вопросам: личной, семейной и общественной нравственности, здоровью человека и народа, проблемам биоэтики (большое внимание уделено абортам, суррогатному материнству, клонированию, гомосексуальным связям и эвтаназии) [17].

Римско-Католическая Церковь представляет социальное учение в последнем своде – Компендиуме социального учения Церкви, изданном на русском языке в 2006 г. [18, с. 640]. Вместе с этим к 2001 г. в России был опубликован перевод уже восьмого издания очень известного учебника Й. Хёффнера «Христианское социальное учение».

Как определяет кардинал Йозеф Хёффнер, «христианское социальное учение – это совокупность социально-философских (взятых, в сущности, из социальной природы человека) и социально-теологических (взятых из христианского учения о Спасении) знаний о сущности и устройстве человеческого общества и о вытекающих отсюда и применимых к конкретным общественным отношениям нормам и задачам строя» [19].

К. Каневский в статье «Социальная доктрина Католической церкви» анализирует основные положения социального учения Римско-Католической Церкви в России и делает вывод о том, что Католическая церковь предлагает наиболее развитое социальное учение [16].

Программный документ под названием «Социальная позиция протестантских церквей России» (далее – Позиция) подготовлен российскими протестантскими церквями (деноминациями) в 2003 г. соответствии с решением Консультативного Совета Глав Протестантских Церквей. В настоящее время в Консультативный Совет входят Евразийская Федерация Союзов Евангельских Христиан-Баптистов Стран Содружества, Евро-Азиатское отделение Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня, Западно-Российский Союз Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня, Российский Объединенный Союз Христиан Веры Евангельской, Российский Союз Евангельских Христиан-Баптистов и Союз Христиан Веры Евангельской Пятидесятников России [20].

Так же, как и в программных документах РПЦ и РКЦ, в Позиции определены сферы взаимодействия церквей и государства. Перечень сфер сотрудничества тоже включает поддержку института семьи, материнства и детства [20].

Программным документом, определяющим социальное учение российских мусульман, являются «Основные положения социальной программы российских мусульман», принятые Советом муфтиев России и опубликованные в 2001 г. В третьей главе положений «Ислам и социальные проблемы» указано, что для ислама характерна социальная направленность учения, раскрываемая в пунктах «Отношение к неимущим», «Ислам и семья», «Запреты на употребление наркотиков и алкоголя» [21].

Программным документом, представляющим социальное учение иудаизма в России, являются «Основы социальной концепции российского иудаизма», принятые в 2002 г. Этот документ, как записано в преамбуле, отражает позицию Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России (КЕРООР) в области сотрудничества религиозных организаций как с гражданским обществом, так и с государственными институтами власти и с неправительственными организациями. В десятой главе документа определены области сотрудничества синагоги и государства: дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; забота о профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в заключении, здравоохранение, поддержка института семьи, материнства и детства [22].

Программные документы различных религиозных объединений России содержат основные положения их учений о семье и браке.

Основы социальной концепции российских иудеев в 8-й главе содержат довольно кратко сформулированные представления о браке: «Брак обеспечивает эмоциональную и духовную полноценность человека через поддержку и товарищество супруга. В иудаизме отсутствует предположение, что безбрачие ведет к особой святости» [22].

В основах социальной концепции российских мусульман вопросам семьи и брака посвящена часть 3-й главы «Ислам и семья». «В Исламе «умерщвление плоти», в том числе монашество, запрещено. Российские мусульмане направляют свои усилия на укрепление семьи, поскольку семья передает детям социальные, культурные и нравственные ценности и опыт, воспитывает в них трудолюбие и духовность. В ней познаются такие понятия, как супружеская любовь, отцовство и материнство, любовь и уважение детей к родителям и родителей к детям. Ислам категорически запрещает проявлять к своим домашним ненависть или вражду и разрывать с ними отношения» [21].

В документе только этой конфессии представлено понятие брачного договора и возможность полигамии. «В Исламе регламентирована процедура заключения брака на основе брачного договора. Ислам развил правила брачного договора и возвел его на новую высоту, установив гармонию между личным и социальным. Несмотря на серьезные изменения в современном обществе, семья продолжает оставаться первичной ячейкой общества, одним из важнейших его социальных институтов. Ислам устанавливает, что отношения между супругами не должны быть основаны на принуждении»; «мусульмане считают допустимым многоженство с заключением брачного договора, устанавливающего

права всех сторон, причем на первое место ставится ответственность мужчины за благо всей своей семьи и справедливое отношение ко всем ее членам. В противном случае Всевышний Аллах запрещает мужчине брать вторую жену» [21].

О влиянии буддистского учения на семью существует очень мало научных исследований. Одним из самых значимых является диссертационная работа А.В. Чебунина «Человек и общество в китайском буддизме» [23]. Автор уточняет, что буддистское учение в качестве ячейки общества выделяет не семью, а личность и поэтому практически не уделяет внимания социальным трансформациям. На примере Китая исследователь показывает два возможных пути влияния буддизма на семью. Первый – полный разрыв всех традиционных социальных отношений в случае ухода обращенного из семьи в общину, а второй – сохранение старых форм традиционных отношений с определенным внедрением буддийского этического содержания. Как считает автор, именно второй вариант позволил дополнить традиционную этику семейных отношений, делая акцент на их духовной стороне.

В основах социальной концепции Русской Православной Церкви вопросам личной, семейной и общественной нравственности посвящена целая глава. Учение о семье в богословии православия тесно связано с вопросами различия полов, а также с пониманием семьи как малой церкви.

Различие между полами в ОСК РПЦ постулируется как особый дар Творца созданным Им людям.

Вместе с тем переосмысление понятия брака, согласно учению о союзе Христа и Церкви, привело к наполнению этой категории таинством любви и единением супругов в Господе.

«Общность веры супругов, являющихся членами тела Христова, составляет важнейшее условие подлинно христианского и церковного брака. Отсутствие единомыслия представляет серьезную угрозу целостности супружеского союза. Именно поэтому Церковь считает своим долгом призывать верующих вступать в брак «только в Господе» (1 Кор. 7. 39), то есть с теми, кто разделяет их христианские убеждения» [17].

Достаточно подробно в ОСК РПЦ говорится о длительности брака: «Церковь настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака, основываясь на словах Господа Иисуса Христа: «Что Бог сочел, того человек да не разлучает» [17].

В качестве оправданных причин расторжения брака Церковь называет, «кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также отпадение супруга или супруги от Православия, противоестественные пороки, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, длительное безвестное отсутствие, осуждение к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим. В настоящее время этот перечень оснований к расторжению брака дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборта при несогласии мужа» [17].

Церковь считает важным перед совершением таинства брака разъяснять вступающим в брак глубину смысла супружества, а также идею нерасторжимости церковного брачного союза. Понятие «домашняя церковь» раскрывается через идеи чадородия и воспитания детей в религиозной традиции. «Семья как домашняя церковь есть единый организм, члены которого живут и строят свои отношения на основе закона любви. Роль семьи в становлении личности исключительна, ее не могут подменить иные социальные институты» [17].

В качестве очень важной темы поднимается вопрос о равноправии мужчин и женщин: Церковь «противостоит тенденции к умалению роли женщины как супруги и матери. Фундаментальное равенство достоинства полов не упраздняет их естественного различия и не означает тождества их призваний как в семье, так и в обществе» [17].

Определенное внимание уделяется добродетели целомудрия и невозможности вне- и добрачных отношений как греховных и разрушающих жизнь человека [17].

ОСК Российского Объединенного Союза Христиан веры евангельской (РОСХВЕ) создана после выпуска ОСК РПЦ, на ее основе и, как почти все подобные документы, не избегает повторов: иногда заимствованы целые фразы. Вместе с тем можно говорить о едином понимании самых важных вопросов разными конфессиями в семейно-брачной сфере. Дополнительные элементы подчеркивают важность обращения к вопросам, не нашедшим освещения в ОСК РПЦ.

Так, например, РОСХВЕ не снимает ответственность с церкви во все время длительности брака, говоря о пастырской задаче и ответственно-

сти за помощь в сохранении целостности брака и предотвращения развода.

Е.И. Зритнева в монографии «Брак и семья в мировых религиях» [24, с. 45–155] анализирует отношение к браку и семье в православном христианстве, исламе и буддизме. Исследователь определяет основные ключевые моменты учения и практики религиозного понимания брака и семьи (вероучительные основы брака; богословские препятствия к заключению брака; выбор будущего супруга; отношение к разводу; распределение обязанностей мужа и жены; воспитание детей в религиозной традиции), а также выстраивает понятие воспитательного потенциала конкретной религиозной культуры. Автор считает, что православное учение о браке сложно и до сих пор не в полной мере охвачено богословами.

Т.Ю. Рудницкая в диссертационной работе «Проблемы семьи в светском и религиозном концептах» анализирует трансформацию религиозного учения РПЦ о семье в последнее время. На основе анализа множественных документальных источников и результатов двух представительных социологических исследований («Сравнительный анализ взаимосвязи принадлежности к различным религиозным конфессиям и семейного поведения населения России в новых демографических, экономических и социально-политических условиях» [5], проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ, и «Православие и семья», осуществленного В.В. Форсовой [25]) автор делает важные выводы об изменениях в учении РПЦ относительно семьи и брака.

Как считает Т.Ю. Рудницкая, в настоящее время РПЦ «активизировала свою деятельность в сфере современных проблем семьи с целью актуализации и продвижения ценностей традиционной семьи», а также усилила благотворительную инициативу и просветительскую деятельность. По мнению автора, необходимо предусмотреть использование возможности РПЦ в качестве «вспомогательного конфессионального ресурса» в стратегии преодоления кризиса семьи. Позитивная составляющая в ряде направлений деятельности РПЦ в сфере проблем семьи, по мнению исследователя, способна внести дополнительную духовную мотивацию в пространство российской семьи, улучшить нравственный климат в обществе [6, с. 10–11].

Соглашаясь в целом с указанными идеями Т.Ю. Рудницкой, считаем нужным отметить значимые инициативы РПЦ в сфере охраны семьи и брака, которые уже нашли отражение в российском законодательстве и

практике работы – укоренение в сознании и жизни россиян праздника Семьи, любви и верности, а также успешное противодействие внедрению радикального варианта ювенальной юстиции в России.

Рождаемость и многодетность: религиозный фактор

Российский исследователь Е.В. Пруцкова в статье «Рождаемость в Европе: значение религиозной социализации» обобщает результаты европейских исследований о положительном влиянии религиозности на рождаемость. Она считает, что анализ российских данных демонстрирует обратную тенденцию. По ее мнению, основным фактором, объясняющим эти различия, является наличие или отсутствие первичной религиозной социализации.

Е.В. Пруцкова опирается на Европейское исследование ценностей, данные которого включают в себя информацию по большинству стран Европы (46 стран, 48 регионов). Как подчеркивает автор, «по большинству Европейских стран *доля многодетных респондентов* (3 или более детей) среди религиозного населения (посещающих религиозные службы раз в месяц или чаще) существенно превышает данный показатель в группе нерелигиозного населения (посещающих религиозные службы несколько раз в год или реже / никогда не посещающих). Если в России в указанных группах доли многодетных практически равны (9% и 8%), то, например, в Австрии разрыв по доле многодетных составляет 21% (13% многодетных в нерелигиозной группе и 34% — в религиозной), во Франции — 24% (23% многодетных в нерелигиозной группе и 47% — в религиозной), в Швеции — 28% (23% многодетных в нерелигиозной группе и 51% – в религиозной)» [26].

Е.В. Пруцкова указывает на существенное влияние религиозного фактора на многодетность семей в большинстве стран Южной, Западной и Северной Европы в противовес странам Восточной Европы. Анализ показателя «*среднее число детей*» среди религиозного и нерелигиозного населения подтверждает сделанные выводы.

Автор интерпретирует выводы таким образом, что «норма многодетности» передается / приобретает в ходе социализации в семье. Уточняя понятие религиозной социализации, исследователь пишет: «под первичной религиозной социализацией мы понимаем религиозное воспитание, полученное человеком в детстве, под вторичной — приход к вере (и соответствующие практики) в более позднем возрасте» [26]. Усвоение норм семейной жизни зависит от наличия или отсутствия первичной религиозной социализации. Как подчеркивает Е.В. Пруцкова, «уровень первичной религиозной социализации в той или иной стране

измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще... в ряде стран связь между религиозностью и численностью детей в семье довольно сильна, например, в средиземноморских и западноевропейских странах. Здесь же мы наблюдаем и более высокий уровень первичной религиозной социализации: высока доля опрошенных, посещавших религиозные службы раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет» [26].

Именно из-за отсутствия первичной религиозной социализации в постсоциалистических странах связь религиозности и рождаемости, по мнению автора, практически отсутствует. Это, по выводам исследователя, подтверждает и наиболее низкий уровень первичной религиозной социализации. «В России он минимален и составляет всего 6%. В обществах, подвергшихся *форсированной секуляризации* (советского типа), влияние религии на рождаемость именно в силу отсутствия религиозной социализации практически не заметно» [26].

Представляет интерес взаимовлияние религиозного и семейного факторов в рамках деятельности различных конфессий. Протестантские течения формируют норму многодетности активно и уже в течение нескольких лет, в том числе в России.

Необходимо отдельно исследовать вопрос о новых современных способах содействия деторождению и возможности использования их в практике религиозных общин.

РПЦ в числе первых представила понимание этого в главе 12 «Проблемы биоэтики» ОСК. Развитие биомедицинских технологий вызывает обеспокоенность РПЦ в связи с тем, что оно «значительно опережает осмысление возможных духовно-нравственных и социальных последствий их бесконтрольного применения» [17].

Намеренное прерывание беременности (аборт) Церковь рассматривает как тяжкий грех и приравнивает его к убийству. В основе такой оценки, как отмечено в ОСК РПЦ, лежит «убежденность в том, что зарождение человеческого существа является даром Божиим, поэтому с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно» [17]. Конечно же, в случаях, когда существует прямая угроза жизни матери при продолжении беременности, Церковь рекомендует поступать рассудительно и милосердно. Вместе с тем РПЦ возлагает ответственность за аборт на мужей, а также на врачей и государство, дающих право и согласие на такую процедуру.

Религиозно-нравственную оценку Церкви приобретает и проблема контрацепции, в особенности использование таких противозачаточных средств, которые фактически обладают abortивным действием.

Планирование семьи в рамках православия ограничено пониманием замысла Божия относительно семьи. «Намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом» [26]. Вместе с тем, как подчеркивается авторами ОСК РПЦ, супруги несут ответственность перед Богом за полноценное воспитание детей.

Отдельного внимания заслуживает вопрос применения новых биомедицинских методов с целью преодоления недуга бесплодия. Церковь отрицательно относится к любым манипуляциям, связанным с донорством половых клеток, которые нарушают целостность личности и исключительность брачных отношений, допуская вторжение в них третьей стороны.

Авторы ОСК РПЦ отмечают, что «такая практика поощряет безответственное отцовство или материнство» [17]. «Суррогатное материнство» и все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов, являются недопустимыми с точки зрения Церкви.

В программных документах других конфессий РФ, опубликованных после утверждения ОСК РПЦ, выражены сходные позиции по вопросам современной биоэтики.

Авторы доклада «Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды» [27], представленного в Общественной палате РФ, анализируют различия во взглядах представителей различных конфессий России по вопросу биоэтики. По мнению авторов, применение современных биомедицинских технологий – это сфера, где «расхождения между традиционным религиозным и либеральным мировоззрениями проявляется наиболее ярко». Как подчеркивается в докладе, подобные технологии современной медицины (клонирование, фетальная терапия, эвтаназия, суррогатное материнство, некоторые аспекты пренатальной диагностики и др.) религиозные лидеры называют «глубоко аморальными и безнравственными» [27, с. 25].

Сторонники же либерального мировоззрения, по мнению авторов, подобные обвинения «называют попыткой остановить прогресс и счи-

тают недопустимыми любые запреты на применение современных биомедицинских технологий, не запрещенных действующим законодательством» [27, с. 27].

Тема абортсв представляется в документе в качестве наиболее злободневной. Как отмечают авторы, все традиционные религии (православие, ислам, иудаизм, протестантизм) во главу угла ставят право нерожденного ребенка на жизнь и однозначно осуждают аборт, приравнивая его к убийству. Аборт допускается только в самых крайних случаях, когда дальнейшая беременность представляет серьезную опасность для жизни матери [27, с. 27].

Изучение программных документов конфессий по этому вопросу в докладе дополнено результатами всероссийского опроса населения, проведенного «Агентством социальных технологий «Политех» при экспертном участии Сети этнологического мониторинга EAWARN и содействии «Информационно-аналитического центра «Сова» в рамках подготовки слушаний на тему «Религия в светском обществе», проводимых комиссией Общественной палаты Российской Федерации по межнациональным отношениям и свободе совести в 2011 г. Абсолютное большинство принявших участие в опросе женщин (74%) считает, что жизнь человека начинается с момента зачатия. Мнения мужчин по данному вопросу разделились примерно поровну (50% – с момента зачатия, 44% – с момента рождения) [27, с. 28].

Авторы доклада подчеркивают, что большинство верующих вне зависимости от их религиозной принадлежности считает, что жизнь человека начинается с момента зачатия. Однако даже среди верующих людей авторы находят значительный процент тех, кто полагает, что человеческая жизнь начинается лишь после рождения (рис. 2 [27, с. 29]).

Авторы доклада, опираясь на результаты исследования, утверждают, что половина (51%) россиян считает абортсв допустимыми.

Очень важным, на наш взгляд, является отношение верующих к абортсв (рис. 3 [27, с. 29]). Как подчеркивают авторы доклада, в наибольшей степени традиционное религиозное неприятие абортсв свойственно иудеям и мусульманам. Вместе с тем было бы интересно изучить мнение представителей других конфессий, не участвовавших в опросе.

Н.А. Бутрим в статье «Специфика проблем современной многодетной семьи» рассматривает проблемы многодетной семьи в контексте социальных проблем современного российского общества и семейной политики государства. Многодетные семьи автор обозначает как нетипичные, указывая на их отклонение от социальной нормы, в том числе в смысле потребления благ. По мнению автора, образ многодетной семьи в сознании россиян складывается как неоднозначный: такие семьи «ассоциируются как со счастливой, полнокровной семейной жизнью, ее радостями, так и с нищетой, беспросветностью, лишениями. Жить в многодетной семье вроде бы весело и всегда есть на кого опереться, но для каждого из ее членов в отдельности такая жизнь сулит скорее тяготы и лишения, нежели преимущества» [29, с. 109].

Д.Г. Дымнова представляет позитивный, но достаточно тривиальный взгляд на многодетную семью, что отражается в названии работы «Многодетная семья – выход из демографического кризиса» [30, с. 18–21].

Е.И. Зритнева и И.В. Васильев выделяют факторы социальной адаптации многодетной семьи, но не уделяют внимания религиозности супругов [31, с. 109–113].

А.О. Карасева и С.Н. Карасева анализируют положение многодетных семей в современной социальной ситуации и выделяют их основные категории, характеристики и особенности внутрисемейных взаимоотношений [32].

М.И. Краснослободцева предлагает весьма характерное прочтение темы: «Многодетная семья как объект социальной защиты» [33, с. 176–180].

Н.В. Шахматова в очень интересной работе «Образ жизни многодетной семьи: социологический ракурс изучения» [34] предлагает авторское социологическое определение многодетной семьи: «социальный институт расширенного воспроизводства человека и малая группа, включающая отношения между супругами, родителями и троими и более детьми, связанными общностью быта, домохозяйства, взаимной социальной ответственностью и взаимопомощью, общим образом жизни» [34, с. 7]. По мнению автора, это определение позволяет рассматривать многодетную семью «как особую структурированную целостность, имеющую свою экономическую и социокультурную специфику, связанную с более интенсивными не только вертикальными связями между родителями и детьми, но и горизонтальными взаимодействиями между детьми» [34, с. 8]. Исследователь предлагает рассматривать многодетную

семью комплексно, с учетом всех объективных, средовых и субъективных характеристик. Именно комплексный подход, как подчеркивает Н.В. Шахматова, предполагает выявление компонентов ее внешних и внутренних связей, целей функционирования, характера взаимодействия, образа жизни ее членов.

Т.Н. Грудина в диссертационном исследовании «Ценностные ориентации многодетной семьи в России» [35] выявляет основные тенденции, содействовавшие процессу отмирания норм многодетности. По мнению автора, «переход от многодетности к малодетности в своей основе имеет переоценку ценностей, трансформацию этической системы» [35, с. 11]. Исследователем выявлена противоречивость брачно-семейного поведения россиян. Опираясь на результаты анкетирования россиян относительно семейных ценностей, Т.Н. Грудина утверждает, что на вербальном уровне для большинства опрошенных брак, семья и дети занимают значимое место в ряду жизненных ценностей. С другой стороны, подчеркивает автор, на поведенческом уровне наблюдается тенденция к прекращению брачных отношений, если они чем-то перестали удовлетворять индивида. Таким образом, при изучении ценностных ориентаций проявляется парадокс Ла-Пьера: несоответствие между ориентациями и реальным поведением [35, с. 12].

Т.Н. Грудина определяет ценностные ориентации многодетной семьи через образ ее жизни и составляет социологический портрет современной многодетной семьи. Как показывает автор, иерархия жизненных ценностей многодетных матерей иная в сравнении с преимущественно малодетной выборкой исследования Росстата. «Важно, что среди опрошенных, характеризующихся в среднем высокой потребностью в детях – (3.9 при всех необходимых условиях), почти две трети собираются иметь ещё ребенка независимо ни от каких условий, поскольку в системе их ценностных ориентаций ведущими мотивами рождения последнего ребенка было желание иметь малыша, религиозные убеждения, вера, что детей надо иметь много, и стремление к новорожденному определенного пола» [35, с. 21]. Как считает исследователь, в этом проявляется действие высокой ценности семейного образа жизни и просемейная направленность опрашиваемых. Однако и экономические условия не теряют своего значения: как указывают респонденты, благоприятные условия жизни способствуют более полной и быстрой реализации репродуктивных установок.

Т.Н. Грудина полагает, что «вокруг многодетных матерей по-прежнему продолжает существовать некоторая зона социального не-

одобрения и даже отторжения» [35, с. 15]. Она подтверждает это мнениями респондентов (многодетные семьи часто расцениваются как «социальные изживенцы», хотя на практике льготы у них очень скромные; именно многодетные семьи подвержены в большей степени риску бедности) и по результатам опросов делает вывод о том, что «многодетным семьям сейчас помимо материальной помощи в значительной степени не хватает моральной поддержки» [35, с. 16].

Религиозность и семейное взаимодействие

Д.М. Чумакова в диссертационном исследовании «Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия в семье» [36] представляет несколько основных параметров воздействия религиозного фактора на семейную жизнь современных россиян. Так, по ее мнению, «религиозность личности родителей связана с таким параметром социального взаимодействия в семье, как практики наказания и частота их применения по отношению к детям. Родители с более высокими показателями по шкале религиозности склонны реже наказывать своих детей, в том числе и физически» [36, с. 12]. Религиозность личности, как подчеркивает исследователь, «расширяет спектр копинговых стратегий, увеличивая показатели субъективного благополучия личности. Субъективное благополучие, взаимосвязанное с показателями эмоционального стресса и удовлетворенности семейной жизнью, сочетается со снижением частоты наказаний, применяемых к детям» [36, с. 13]. Кроме того, автор выявляет следующую взаимосвязь: «религиозные испытуемые более рефлексивны, экстернальны, коммуникабельны, а также обладают более высоким уровнем социализации и самоконтроля» [36, с. 15]. Д.М. Чумакова приходит к выводу о том, что «совокупность черт, характерная для личности с высоким показателем религиозности, способствует толерантному, неагрессивному, ответственному социальному взаимодействию» [36, с. 17].

А.А. Тараданов и А.В. Зименко анализируют факторы религиозной культуры в семейной социализации. Для их выявления в исследовании был применен социально-конструктивный генетический подход, разработанный А.А. Тарадановым. Несмотря на то что значительного влияния исповедания той или иной конкретной религии на семейную социализацию в своем исследовании авторы не обнаружили, они смогли наблюдать положительный результат от исполнения религиозных обрядов и таинств. Многие религиозные обряды в верующих семьях исполняются всей семьей, что способствует ее сплочению [37, с. 145–148].

В целом можно сказать, что влияние религиозности на семейное взаимодействие еще не вполне исследовано в современной России и представляет интерес для последующих изысканий.

Процесс построения целостного видения и системы формирования семейных ценностей в разных деноминациях современной России происходит зачастую стихийно, он не всегда однозначен и вряд ли может быть представлен в виде линейного движения к идеалу. Последние двадцать лет показали значительное разнообразие стратегий разных христианских общин, братств, конфессий в семейном воспитании своих последователей.

Формирование семейных ценностей в традиционных протестантских общинах современной России

Традиционные протестантские общины в современной России существуют на территории России с первой половины XX в. В настоящее время большинство из них представлено в нескольких всероссийских объединениях евангельских христиан-баптистов, в Объединенной церкви христиан веры евангельской (так называемом Федотовском братстве пятидесятнических церквей, по имени основателя И.П. Федотова), разных автономных зарегистрированных церквях и региональных объединениях, а также в нерегистрированных религиозных группах.

Следует отметить практики формирования семейных ценностей в общинах, которые в среде протестантских церквей называются консервативными, держатся традиционных христианских ценностей, не готовы к компромиссам и расширению существующих (достаточно узких) норм.

Современные пятидесятнические общины в течение достаточно долгого времени разделяются в России на традиционные и либеральные. В терминах социологии религии пятидесятники могут быть отнесены к числу обращенческих церквей, то есть тех, которые акцентируют внимание прежде всего на личностных изменениях каждого вступающего в члены общины. Существует внутреннее соглашение о том, что такое обращение и как зафиксировать его факт, как по внутреннему изменению и свидетельству извне узнать, изменился человек или нет. Считается, что член общины, принявший водное крещение, впоследствии будет демонстрировать поведение обращенного человека.

Процесс преобразования может быть изучен при использовании некоторых моделей, например, модели Д. Лофланд и Р. Старк, представивших семь условий религиозного преобразования. Такая модель может быть модернизирована с учетом причин обращения, связанного с

привлекательностью религиозной группы для новообращённых [38, р. 227–240].

Официальная система формирования ценностей и обыденные представления о ней членов церквей совершенно различны. Конструирование дискурса семьи и семейных ценностей на доступных публичных аренах как религиозного, так и светского пространства происходит совершенно по-разному в различных общинах и братствах.

Социальное учение протестантских деноминаций достаточно подробно описано в Проекте социальной концепции Евангельских церквей России, входящих в ассоциацию христианских церквей «Союз христиан», а также в Основах социальной концепции Российского объединенного Союза христиан веры Евангельской, к которым многие апеллируют как к важным документам.

Процесс формирования семейных ценностей протестантскими общинами в России с 1990-х гг. можно подразделить на три основных периода. До начала 1990-х гг. традиционные протестантские общины пребывали в оппозиции (более или менее жесткой) светской власти и ее идеологии, и разграничение «свое» – «чужое», «можно» – «нельзя» были достаточно просты и понятны. Можно жениться и выходить замуж за «своих», верующих, воцерковленных; нельзя «уходить в мир» и т.д. Во внешнем виде подчеркивалась скромность, а в практиках общения молодых людей – сдержанность. 1990-е гг. стали десятилетием испытания на прочность этого достаточно уютного мира верующих под влиянием светских и религиозных «ветров учения».

Господствовавшая до этого идеология советского государства пропагандировала почти те же религиозные ценности, только окрашивая их идеалами коммунизма. С падением этой системы ценностей рухнула и внешняя стена, защищавшая верующих – как и всех граждан СССР – от влияния либеральных идей. Это коснулось всего: практик общения молодежи в церквях, выбора одежды и формирования приличного внешнего вида, распределения ролей в семье, выбора предпочтения или отказа от планирования семьи.

По данным включенного наблюдения за 17 лет, экспертных интервью со священнослужителями и рядовыми членами общин, можно сказать, что в начале 1990-х гг. практически все общины оказались перед необходимостью формирования системы семейного воспитания членов церквей – и вновь пришедших, и уже давно состоявших в общине.

Сказывалось не только влияние либеральных светских идей, но и пример новых либеральных протестантских церквей, организованных иностранными миссионерами (выделим две тенденции: западные миссионеры – более «свободные» церкви; украинские миссионеры – церкви с еще более строгой системой ценностей, чем существовавшие в России).

Сегодня об этом времени некоторые служители протестантских общин вспоминают, как о периоде, когда «на ощупь» формировалось понимание, как должны вести себя верующие в семье, на работе, в обществе, как должны воспитывать детей и т.д.

В середине 1990-х гг. в общинах европейской части России очень бурно обсуждался вопрос возможности женского служения, участия женщин в церковной работе, проповеди, учении. Это стало камнем преткновения для многих служителей, церкви переставали общаться друг с другом из-за разницы в подходах к решению этих вопросов.

К 2000-м гг. практически все общины сформировали свои подходы к семейному воспитанию внутри общины. Надо сказать, что даже церкви, близкие и дружественные, состоящие в одном братстве, могут отличаться в некоторых довольно важных вопросах: возможности женитьбы/замужества ранее разведенных, наказания за блуд и др. В одной области могут существовать церкви одного братства с разными взглядами на то, как молодежь должна знакомиться и выбирать себе будущего супруга: крайности представлены такими положениями, как полный запрет на неконтролируемое общение (например, по телефону и интернету) и полная свобода без санкций за добрачные половые отношения (в некоторых либеральных общинах).

В начале 2010 г. закрепились более подробные правила формирования «правильного семейного поведения» членов традиционных, консервативных протестантских церквей.

Что касается практики обручения перед заключением брака, то срок принятия решения продлен теперь в среднем до полугода, с тем чтобы будущие супруги могли принять взвешенное решение. Если раньше отказ одной из сторон от брака в период после обручения до сочетания грозил инициатору санкциями вплоть до отлучения, то сейчас предпочитают мирно отпустить обоих участников и «не портить» им жизнь.

Добрачное поведение молодежи и будущих супругов находится под контролем родителей и общины, до обручения общение происходит только в общих делах и в присутствии нескольких посторонних человек. Планирование семьи практически невозможно, показаниями для

аборта может служить только ухудшающееся здоровье супругов. Роли мужа и жены понимаются традиционно: муж – глава семьи, жена – помощница. Это должно реализовываться в любых ситуациях. Воспитание детей является одним из основных показателей правильного семейного климата, в зависимости от поведения детей супругов могут допустить быть служителями или нет.

Необходимо отметить сложный характер процесса формирования системы семейных ценностей в традиционных протестантских общинах современной России на всех трех основных этапах развития представленной системы ценностей, обусловленных влиянием как светских, так и различных религиозных течений и идеологий. Процесс формирования семейных ценностей не завершен, во многих общинах он протекает достаточно стихийно. Представляется интересным продолжить исследование специфики этого процесса в традиционных и либеральных протестантских церквях России.

Заключение

Взаимодействие религии и семьи можно рассматривать на различных уровнях – от макро- до микроанализа. Взаимодействие института семьи и религиозного института определяет направления социального служения различных конфессий в современной России. Мезоуровень представлен опытом религиозных общин в практике реализации социального учения и задач социального служения, в том числе в наставлении прихожан одобряемому семейному поведению, воспитанию детей и поддержанию семейных ценностей. Микроуровень взаимодействия религии и семьи достаточно полно представляют результаты опросов населения о семейных ценностях, проанализированные в зависимости от религиозности респондентов.

Хотелось бы способствовать дальнейшему развитию исследований взаимосвязи религиозности населения и их мнения относительно семейной жизни и семейной политики современного российского государства. Это дало бы возможность изучить реальное влияние религиозных организаций на семьи прихожан и в целом на ценности семьи в обществе.

Практики, которые поддерживаются на уровне официального дискурса всеми конфессиями России (запрет абортов, детность и многодетность семей), пока очень неравномерно реализуются представителями разных религиозных организаций.

В целом следует подчеркнуть, что проблема влияния религии на мир семьи изучена неравномерно: существует значительный перевес в сто-

рону фундаментальных исследований философского характера о взаимодействии на макроуровне в ущерб изучению индивидуального и группового мнения верующих о значимых семейных ценностях, проблемах использования современных технологий в сфере деторождения и многом другом.

Список литературы

1. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2511 «Закон о защите семьи: какая семейная политика нужна нашей стране?». – URL: <http://wciom.ru/religion> (дата обращения 05.09.2014).
2. Сайт службы Среда. – URL: <http://sreda.org/ru/o-proekte> (дата обращения 05.08.2013).
3. «Атлас АРЕНА» службы Среда. – URL: <http://sreda.org/ru/arena> (дата обращения 05.08.2013).
4. Edgell P. Religion and Family // Clarke P. The Oxford Handbook of the Sociology of Religion (Oxford Handbooks). Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 635–651.
5. Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М.: КДУ, 2009. 288 с.
6. Рудницкая Т.Ю. Проблемы семьи в светском и религиозном концептах: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. 32 с.
7. Склярова Т.В. Социально-педагогическая поддержка семьи: опыт взаимодействия Русской Православной Церкви и государства // Акмеология. 2007. № 1. С. 77–80. – URL: <http://elibrary.ru/download/96624123.pdf> (дата обращения 05.08.2013).
8. Палибина А.С. Социальная реконструкция взаимосвязи институтов православия и семьи в современной России (на примере Республики Мордовия): Автореферат дис. ... канд. соц. наук. М.: Российский гос. ун-т туризма и сервиса, 2012. 24 с.
9. Забаев И.В., Мелкумян Е.Б., Орешина Д.А., Павлюткин И.В., Пруцкова Е.В. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы. – URL: demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php (дата обращения 05.08.2013).
10. Ярушникова О.В. Социальное учение христианства: Религиоведческий анализ католической и православной доктрин: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т, 2006. 27 с.
11. Каримова Л.А. Иоанн Павел II и социальная доктрина католической церкви: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2004. 17 с.
12. Измайлов Р.Г. Основные элементы социальной доктрины ислама: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2006. 23 с.

13. Еремин А.В. Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в контексте государственно-церковных отношений: 1988–2000 гг.: Автореферат дис. ... канд. истор. наук. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2004. 24 с.
14. Грубарг М.Д. Основы социального учения иудаизма // СОЦИС. 2002. № 4. – URL: www.isras.ru/files/File/Socis/2002-04/Grubarg.pdf (дата обращения 02.07.2008).
15. Каневский К. Основные положения Социальной программы российских мусульман: ислам и светское государство // Российская юстиция. 2003. № 4. – URL: <http://religion.sova-center.ru/publications/194D18A/2BD77D2> (дата обращения 07.07.2008).
16. Каневский К. Социальная доктрина Католической церкви // Российская юстиция. 2003. № 4. – URL: religion.sova-center.ru/publications/194D18A/2BD7921 (дата обращения 21.07.2008).
17. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – URL: www.mospat.ru/index.php?page=41597 (дата обращения 02.07.2008).
18. Компендиум социального учения церкви. М.: Паолине, 2006. 640 с.
19. Хёффнер Й. Христианское социальное учение / Пер с нем. – URL: http://www.krotov.info/libr_min/h/hoffner/hoff00.html (дата обращения 02.07.2008).
20. Социальная позиция протестантских церквей России. – URL: <http://bibleapologet.narod.ru/doctrine.htm> (дата обращения 02.06.2008).
21. Основные положения социальной программы российских мусульман. – URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/islam/> (дата обращения 02.07.2008).
22. Основы социальной концепции иудаизма. – URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/judaism/> (дата обращения 02.07.2008).
23. Чебунин А.В. Человек и общество в китайском буддизме: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2009. 40 с.
24. Зритнева Е.И. Брак и семья в мировых религиях: Учебное пособие. Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. 155 с.
25. Форсова В.В. Православие и семья (опыт эмпирического анализа) // Актуальные проблемы семей в России / Ред. Т.А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. 224 с.
26. Пруцкова Е.В. Рождаемость в Европе: значение религиозной социализации // Демоскоп Weekly. 1–14 апреля 2013. № 549–550. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/pdf/pruckova.pdf> (дата обращения 05.06.2014).
27. Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды / Под ред. М.В. Романова и В.В. Степанова. М.: Общественная палата РФ, 2012. 100 с. (на правах рукописи).
28. Материалы информационного агентства NewsNN. – URL: <http://rogorodnn.ru/news/view/88251> (дата обращения 05.08.2013).

29. Безрукова О.Н. Многодетные семьи: жизненная ситуация // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. 2008. Вып. 1. С. 100–115.
30. Дымнова Д.Г. Многодетная семья – выход из демографического кризиса // Ученые записки Российской государственного социального университета. 2009. № 11. С. 18–21.
31. Зритнева Е.И., Васильев И.В. Факторы социальной адаптации многодетной семьи // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 4 (33). С. 109–113.
32. Карасёва А.О., Карасева С.Н. Особенности общения детей в многодетной семье: эмоционально-личностный аспект // Культура и образование. 2013. № 2. – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2013/10/923> (дата обращения 09.12.2013).
33. Краснослободцева М.И. Многодетная семья как объект социальной защиты // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 11 (67). С. 176–180.
34. Шахматова Н.В. Образ жизни многодетной семьи: социологический ракурс изучения // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 6–9.
35. Грудина Т.Н. Ценностные ориентации многодетной семьи в России: Автореферат дис. ... канд. социол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2014. 24 с.
36. Чумакова Д.М. Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия в семье: Автореферат дис. ... канд. полит. наук. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2014. 24 с.
37. Тараданов А.А., Зименко А.В. Факторы религиозной культуры в семейной социализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33 (324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. С. 145–148.
38. Koh W., Meeus W., Hart H., Religious conversion of adolescents: testing the Lofland and Stark model of religious conversion // Sociological Analysis. 1991. Vol. 52. № 3. P. 227–240.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семейные отношения – это сложный феномен, который может быть рассмотрен как состояние принадлежности индивида некоторому надындивидуальному семейному целому. При этом можно отметить двойственность системы семейных взаимоотношений: с одной стороны, это некая система взаимодействия, контактов, связей; с другой стороны – система, которая включает оценку субъектом самих этих взаимодействий и контактов, а также участвующих в них партнеров. Следовательно, объективация семейных отношений возможна через анализ как области эмоционального отношения членов семьи друг к другу, так и области объективно существующих процессов развития семейных отношений на разных стадиях жизненного цикла семьи.

Рассмотрение семьи с позиций как объективных (наличие отношений супружества, родительства, родства), так и субъективных (оценочных, данных самими партнерами) характеристик позволяет расширить границы семьи, включая в категорию семейных различные модели межличностного взаимодействия, не обязательно имеющие институциональный характер.

Анализ динамики статистических показателей подчеркивает правомерность такого подхода, позволяя выявить как растущее разнообразие семейных практик, так и направления преобразования основных семейных структур (супружеской, родительской, родственной). Трансформационные процессы в сфере семьи происходившие в течение XX – начале XXI столетий, породили вариативность отношений, существенно расширив границы современного супружества, а затем и родительства, которые уже не укладываются в устаревшие параметры зарегистрированного брака с совместным проживанием партнеров, родителей и детей.

Изменение ролевых отношений в семье является важнейшей стороной современной перестройки внутрисемейных отношений. Неопределенность норм, регулирующих в настоящее время брачно-семейные отношения, ставит перед современной семьей ряд проблем. Среди них одной из наиболее важных является проблема «выбора» каждой конкретной семьей способа ролевого взаимодействия из большого набора норм и правил, которые сейчас сосуществуют в нашем обществе. В этих условиях существования разнообразных норм и образцов ролевого по-

ведения становление ролевой структуры семьи как социальной и психологической общности, адаптации супругов друг к другу, выработка стиля семейной жизни тесно переплетаются с межличностными отношениями супругов и их социальными установками.

Множественность изменений, связанных с организацией личностью своего частного пространства, заставляет исследователей по-новому анализировать суть, особенности, формы основных субинститутов, традиционно составляющих ядро семьи, их включенность и взаимодействие с другими структурными элементами социального контекста.

Многочисленные исследования, проведенные авторами за последние пятнадцать лет, позволили представить семью в широком охвате ее жизненных миров: как институт, как малую социальную группу, как экономическую организацию, как актора трудовых отношений, как ценность в системе базовых ценностей, как субъекта социально-психологической терапии, как клиента и вместе с тем структурную часть системы социальной работы.

Все оценки современной ситуации и прогнозы демографического развития, характеризующиеся статистическими данными численности населения, коэффициентами рождаемости, смертности, динамики населения и т.д., а также предложения об улучшении всех этих показателей явно недостаточны без анализа состояния российской семьи. Ведь, например, просто повышение рождаемости не всегда хорошо, и следует задаться вопросами, в каких семьях рождены эти дети – благополучных или неблагополучных? Оказались эти дети желанными и долгожданными или для родителей они стали обузой и дополнительной проблемой? От ответов на эти и другие проблемные вопросы будет зависеть и оценка казалось внешне абсолютно положительных показателей. А все это в свою очередь зависит от уровня благополучия семей, в которых рождаются дети.

Многие нюансы состояния рождаемости, смертности и других демографических характеристик населения зависят от так называемого демографического поведения: разного рода установок (репродуктивных или прокреативных, брачных, жизнеохранительных и т.д.) и их реализации. Модели такого поведения закладываются извне (традициями, коллективными установками, обществом и государством в целом), однако реализуются они в основном через институт семьи, преломляясь и изменяясь на микроуровне, преобразуясь в уникальные, индивидуально-семейные траектории развития. Таким образом, семья всегда остается в

центре демографических процессов, и от семьи зависит во многом демографическое будущее России.

В течение XX – начале XXI столетий трансформационные процессы в сфере семьи породили вариативность отношений, существенно расширив границы современного супружества, которое уже не укладывается в устаревшие параметры зарегистрированного брака с совместным проживанием партнеров.

На уровне семейных ценностей среди российских пар выделяются две группы. «Традиционалисты» считают женщину в первую очередь, матерью и женой, придерживаются правила заключения брака при наличии партнера, рассматривают брачные узы как связь на всю жизнь. «Эгалитаристы» ориентированы на равенство полов в семейной сфере (мужчины и женщины этой группы склонны более равномерно распределять нагрузки по дому).

Поскольку рынок труда в большей степени ориентирован на мужской труд, а семья – на доход мужчины, понятно, почему мужчины в большей степени поддерживают традиционные нормы деления семейной работы. Поддержка эгалитаризма женщинами выражает их интерес и стремление к равенству шансов внутри и за пределами семейной жизни, которые, увы, пока едва ли поддерживаются государством и обществом в России. Такие женщины стремятся реализовать во всех сферах: они не отказываются от рождения и воспитания детей, но одновременно желают самореализоваться в профессиональной области. Снижение показателей эгалитаризма у матерей обусловливается, скорее, не пересмотром установок, а невозможностью полноценно совместить трудовые и семейные обязанности.

В России наиболее распространенной является модель распределения трудовых и домашних обязанностей, которая в развитых странах характерна для неблагополучных семей. Проживая в таких семьях, женщины вынуждены нести двойную, а то и тройную нагрузку: наряду с работой, выполнять обязанности по уходу за членами семьи и домашнюю работу. При этом доход женщин не позволяет им быть в подавляющем большинстве случаев финансово независимыми от мужчин и наравне участвовать в принятии решений по главным семейным вопросам. Подобное положение российских семей может усиливать неблагополучие на самых разных уровнях семейной системы. В сфере супружеских взаимодействий это чревато ростом напряженности и конфликтности, вероятности разводов. В родительской подсистеме не исключены ощущения ущербности, бедности, которые репродуцируются в детях.

Родители, относящиеся к рассматриваемому типу семей, недостаточно физически и эмоционально вовлечены в жизнь детей, следствием чего может стать дальнейшее распространение детских и подростковых девиаций. Не менее существенной проблемой является индивидуальное развитие женщин, достижение ими своих жизненных целей, поскольку они оказываются в условиях постоянного, жесткого, иногда безальтернативного выбора между семьей и работой.

Частично можно говорить о существовании в России устаревшего ныне варианта «солидарной модели» с двумя работающими партнерами. Современная модификация этой модели (на Западе) предполагает активное вовлечение мужей/отцов в выполнение домашних обязанностей, что не очень характерно для российской действительности. Кроме того, отсутствие институциональной поддержки и недостаточность ресурсов семейных/родственных связей, вообще ставит под угрозу реализацию проекта по развитию солидарных нагрузок в семье.

Государство является субъектом социальной поддержки семей с детьми, который законодательно закрепляет, обеспечивает, контролирует реализацию и защищает права семьи на различного рода пособия, пенсии, компенсации, субсидии, льготы, услуги. Сегодня можно наблюдать развитие в направлениях, формах, видах и технологиях работы с семьей в учреждениях социального обслуживания государственной системы социальной защиты.

Социальные институты семьи и образования выполняют ряд общих функций, дополняют друг друга и неразрывно связаны в процессе воспроизводства социальной структуры современного общества, воспитания, развития и образования детей. Результаты многих исследований в сфере образования и социологии семьи показывают зависимость образовательных предпочтений и выборов от социально-демографических характеристик семьи. Исследование взаимодействия этих институтов, его форм и практик позволяет разрабатывать практические рекомендации его оптимизации, способствующие решению многих социальных проблем – от смягчения проблемы социального неравенства до принятия маркетинговых и управленческих решений администрациями образовательных учреждений.

Семья с точки зрения медико-социальных аспектов функционирования представляет собой чрезвычайно интересный исследовательский объект, в котором интегрируются все уровни функционирования индивида и общества – от биогенетических оснований человеческого организма до формирования индивидуального поведения и социальных ре-

акций на определенные типы семьи. Мы показали, как стиль семейного воспитания усиливает или, напротив, компенсирует врожденные склонности, как образ жизни способен в конечном итоге свести к нулю биогенетические ресурсы организма.

Влияние семейной жизни на здоровье индивида не является однозначным и однонаправленным: например, замужество не является фактором здоровья женщины в той же степени, в какой женитьба оказывается полезной для мужчины. Более того, защитное действие семьи может вообще не актуализироваться в силу деструктивного характера отношений между супругами.

Взаимодействие религии и семьи рассмотрено нами на различных уровнях – от макро- до микроанализа. Выявлено, что взаимодействие института семьи и религиозного института определяет направления социального служения различных конфессий в современной России. Мезоуровень взаимодействия религии и семьи представлен опытом религиозных общин в реализации социального учения и задач социального служения, в том числе в наставлении прихожан одобряемому семейному поведению, воспитанию детей и поддержанию семейных ценностей. Микроуровень достаточно полно представлен результатами опросов населения о семейных ценностях. Данные результаты были проанализированы с учетом религиозности респондентов, реального влияния религиозных организаций на семьи прихожан и в целом на ценности семьи в обществе.

Жизненные миры семьи многогранны, их внутреннее разнообразие необходимо учитывать при совершенствовании концепции семейной политики современного российского государства. Дальнейшее развитие мер социальной поддержки семьи должно быть направлено на формирование конструкта успешной семьи, в которой реализуются практики успешного родительства, укрепляются межпоколенные связи, утверждаются ценности семейного образа жизни, безопасного детства и позитивной социализации.

Приложение 1

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ АВТОРАМ МОНОГРАФИИ

1. «Гендерные аспекты региональной социальной политики». Научное руководство I-м направлением Межвузовской научно-исследовательской программы «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии», 1999 г. Научный руководитель – профессор З.Х. Саралиева.
2. «Наказание детей в семье», 2001 г. Научный руководитель – профессор З.Х. Саралиева.
3. Концепция семейной политики, созданная по приказу Министерства труда и социальной защиты Нижегородской области № 180 от 24 июня 2003 г. Научный руководитель – профессор З.Х. Саралиева.
4. «Благополучные и трудные подростки», август–ноябрь 2003 г. Совместно с Нижегородским отделом ИС РАН. По заказу и при финансовой и организационной поддержке Министерства по труду и социальной защите населения Нижегородской области. Научный руководитель – проф. З.Х. Саралиева.
5. «Многодетные семьи Нижегородской области», июль–декабрь 2004 г. По заказу и в сотрудничестве с Министерством по труду и социальной защите населения Нижегородской области. Опрошено 196 молодых нижегородок и 265 многодетных матерей. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.
6. «Незарегистрированный союз (сожительство)», 2004 г. Пилотное исследование. Опрос 146 студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Автор и исполнитель – Н.Ю. Егорова.
7. «Ценность детей», 2006 г. Инициативное исследование по Международной программе. Опрос 1000 респондентов в Нижегородской области. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.
8. «Жизнь семейная – 2007», 2007 г. Повторное исследование. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.
9. «Ценность детей и межпоколенные отношения», 2007 г. Международное социологическое исследование. Научные руководители –

профессор Б. Наук (университет г. Хемниц, Германия), З.Х. Саралиева (Россия).

10. «Модели алкогольной и наркотической созависимости в социальном контексте». Исследование по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2007–2008 гг. Научный руководитель – С.А. Судьин.

11. «Городская семья», август–ноябрь 2008 г. Исследование в 6 средних и малых городах Нижегородской области. По договору с Департаментом социальной защиты населения, труда и занятости Правительства Нижегородской области. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

12. «Сельская семья», июль–ноябрь 2008 г. Исследование в 5 районах Нижегородской области по договору с Нижегородским Советом женщин. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

13. «Взаимоотношения и семейная жизнь в России», март–апрель 2010 г. Международное германо-российское исследование. Пилотное исследование в Н. Новгороде с целью апробации и адаптации немецкого инструментария для опросов в России. Научный руководитель российской части проекта – З.Х. Саралиева.

14. «Межпоколенные отношения в современной российской семье», октябрь 2010 г. Проведение поисковых научно-исследовательских работ в рамках мероприятия 1.4 «Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров путем выполнения научных исследований молодыми учеными и преподавателями в научно-образовательных центрах». Опрошено 2000 человек. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

15. «Наказания детей», 2011 г. Повторное исследование 2000 г. Первый опрос в 2000 г., второй этап в 2011 г. Опрос в Н. Новгороде родителей детей в возрасте от 8 до 14 лет. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

16. «Мужчины современной России», 2011 г. Исследование проведено в 4-х городах ПФО. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

17. «Развитие семьи и партнерские отношения в России», 2010 г. Российско-германское исследование в рамках международного сотрудничества с университетами Германии. Продолжалась разработка материалов опроса 2010 г. в Н. Новгороде. Опрошено 1076 нижегородцев в возрасте от 14 до 56 лет. Научный руководитель российской части исследования – проф. З.Х. Саралиева.

18. «Школа: обыденность насилия (Анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)», 2012–2013 гг. Исследование проведено в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие 1.1 – I очередь, лот № 3, шифр лота 2012-1.1-12-000-3003, наименование лота – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров по научному направлению». Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

19. «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье», 2012–2013 гг. Исследование проведено в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие 1.2.1 – IV очередь, лот № 11. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

20. «Семья с психически больным ребенком в образах массового сознания», 2013–2014 гг. N=488. Научный руководитель – С.А. Судьин.

21. «Молодая семья с детьми в регионах ПФО», 2014 г. Исследование проведено в рамках реализации гранта РГНФ 14-13-52601. Региональный конкурс 2014 года «Волжские земли в истории и культуре России» – Нижегородская область. Научный руководитель – З.Х. Саралиева.

22. «Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей», волна исследования – Нижний Новгород, октябрь 2014 г. Участники всероссийского межвузовского исследования (анкетный опрос) – Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, «МАТИ» – Российский государственный технологический университет им. К.Э. Циолковского, Московский государственный областной университет, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Казанский государственный университет, Тывинский государственный университет, Сыктывкарский государственный университет, Забайкальский федеральный университет. Исполнители – З.Х. Саралиева, Т.Н. Отделкина.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ,
ИНИЦИИРОВАННЫЕ И ПРОВЕДЕННЫЕ
КАФЕДРОЙ ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ,
ОТРАЖАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

1. «Пожилые люди: взгляд в 21 век» (ННГУ, 17–19 марта 1999 г.).
2. «Молодежь XXI века: толерантность как способ мировосприятия» (ННГУ, 19–20 мая 2000 г.).
3. «Социальная политика социального государства» (ННГУ, 4–6 октября 2001 г.).
4. «Государственное регулирование экономики. Региональный аспект» (ННГУ, 23–25 октября 2001 г.).
5. «Социология социальных трансформаций» (ННГУ, 17–19 октября 2002 г.).
6. «Реабилитация лиц с ментальными нарушениями: проблемы, пути решения» (ННГУ, 23–26 июня 2003 г.).
7. «Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты» (ННГУ, март 2004 г.).
8. «Государственное регулирование экономики. Региональный аспект» (ННГУ, апрель 2005 г.).
9. «Организации системы здравоохранения и социальной защиты» (ННГУ, 14–15 апреля 2005 г.).
10. «Качественный менеджмент в учреждениях социальной сферы» (ННГУ, 4–5 октября 2005 г.).
11. «Девияция и делинквентное поведение: социальный контроль» (ННГУ, апрель 2006 г.).
12. «Комплексная и гибкая помощь семье и детям социальными учреждениями в России и Германии: сравнительный анализ и обмен опытом» (ННГУ, ноябрь 2006 г.).
13. «Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития» (ННГУ, 22–23 октября 2007 г.).
14. «Старшее поколение в современной семье» (ННГУ, 20–21 ноября 2008 г.).
15. «Здоровье как ресурс» (ННГУ, 24–25 ноября 2009 г.).
16. «Идентичность человека в организации» (ННГУ, 24–26 сентября 2010 г.).

17. «Модернизация образования и преподавания в сфере социальной работы в России» (ННГУ, сентябрь–октябрь 2011 г.).
18. «Молодежь как ресурс регионального развития» (ННГУ, 27–28 октября 2011 г.).
19. «Социокультурные корни населения» (ННГУ, 1–3 ноября 2012 г.).
20. «Гуманитарии в 21 веке» (ННГУ, 18–19 апреля 2013 г.).
21. «Социальные науки в современном обществе» (ННГУ, 11 октября 2013 г.).
22. «Инновационная экономика 21 века» (ННГУ, 9–11 апреля 2013 г.).
23. «Современные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в 21 веке» (ННГУ, 15–16 сентября, 2014 г.).

**ПУБЛИКАЦИИ АВТОРОВ МОНОГРАФИИ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

1. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е., Мигунова А.В., Петрова И.Э., Сизова И.Л., Судьин С.А. Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2011. 410 с. (Саралиева З.Х. – Главы II, IV; Егорова Н.Ю. – Глава IV; Кутявина Е.Е. – Глава I; Мигунова А.В. – Глава VII; Петрова И.Э. – Глава VI; Сизова И.Л. – Глава III; Судьин С.А. – Глава V).
2. Саралиева З.Х. Система социальной работы: Монография. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. 315 с.
3. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы: Учебное пособие. Н. Новгород: ННГУ, 2003. 287 с.
4. Саралиева З.Х. Взаимосвязь представлений о любви и браке у студентов ННГУ / З.Х. Саралиева, А.А. Козлов, Т.Э. Петрова. М.: РГСИ, 1993. 158 с.
5. Саралиева З.Х. Нижегородская семья в зеркале социологических исследований // Сб. тезисов докладов Международной конференции «Всемирный русский конгресс». М.: РАУ, 1993. 278 с.
6. Саралиева З.Х. Нижегородская семья – 97 // Семья в новых социально-экономических условиях: Материалы Международной научно-практической конференции, 2–10 октября 1997 г. Т. I. / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. С. 48–56.
7. Саралиева З.Х. Семья в новых социально-экономических условиях // Женщина в зеркале социологии: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. Иваново: Юнона, 1998. С. 48–51.
8. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Дети в неполных семьях: проблемы социализации // Женщина в зеркале социологии: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 3. Иваново: Юнона, 2000. С. 40–47.
9. Саралиева З.Х. Нижегородская семья в зеркале социологии // Женщина и общество. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. С. 77–78.
10. Саралиева З.Х. Отражение проблем современной семьи в социологических исследованиях // Социологические исследования в социальной работе: Материалы методического семинара-практикума. Нижний Новгород (ННГУ), 16–17 марта 2001 г. / Сост. и науч. ред. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: НИСОЦ, 2001. С. 59–63.

11. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Наказание детей в семье // Ребенок и взрослый: проблема взаимоотношений в новом социокультурном пространстве. Н. Новгород, 2002. С. 54–64.

12. Саралиева З.Х. Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2002. Выпуск 1 (2). С. 179–200.

13. Саралиева З.Х. Личность – семья – общество // Вестник Уральского государственного технического университета. Серия Гуманитарные и социально-экономические науки. 2003. № 4 (24). С. 54–55.

14. Саралиева З.Х. Модель позитивного функционирования семьи // Прикладная статистика в социально-экономических проблемах: Материалы Международной конференции. Н. Новгород, 14–15 февраля 2003 г. Т. I / Под ред. З.Х. Саралиевой, Н.Р. Стронгиной. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. С. 47–50.

15. Саралиева З.Х., Отделкина Н.Т., Ушакова М.В. Некоторые аспекты формирования семейной политики в Нижегородской области // Семья XXI века: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: Янтарный сказ, 2004. С. 91–97.

16. Саралиева З.Х. Основные направления государственной семейной политики на современном этапе // В семье – отечества судьба: Сб. ст. Н. Новгород: ВВАГС, 2004. С. 7–10.

17. Саралиева З.Х. Современная семья – основное противоречие // Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х т. Т. 1. / Сост. и науч. ред. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2004. С. 34–40.

18. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Успешная семья как стратегическая задача социальной политики в Нижегородской области // Социальное расслоение, власть и гражданское общество в современной России: Материалы международной научной конференции. Ридер 2 / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Саратовский писатель, 2004. С. 58–61.

19. Саралиева З.Х. Когнитивная функция семьи // Организация в фокусе социологических исследований: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х т. Т. 2. / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2005. С. 338–343.

20. Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Отделкина Н.Т., Ушакова М.В. Многодетные семьи Нижегородской области. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2005. 60 с.

21. Саралиева З.Х. Принципы государственной семейной политики // Качественный менеджмент в учреждениях социальной сферы: Материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Педагогические технологии, 2006. С. 31–35.

22. Саралиева З.Х. Насилие как нарушение прав на детство // Право на детство: профилактика насилия над детьми. Н. Новгород: НГПУ, 2007. С. 91–92.

23. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Семейные ценности и ценность детей // Молодежная галактика. Ежегодный Альманах. 2007. № 3. С. 180–187.

24. Саралиева З.Х., Соловьева С.В. Семья в России: социологический анализ // Комплексная и гибкая помощь семье и детям социальными учреждениями в России и Германии: сравнительный анализ и обмен опытом: Сборник материалов международной конференции / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. С. 143–166.

25. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Ценность детей и инвестиции в детство // Социология. 2007. № ¾. С. 112–121.

26. Саралиева З.Х. Альтернативные формы поддержки успешной семьи: проект «Дневные мамы» // Женщина в российском обществе. 2008. № 3 (48). С. 14–23.

27. Саралиева З.Х. Нижегородская семья – 2007 // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. С. 87–98.

28. Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Наук Б. Обмен в системе родственных связей в России и Германии // Ценность детей и межпоколенные отношения: Сборник научных статей / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 115–150.

29. Саралиева З.Х., Щекотуров А.В. Особенности гендерной социализации детей, оставшихся без попечения родителей // Социально-гуманитарные науки в XXI веке: из опыта исследовательских практик: Материалы четвертой межрегиональной весенней молодежной научной конференции / Под общ. ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2008. С. 152–156.

30. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Ценность детей в России // Социальная синергетика и актуальная наука: Национальные проекты России как фактор ее безопасности и устойчивости развития в глобальном мире: Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2008. С. 219–230.

31. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Дети как жизненная ценность россиян // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 394–406.

32. Саралиева З.Х. Нижегородские семьи: городские и сельские: Монография / З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов, Н.Т. Отделкина, М.В. Ушакова. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2009. 111 с.

33. Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Наук Б. Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 129–136.

34. Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Цветкова Б.Л. Среднее и старшее поколение в опекунской семье (исследование в Нижегородской области) // Социальное сиротство в современной России: истоки и предотвращение, судьбы родителей детей-сирот / Под ред. Т.З. Козловой. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2010. С. 116–129.

35. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю. Новые модели семьи в фокусе социальной поддержки // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИ. М.: РОС, 2012. С. 3508–3514. 1 CD-ROM.

36. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Партнерские отношения в большом городе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 84–89.

37. Саралиева З.Х. Ролевая ресурсность современных российских мужчин // Социология в системе научного управления [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. М.: ИС РАН, 2012. С. 1935–1936. 1 CD-ROM.

38. Саралиева З.Х., Балабанов С.С., Кузьмина Л.М. Социальные роли современных российских мужчин // Российский научный журнал «Женщина в российском обществе». 2011. № 3 (60). С. 86–93.

39. Саралиева З.Х. Социокультурная функция/дисфункция современной российской семьи // Общество – культура – человек: Актуальные проблемы социологии культуры: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 28–29 февраля 2012 г. / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 606–611.

40. Саралиева З.Х. Двое на качелях: семья vs социум // Актуальные проблемы социологии: Сб. научных статей. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 405–412.

41. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Судьин С.А. Насилие в школе: позиции школы и родителей // Актуальные проблемы родительства в Рос-

сии / Отв. ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 120–138.

42. Саралиева З.Х. Родительское ядро в семейном взаимодействии // Гуманитарии в XXI веке В 2 т. Т. 1. / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. С. 31–36.

43. Саралиева З.Х., Шлыкова Д.В. Насилие в семье как фактор дезадаптации школьников // Гуманитаризация как стратегия современного образования детей и молодёжи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции в рамках III Открытого Регионального Симпозиума «Наш мир – мир детства», 23–24 апреля 2014 г. / Под общ. ред. Л.Г. Савенковой, М.Н. Корешковой; Арзамасский филиал ННГУ, ИХО РАО, департамент образования г. Арзамаса, Управление образования администрации Арзамасского р-на. Арзамас: АФ ННГУ, 2014. С. 191–193.

44. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 118–123.

45. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Петрова И.Э. Parenthood and Parenting in Modern Russia (Родительство и стили воспитания в современной России) // Asian Social Science (Социальные науки Азии). 2015. Вып. 11. № 3. С. 255–261.

46. Егорова Н.Ю. Нижегородская область: семья и проблемы воспроизводства населения / Н.Ю. Егорова, О.В. Безаева, В.Г. Горячева, А.В. Курамшев, Е.П. Малышев // Вопросы статистики. 2004. № 3. С. 74–79.

47. Егорова Н.Ю. Альтернативные формы семьи как объект социальной политики // Государственное регулирование экономики: региональный аспект: Материалы Пятой Международной научно-практической конференции. В 2 т. Т. II. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. С. 342–344.

48. Егорова Н.Ю. Новые аспекты формирования современной семьи // Организация в фокусе социологических исследований. В 2-х т. Т. 2. Н. Новгород: НИСОЦ, 2005. С. 157–158.

49. Егорова Н.Ю. Проблемы незарегистрированных союзов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2005. Вып. 1 (4). С. 178–183.

50. Егорова Н.Ю. Распространение незарегистрированных союзов: причины и последствия // Вестник Нижегородского университета им.

Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2006. Вып. 1 (5). С. 161–168.

51. Егорова Н.Ю. Трансформационные процессы в родительско-детской подсистеме семьи // Государственное регулирование экономики: региональный аспект: Материалы Шестой Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. С. 443–445.

52. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. №4. С. 106–118.

53. Егорова Н.Ю. Особенности функционирования родительской сферы современной семьи // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 521–523.

54. Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительстве // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 23–30.

55. Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в незарегистрированных союзах // Ценность детей и межпоколенные отношения: Сборник научных статей / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 27–40.

56. Егорова Н.Ю. Сожительство как альтернативный вариант семейных отношений // III Всероссийский социологический конгресс. Москва-2008: Тезисы докладов. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 91–94.

57. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современные репродуктивные технологии: социальный аспект // Здоровье как ресурс / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2010. С. 697–701.

58. Егорова Н.Ю. Новые брачные стратегии молодежи // Молодежь как ресурс регионального развития: материалы Международной научно-практической конференции. Киров, 27–28 октября 2011 г. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 369–371.

59. Егорова Н.Ю., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Современная немецкая социология (обзор). Исследования проблем семьи. Н. Новгород: НИСОЦ, 2011. 84 с.

60. Егорова Н.Ю. Трансформации форм семьи и их отражение в социальной политике // Государственное регулирование экономики. Региональный аспект: Материалы международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2011. С. 139–143.

61. Егорова Н.Ю. Трансформационные процессы в семейно-брачной сфере и их влияние на практику социальной работы // Материалы международной научно-практической конференции «Качество услуг социальной работы». Казань, 7–8 апреля 2011 г. / Под общ. ред. М.Н. Максимовой. Казань: КГМУ, 2011. С. 96–99.

62. Егорова Н.Ю. Трансформации форм семьи: анализ демографической статистики и результатов социологических исследований // Роль статистики в управлении социально-экономическим развитием территории: Материалы научно-практической конференции, посвященной 200-летию образования государственной статистической службы в России. Н. Новгород, 30 июня 2011 г. / Под ред. Г.П. Поляковой, Р.Г. Стронгина, Н.Р. Стронгиной. Н. Новгород: Нижегородстат – Нижегородский госуниверситет, 2011. С. 238–243.

63. Егорова Н.Ю. Использование мер социальной поддержки альтернативными семьями // Инновационная экономика XXI века: Материалы Девятой Международной научно-практической конференции. В 2 т. Т. II. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 776–779.

64. Егорова Н.Ю. Модели родительско-детского взаимодействия в современной российской семье // Социокультурные корни насилия в современном обществе / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. С. 251–255.

65. Егорова Н.Ю. Современная семья: традиции и инновации // Традиции образования и духовное становление личности: идеи Н.А. Добролюбова и выдающихся мыслителей XIX–XXI вв. и современность: Сборник докладов XXXVII Международной научной конференции «Добролюбовские чтения» и Всероссийских научно-практических конференций «Семья как носитель и хранитель памяти, истории, традиций и культуры народа»; «Феномен городской усадьбы: история, традиции, современность» / Под ред. Г.А. Дмитриевской, В.М. Строгеецкого. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2013. С. 351–355.

66. Егорова Н.Ю. Современное супружество: модели отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 20–26.

67. Егорова Н.Ю. Супружеские отношения в современной семье: традиции и новации // Гуманитарии в XXI веке / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. В 2 т. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. С. 70–75.

68. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // СОЦИС. 2014. № 4. С. 97–102.

69. Егорова Н.Ю., Сизова И.Л. Распределение трудовых и домашних обязанностей в современной семье // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 1–2. С. 204–212.

70. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Вып. 2 (34). 2014. С. 42–46.

71. Егорова Н.Ю. Благополучие детей в фокусе трансформаций форм семьи // Дети и общество: социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров – отв. ред. А.Ю. Губанова, Ю.В. Ермолаева, Е.Ю. Иванова, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, И.А. Стрельцова, П.С. Юрьев. М.: РОС, 2014. С. 901–908. 1 CD-ROM.

72. Егорова Н.Ю. Модели распределения трудовых и семейных нагрузок в современной российской семье // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2014. С. 358–363.

73. Курамшев А.В. К трансформации семейных ролей в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2002. Вып. 1 (2). С. 130–138.

74. Курамшев А.В. «Мягкое отцовство» // Малая социальная группа: социокультурный и психо-психологический аспекты. В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2004. С. 125–129.

75. Курамшев А.В., Королькова Н.А. Семья как базовая ценность россиян // Восьмые Вавиловские чтения. Мировоззрение современного общества в фокусе научного знания и практики: Сб. материалов / Под общ. ред. В.П. Шалаева. В 2 ч. Ч. 1. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2004. С. 121–123.

76. Курамшев А.В. Трансформация института отцовства // Медиевистика и социальная работа / Под ред. Е.А. Молева. Н. Новгород: ННГУ, 2004. С. 238–248.

77. Курамшев А.В., Королькова Н.А. Счастливая семья глазами нижегородских студентов // IX нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: Тезисы докладов. Н. Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2005. С. 205–207.

78. Курамшев А.В. Мужчина в современной семье // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 528–533.

79. Курамшев А.В. Ценность семьи и детей в представлениях подростков: гендерный аспект // Ценность детей и межпоколенные отношения: Сборник научных статей / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 80–88.

80. Kuramschew A., A.B., Mayer B., Trommsdorff G. Familienbezogene Werte und Zukunftsvorstellungen in der Adoleszenz: Ein deutsch-russischer Vergleich // Zeitschrift für Soziologie der Erziehung und Sozialisation. 2009. Heft 1. S. 29–44.

81. Курамшев А.В., Чистякова Т.С. Стратегии добрачных практик современной молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 3. С. 43–49.

82. Курамшев А.В. Мужское насилие как фактор идентификации // Молодежь как ресурс регионального развития: Материалы Международной научно-практической конференции. Киров, 27–28 октября 2011 г. / Отв. ред. З.Х. Саралиева. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 399–401.

83. Курамшев А.В., Баланова Т.С. Российская домохозяйка: свободный выбор или дань традиции? // Модернизационный потенциал регионов: Сборник докладов и тезисов Международной научно-практической конференции. Иваново, 14–15 октября 2010 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 210–212.

84. Курамшев А.В., Кутявина Е.Е., Мифтахова А.Г. Ответственное деторождение в репродуктивных установках современных женщин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. № 2. С. 81–87.

85. Митягина Е.В. Современная российская семья: конвенциональные отношения между поколениями // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 4 (20). С. 68–75.

86. Мигунова А.В. Возможности социальной работы в решении школьных проблем // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 62–67.

87. Мигунова А.В. Повышение квалификации в системе образования по социальной работе // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2014. С. 172–175.

88. Петрова И.Э. Система социальной защиты детей, имеющих иные потребности: взгляд академической социальной работы // Материалы международного семинара «Опыт работы органов социальной защиты населения города Нижнего Новгорода по реабилитации детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья». Н. Новгород, 27–29 сентября 2005 г. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. С. 19–23.

89. Петрова И.Э., Воинов Б.С., Бугров В.Н., Воинов Б.Б. Подход к организации социальной работы с неблагополучными семьями // Информационные технологии и системы: поиск оптимальных, оригинальных и рациональных решений: Коллективная монография. М.: Наука, 2007. С. 490–496.

90. Петрова И.Э., Азерли Д.А. Насилие в школе: взгляд современных российских исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. Вып. 4. С. 7–13.

91. Сизова И.Л. Репродуктивные установки молодых семей и демографическая политика // Ценность детей и межпоколенные отношения: Материалы международного исследования. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. С. 150–166.

92. Сизова И.Л. «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. №1. С. 86–103.

93. Сизова И.Л. Гендерные аспекты насилия в школе: опыт немецких исследований // Материалы международной научно-практической конференции «Социокультурные корни насилия в современном обществе». Н. Новгород: НИСОЦ, 2013. С. 367–372.

94. Сизова И.Л. Ищущие работу женщины на российском рынке труда // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 41–48.

95. Судьин С.А., Степанова Е.В. Типологии семейных реакций на психически больного ребёнка: модели созависимости: Материалы Международной конференции-семинара на тему «Инновационные технологии в медико-социальном обслуживании лиц, страдающих психическими расстройствами». Городец: ГПНИ, 2007. С. 21–32.

96. Судьин С.А. Бабушка как социальная и межличностная роль // Ценность детей и межпоколенные отношения: Сборник научных статей. Н. Новгород: НИСОЦ, 2008. С. 167–179.

97. Судьин С.А. Семья с психически больным: траектории семейных деформаций // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 571–572.